

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2005

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: mspskniga@co.ru

<http://www.msps.ru>

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

А.М. Салмин

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

Издание осуществлено при поддержке

Агентства Международного Развития США (USAID).

Содержание

№ 2 (33) 2005

К читателю 5

Семинар

- Отношения между ЕС и Россией: развитие партнерства на основе доверия* 7
Марк Франко
Дискуссия 12
Заметки с семинара 21
Марина Чепикова

Тема номера

- Геополитическое и геоэкономическое положение России в середине XXI века* 25
Сергей Васильев

XXI век: вызовы и угрозы

- Динамика центр-периферийных отношений* 37
Дмитрий Горин
Революция для чиновников. Новые возможности для гражданского общества 43
Михаил Савва

Дискуссия

- Избирательная система и дух федерализма* 51
Андрей Захаров
В поисках ценностных ориентиров и точек роста 59
Алексей Чернышов
Историчность и новый стиль гражданских акций 65
Артем Марченков

Дух законов

- Перспективы становления и развития института коллективных прав* 79
Виктор Федосенко

Наш анонс

- Джон Мейнард Кейнс. Экономист, философ, государственный деятель. 1883-1946* 84
Роберт Скидельски

Свобода и культура

- Не пора ли нам наконец понять, что же такое демократия?* 86
Сергей Егоров, Ефим Смудянский

Личный опыт

Алеся Кармалинская: "Перешагнуть через страх быть собой" 91
Юрий Гиренко

Идеи и понятия

Модернизация 94
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

Горизонты понимания

Макиавелли и открытие политического успеха 102
Александр Согомонов

Книги

"Русская система"? 112
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 114
Андрей Никитин
Евгения Иванкова

Контрапункт 116
Александр Архангельский

Nota bene

Из писем А.П.Чехова 120

*В оформлении номера использованы работы художников
из Германии, Италии, США, Франции и Швейцарии*

К читателю

Слово «государство» — мировоззренческое понятие. В современном русском языке оно имеет по меньшей мере три значения, на основе которых созидались российская, а затем советская государственность и культура. Первое значение связано этимологически с религиозным смыслом этого понятия.

«Взросла на русской земле некая большая, темная сила, — пишет Василий Шукшин в своем известном романе о Степане Разине «Я пришел дать вам волю». — И это разжигало Степана, томило, приводило в ярость. Короче всего его ярость влагалась в слово — «бояре»... Он говорил — бояре, и его понимали. Они, собаки, во многом и многом виноваты: стыд потеряли, свирепеют от жадности... Но не они та сила.

Та сила, которую мужики не могли осознать и назвать словом, называлась — ГОСУДАРСТВО*». То есть, Господа дар, дар свыше, когда в результате религиозного обряда «помазания на царство» российский самодержец получал верховную власть над своими подданными. А подданные, или мужики, не могли, по словам Шукшина, «осознать и назвать» эту таинственную для них силу, которая формировала российскую империю, просуществовавшую до 1917 года.

Затем, как известно, вместо традиционного религиозного отношения к государству в нашей стране появилось его светское определение, автором которого был Ленин. И «государство» уже осознанно было превращено в «машину, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»*.

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

* Василий Шукшин. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. Романы. — М.: «Молодая гвардия», 1975. — С. 454. Выделено автором. — Ю.С.

Причем идеологический образ этой машины вначале большевики, а потом коммунисты стремились навязать всему миру.

Однако еще в начале XX века в России существовало и другое, либеральное представление о государстве, носителями которого были конституционные демократы, считавшие, что государство — это прежде всего народ, живущий на определенной территории, объединенный той или иной степенью солидарности и обладающий организованной властью. То есть имеющий возможность благодаря демократическим процедурам избирать своих представителей в органы власти и контролировать их**.

Из трех приведенных значений понятия государства именно последнее позволяет видеть в нем, по выражению философа Владимира Соловьева, «относительное состояние, результат взаимодействия различных социальных сил и элементов»***. Или, другими словами, открывает перспективу современного развития в стране правового государства и гражданского общества.

Возродить традицию понимания государства именно как гражданской нации, разумеется, не просто, но к этому надо стремиться. То есть ясно понимать и считаться с тем, что современная власть находится повсюду, как полагал Мишель Фуко, французский философ. И не потому, что она все охватывает, а потому, что она идет отовсюду.

Только такое понимание государства способно изменить наше отношение к прошлому, не порывая связей с традицией. А именно, ощущая свою причастность к великой стране и отдавая ясный отчет в том, что у нас достаточно оснований для гордости — своей историей, своей культурой, своими согражданами.

Россия — наша страна и наша ответственность.

* В.И. Ленин. ПСС, т. 39. — С. 75

** См., в частности: Б.А.Кистяковский. *Философия и социология права*. — СПб.: РХГИ, 1998 — 453 с. Богдан Кистяковский был одним из авторов знаменитого сборника «Вехи».

*** В.С. Соловьев. *Значение государства*. // Соч. в двух томах. Т. 2. — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 556.

Отношения между ЕС и Россией: развитие партнерства на основе доверия*

*Марк Франко,
глава делегации
Европейской комиссии
в Российской Федерации*

Европейский союз и Россия часто определяют свои отношения термином «стратегическое партнерство». Несомненно, отношения с Россией представляют для ЕС большую важность, в особенности после прошедшего в мае прошлого года расширения ЕС, в результате чего в состав союза вошли десять новых государств, имеющих в большинстве своем традиционные связи с Россией. В настоящее время на долю ЕС приходится более 50 процентов внешнеторгового оборота России. Наша общая граница составляет 2 200 километров.

Это означает, что мы все больше зависим друг от друга в решении общих проблем. У ЕС и России так много жизненно важных общих интересов, что мы просто **не можем позволить себе не расширять наше сотрудничество**. Нам необходимы совместные действия в сфере охраны окружающей среды, в обеспечении безопасности границ, в борьбе с транснациональной организованной преступностью, терроризмом и распространением оружия массового поражения.

В своем выступлении я не смогу дать исчерпывающий обзор отношений между ЕС и Россией: наши двусторонние отношения настолько масштабны и затрагивают так много областей политики, что сказать даже несколько слов о каждой из них на протяжении часа не представляется возможным.

Достижения и сложности в отношениях между ЕС и Россией

Нередко говорится о сложностях или даже кризисе в отношениях между ЕС и Россией. Я не стану отрицать, что существуют вопросы, по которым наши позиции не всегда совпадают. Однако существенно то, что мы способны решать наши противоречия посредством конструктивного диалога и находить компромиссы, отвечающие интересам обеих сторон. Мы уже демонстрировали способность выказывать политическую волю для нахождения взаимоприемлемых решений по сложным конкретным проблемам. Пожалуй, наиболее красноречивым примером этого

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований. Пермь, 24 февраля 2005 года.

может служить достигнутое в ноябре 2002 года соглашение о перемещении лиц из Калининградской области. Упрощенная схема железнодорожного и дорожного транзита, введенная в действие в июле 2003 года, успешно функционирует и является пример весьма инновационного решения.

Наша способность работать вместе над решением столь сложных проблем — **признак растущей зрелости нашего партнерства**. При этом не следует забывать, что это партнерство очень молодое: непродолжительна сама история отношений между ЕС и Россией. Делегация Европейской комиссии, которую я возглавляю, открылась в России всего 14 лет назад, в феврале 1991 года.

Отношения же между ЕС и Россией в их современном виде, то есть регулярные контакты на всех уровнях (проходящие дважды в год встречи на высшем уровне, встречи министров, высших чиновников, экспертов, межпарламентское сотрудничество) насчитывают всего семь лет. До декабря 1997 года, когда вступило в действие Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, отношения между ЕС и Россией не имели договорной основы. До тех пор наши отношения ограничивались торговыми контактами, инициированными еще при Горбачеве в 1980-х годах, и технической помощью Евросоюза политическим и экономическим преобразованиям в России — посредством программы Тасис, введенной в действие в 1992 году.

Оглядываясь на наши достижения за истекшие семь лет, нельзя не констатировать впечатляющее расширение горизонтов отношений между ЕС и Россией. В настоящее время наши ежедневные контакты охватывают множество областей политики — от диалога по предотвращению конфликтов и противодействию терроризму до сотрудничества в области таможенной политики, науки и образования, космических программ и переговоров по облегчению визового режима.

Постоянно расширяется и список российских участников в программах сотрудничества с ЕС. Помимо наших традиционных связей с российскими министерствами иностранных дел и экономического развития и Государственной думой, у нас установились тесные связи с многими министерствами и

правительственными ведомствами, региональными властями и неправительственными организациями, такими как деловые ассоциации и гражданские организации.

Развивающиеся контакты — благоприятный признак динамики российско-европейских отношений. Смее утверждать, что они положительны сами по себе, так как способствуют росту взаимопонимания и повышают осведомленность народов о сотрудничестве между ЕС и Россией. В то же время они породили очень высокие ожидания с обеих сторон — ожидания конкретных достижений и скорого прогресса.

При этом на повестке дня остаются сложные вопросы, требующие дальнейшей работы. Наверное, неизбежно, что по ряду из них с обеих сторон заметно некоторое разочарование. Я глубоко убежден, что и ЕС, и наши российские партнеры заинтересованы в скорейшем прогрессе по всем насущным вопросам. С одной стороны, это часто становится причиной нетерпения и разочарования, с другой — усиливает наше стремление к взаимовыгодным решениям.

Вероятно, вам встречались статьи, в которых говорится о кризисе доверия в отношениях между ЕС и Россией. Некоторые эксперты с обеих сторон полагают, что в действительности ЕС и Россия не разделяют общих ценностей, а потому их сотрудничество должно ограничиваться узкой сферой общих, в частности экономических, интересов.

Я считаю, что такой подход чреват огромными потерями возможностей для будущего развития отношений между ЕС и Россией. Подобное сужение поля наших отношений не соответствует принципам стратегического партнерства, которые мы приняли в качестве руководящей цели. Это будет означать отход от видения наших отношений, сформулированного два года назад во время саммита ЕС — Россия в Санкт-Петербурге. Я говорю о совместном проекте создания четырех Общих пространств — чуть позже я остановлюсь на них подробнее.

Как я уже сказал, несовпадение мнений по некоторым вопросам — естественная часть всякого партнерства. Однако я глубоко убежден, что разрешать разногласия следу-

Джулио Паолини. Другой бюст. 1983

ет не игнорируя их и не позволяя им развиться в подозрительность и недопонимание. Доверие — важнейшая составляющая всякого долговременного, успешного партнерства как в бизнесе, так и в международных отношениях. Мы должны быть готовы откровенно обсуждать острые вопросы, по которым наши мнения расходятся. Это позволит нам лучше понять озабоченность другой стороны и, надеюсь, устранить разногласия.

Мне представляется очень положительным то, что во время состоявшегося в Гааге в ноябре прошлого года саммита ЕС — Россия мы договорились начать регулярный диалог по всем тревожащим стороны вопросам, относящимся к правам человека, включая права меньшинств. Речь не идет о двойных стандартах: ЕС не пытается поучать Россию. Мы воспринимаем это как откровенный обмен взглядами и опытом между двумя равными партнерами. Права человека представляют собой чувствительный во-

прос не только для России, но и для многих стран Европейского союза. Растущие расизм и ксенофобия — общие проблемы, которые отравляют жизнь в обществе. Таким же образом и в ЕС, и в России в центре общественного внимания стоит вопрос о необходимости сохранить равновесие между антитеррористическими мерами и гарантией гражданских свобод.

Будущее отношений ЕС и России: Общие пространства

Упомянутые дискуссии, представляющие собой ключевой элемент второго Общего пространства свободы, безопасности и правосудия, подводят меня к вопросу о будущем европейско-российских отношений. Как я говорил ранее, во время петербургского саммита в мае 2003 года Россия и Европейский союз договорились работать вместе для создания четырех Общих пространств. В течение прошлого года был до-

стигнут значительный прогресс в процессе утверждения четырех Дорожных карт, в которых должны содержаться согласованные среднесрочные приоритеты для реализации программы каждого Общего пространства.

Общее экономическое пространство направлено на сближение наших экономик с целью поощрения инвестиций и торговли. Конечная цель — интегрированный рынок между ЕС и Россией. Это может быть достигнуто посредством регулируемого сближения, что не обязательно предполагает гармонизацию российских норм и стандартов с европейскими критериями *acquis*. Регулируемое сближение включает также сотрудничество в сфере окружающей среды. ЕС горячо приветствовал ратификацию Россией Киотского протокола в ноябре 2004 года. Двустороннее соглашение об условиях принятия России в ВТО, заключенное весной 2004 года, также является важной вехой на пути развития европейско-российских экономических отношений. Следует отметить также механизм развития панъевропейской сети транспорта (автострады, железные дороги), энергии (трубопроводы, связь между электросетями) и телекоммуникаций. Энергетический обмен между ЕС и Россией — одна из важнейших составляющих развития Общего экономического пространства.

Общее пространство свободы, безопасности и правосудия соотносится с понятиями, определяемыми также как сфера правосудия и внутренних дел. Это тоже область растущего сотрудничества между ЕС и Россией, учитывая, что мы сталкиваемся с общими угрозами, в частности с международным терроризмом, нелегальной иммиграцией, трансграничной преступностью, включая незаконную перевозку людей и наркотиков. Для решения этих проблем нам необходимо эффективное сотрудничество на уровне судебной системы и полиции.

В то же время и ЕС, и Россия твердо убеждены, что укрепление безопасности и границ не должно создавать барьеров на пути сотрудничества между нашими экономиками и обществами. Наши граждане должны

иметь возможность перемещаться более свободно. Такова рациональная основа переговоров о взаимном облегчении визового режима. Эти переговоры, начавшиеся во второй половине 2004 года, идут параллельно с разработкой двустороннего соглашения о реадмиссии. В долгосрочной перспективе ЕС и Россия надеются установить необходимые условия (например, качество проездных документов, безопасность границ), которые позволят отменить визовые ограничения.

Общее пространство внешней безопасности улучшит наше сотрудничество в сфере внешней политики и безопасности, в том числе в рамках таких организаций как ООН. Вместе Россия и ЕС могут многое сделать для предотвращения конфликтов, разрешения кризисов и восстановления пострадавших в результате военных действий регионов.

Общее пространство в области науки, образования и культуры призвано способствовать научному, образовательному и культурному сотрудничеству, в особенности через программы обмена. Наряду с усилением совместного экономического и интеллектуального потенциала, такие программы благоприятствуют развитию межличностных и межобщественных отношений между народами. Во время гаагского саммита ЕС — Россия в ноябре 2004 года было принято решение учредить в Москве Институт европейских исследований.

Россия и ЕС — партнеры или соперники?

Несмотря на величественные планы развития стратегического партнерства между ЕС и Россией, многие обозреватели с обеих сторон предупреждают о возможности возникновения соперничества за сферы влияния в сопредельных регионах.

Позвольте заверить вас, что с точки зрения Европейского союза расширение ЕС и политика европейского соседства не являются попыткой создать какие бы то ни было «сферы влияния» ЕС на Востоке, тем более изолировать Россию или подорвать отношения России с соседями. Политика европейского соседства не имеет ничего обще-

го с соперничеством или исключительными зонами влияния — это устаревшие понятия, которые невозможны (и нежелательны) в современном мире. ЕС не стремится стать великой державой в традиционном геополитическом смысле — ЕС в большей степени соотносится с понятием постмодернистского общества, заинтересованного в первую очередь в благосостоянии граждан. По этой причине первейшая задача ЕС — способствовать миру, стабильности и процветанию на нашем континенте и за его пределами.

ЕС не имеет геополитических амбиций расширять свое влияние, тем более за счет России. Мы хотим видеть сильную, стабильную и процветающую Россию, поддерживающую добрые отношения с соседями. Мы твердо убеждены, что последнее соответствует не только российским, но и нашим интересам: стабильность и процветание России неотделимы от стабильности и процветания Европы. Мы не воспринимаем Россию как потенциальную угрозу или соперника в любом — геополитическом, экономическом или ином смысле. Мы вполне сознаем, что Россия более не Советский Союз и не забываем о сложностях, с которыми сталкивается ваша страна на пути демократических преобразований и экономических реформ. Тем не менее я считаю, что движение России по этому пути необратимо.

Политика европейского соседства направлена на недопущение новых демаркационных линий между европейскими «своими» и «чужими». Мы заинтересованы в том, чтобы расширение ЕС не привело к созданию «новых стен» любого рода. Благодаря политике европейского соседства ЕС развивает возможности для трансграничного сотрудничества, значительной экономической интеграции и политического сближения. Наша цель заключается в развитии более тесных связей с Россией и другими соседями. К этому во многом сводится и наша работа над созданием Общих пространств с Россией.

Когда бывший председатель Европейской комиссии Романо Проди говорил о необходимости создать «кольцо друзей» вокруг ЕС, он не подразумевал исключительные

сферы влияния. Друзья ЕС могут и должны быть и друзьями России — и наоборот. ЕС всемерно поддерживает добрые отношения между Россией и ее соседями; мы были сердечно рады сближению России с Украиной, как о том свидетельствовал первый зарубежный визит президента Ющенко в Москву и визит российского министра иностранных дел Лаврова в Киев. Как подчеркивал президент Путин, Украине не следует выбирать между сотрудничеством с Россией или ЕС — Украине нужно и то и другое. То же относится и ко всем другим соседствующим с нами странам.

Поистине ЕС и Россия жизненно заинтересованы в региональной стабильности и процветании, включая долговременное решение так называемых «замороженных конфликтов» (Приднестровье, Закавказье). В решении этих проблем ЕС стремится работать вместе с Россией, а не против России. Прогресс здесь возможен только при полной поддержке России.

Я считаю, что ЕС и Россия обладают взаимодополняющими возможностями для достижения стабильности в этих тревожных регионах. Например, ЕС могла бы проводить восстановительные работы в пострадавших от конфликтов регионах. Долговременные решения могут быть найдены совместными усилиями при конструктивном использовании Россией своего политического влияния и экономического потенциала.

В заключение хотелось бы сказать, что сегодня не существует ответов на вопрос о том, какими будут наши отношения в долгосрочной перспективе. Возможно, еще слишком рано. Продолжающаяся работа над Дорожными картами по четырем Общим пространствам поможет нам выявить общие приоритеты и ожидания. Мы уже достигли определенного прогресса, но еще больше нам предстоит сделать. Пожалуй, важнее всего сейчас стремиться к прогрессу по конкретным вопросам и расширять диалог, в особенности по проблемам, где наши мнения расходятся. Только таким образом мы сможем рассеять существующее недопонимание и построить подлинное партнерство на основе взаимного доверия.

Дискуссия

Андрей Суслов, директор Центра гражданского образования и прав человека, г. Пермь:

— Известно, что руководители не любят, когда их учат. И у меня складывается впечатление, что в Европе как-то очень деликатно относятся к такой позиции наших руководителей, что приводит к своеобразному толкованию в том числе и таких вещей, как права человека. Получается, что у нас они должны быть не такие, как у вас. Скажем, применение права может быть избирательным; может применяться задним числом, как в случае с Ходорковским. Или, скажем, в городе Благовещенске от ОМОНа пострадали сотни людей, и никто за это должным образом не ответил, хотя случилось все еще в декабре прошлого года. Какой вы видите путь, чтобы права и свободы человека одинаково толковались как в России, так и в Европейском союзе?

Марк Франко:

— Это очень деликатные вопросы. Нарушение прав человека и полицейская жестокость имеют место и в наших странах. У нас тоже такие вещи бывают. Однако, когда это происходит, то немедленно вызывает целую бурю в прессе; протестует пресса, общественное мнение, люди начинают работать с этой проблемой, в том числе привлекаются и политические лидеры, чтобы полиция или суд не остались безнаказанными.

Теперь что касается России. Что надо делать в этой ситуации? Нужно развивать гражданское общество. Только гражданское общество может эффективно противодействовать таким явлениям. Вы должны сами этому учиться и принимать меры, чтобы такие вещи не повторялись.

Это важно, поскольку иначе, если не реализуются человеческие права, не может быть стабильных отношений даже в сфере экономики. Ваши политические лидеры, конечно же, должны выслушивать мнение западных коллег по этим вопросам. Но каким образом вести такой диалог, чтобы он был конструктивным, открытым и полезным? То есть чтобы он не рассматривался как вмешательство во внутренние дела России, как это иногда видится российской стороне.

Мы считаем вполне приемлемым, чтобы обе стороны обсуждали эти вопросы. Все это и является залогом нашего общего прогресса, который должен развиваться.

Марина Волкова, директор «Челябинского предпринимательского дома»:

— Я заранее прошу извинения, если мой вопрос покажется вам не совсем корректным. Мне как гражданке России кажется, что идет определенная борьба Евросоюза и Соединенных Штатов за влияние на Россию. В связи с этим вопрос: каковы конкурентные преимущества Евросоюза перед Соединенными Штатами?

Марк Франко:

— Очень простой вопрос. Могу сказать, что взаимозависимость между Евросоюзом и Россией гораздо больше, чем между Россией и США. Мы стремимся к этому.

Татьяна Лукина, руководитель пресс-службы администрации г. Красноярска:

— Возвращаясь к вопросу о поучительстве. Чему, на ваш взгляд, может научиться у России Евросоюз?

Марк Франко:

— Вы знаете, многому. Если учесть, что около пятидесяти лет назад началась «холодная война», когда все было разделено. Но за последние пятнадцать лет, согласитесь, все радикально изменилось. Процессы трансформации происходят ведь не только в России, но и на Западе. Такого рода события имеют историческое значение, встает множество проблем, осмысление которых требует новых подходов. Поэтому так важен диалог между Евросоюзом и новыми странами, в том числе и с Россией, по принципиальным вопросам нашего общего будущего. Они затрагивают фундаментальные аспекты развития экономики, политики, культуры. То есть нуждаются в постоянном анализе. Так что ваш опыт трансформации с этой точки зрения безусловно для нас полезен и интересен. А на вопрос, чем конкретно, я бы ответил так: я убежден в том, что в процессе трансформации Запад в целом учится у России не меньше, чем Россия у Запада.

Андрей Максимов, председатель Ульяновской городской избирательной комиссии:

— Уважаемый господин посол, вы затронули в своем выступлении прежде всего содержательную сторону взаимоотношений России и Европы. Или то, что можно назвать объективным фундаментом их развития. Между тем все мы в этом зале знаем, что российская политика, в том числе и международная, имеет субъективную сторону. То есть она строится, как правило, на личных отношениях. В зависимости от того, какие личные отношения складываются между главами государств, главами правительств и т.д. С вашей точки зрения, являются ли такие субъективные отношения негативным или позитивным фактором в отношениях между Россией и Европой? И что произойдет, когда начнется ротация власти в крупнейших европейских государствах?

Марк Франко:

— На мой взгляд, это вполне нормально, что выстраиваются отношения как между Евросоюзом и Россией, так и между Россией и отдельными странами Евросоюза. Я считаю, что это положительно. Но я настаиваю на том, что отношения с Евросоюзом в целом могут развиваться более успешно и характеризоваться большей стабильностью, чем между отдельными странами. Хотя бы потому, что, как вы сказали, кто-то из лидеров не будет переизбран. Естественно, личная химия такого рода не может и не должна сказываться на отношениях. Развивайте личные отношения со всеми странами, но при этом и отношения на уровне Евросоюза, с его институтами. Поскольку в этом залог большей стабильности. Здесь нет противоречия, я имею в виду фундаментальные отношения, на уровне обсуждения главных проблем. В конечном итоге Европейский союз стремится к тому, чтобы обеспечить развитие отношений в более стабильном формате.

Елена Немифовская, директор-основатель Московской школы политических исследований:

— Я хочу для Андрея и, может быть, для других добавить к только что сказанному. Конечно, личные отношения во всех делах имеют решающее значение. Это нечего обсуждать. Но мне кажется, говоря о нашей внутренней жизни,

стоит все же обращать больше внимания на переход от персонификации отношений к их институционализации. Поэтому так важно выстраивать институты. Иначе мы всегда будем зависеть от личностей.

Вера в свои институты — в этом основное отличие Европы от России. В европейских странах существуют независимый суд, независимая пресса, местное самоуправление — все институты современного государства. В этом смысл нашего перехода к демократии.

Светлана Аристова, председатель регионального общественного движения «Женщины России», Коми-Пермяцкий автономный округ:

— Господин Франко, я знаю, что сейчас в Европе готовятся к принятию Конституции. В некоторых странах этот вопрос уже поставлен на референдум. Каким образом учтены интересы этнических меньшинств в Европейской конституции?

Марк Франко:

— По этому поводу была принята специальная Хартия, которая является неотъемлемой частью Конституции. И в ней говорится о фундаментальных правах меньшинств. Они в ней сформулированы и подписана соответствующая рамочная конвенция юридического характера.

Сумбат Широян, преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета:

— У меня два вопроса. Стратегическое партнерство заведомо предполагает преодоление недопонимания, из чего следует, что любое понимание содержит в себе какие-то мотивации. Какими мотивациями руководствуется Европа в своих союзных отношениях с Россией, кроме тех, о которых вы сказали в конце, — благополучие, безопасность, стабильность?

Второй вопрос является продолжением того, о чем говорила Елена Михайловна. Известно, что институты создаются на базе определенных ценностей. Какие различия в понимании ценностей вы ощущаете, когда обсуждаете эту проблему с представителями российского государства и российской общественности?

Марк Франко:

— Начну со второго вопроса об общих ценностях и интересах. Разумеется, это не новая идея, она отражена в соглашениях о партнерстве, где говорится, что мы будем работать совместно.

Когда в начале девяностых годов распался Советский Союз, Россия приняла новую Конституцию и стала президентской республикой, в ней появились новые институты и были провозглашены принципы парламентской демократии. Совершенно очевидно, что, поступая так, ваша страна приняла те ценности, которые разделяются западными странами. Если я ошибаюсь, если Россия, на ваш взгляд, их не разделяет, вы можете мне об этом сказать. Однако, я полагаю, поскольку они содержатся в Конституции, то значит являются естественным выбором российского народа. Поэтому мне остается только сказать, что это наши общие ценности. Возможно, если мы будем говорить о каких-то конкретных понятиях, например о том, что такое «демократия» или «права меньшинств», то придем к несколько различным трактовкам. Эти трактовки будут различаться от страны к стране, но они концентрируются вокруг центральных принципов.

А что касается мотивации, то, мне кажется, она очевидна и заключается в стремлении народов Европы и России наращивать экономическое благосостояние, расширяя области стабильности. Такова цель стратегического партнерства – стимулирование развития научного, культурного, политического и социального сотрудничества. По этому поводу, естественно, идут дискуссии, например о том, существует ли у европейских стран какой-то собственный общий интерес. Иногда у меня создается впечатление, что Россия не вполне понимает свои интересы.

Нужно иметь в виду, что речь не идет о проигравших и выигравших. Я говорю о так называемой игре с двойной ставкой, когда есть нечто, что вы теряете, и другое, что вы выигрываете. При этом общая сумма выгод и преимуществ превосходит предпочтения, полученные от режима благоприятствования для той или иной страны. И при этом индивидуальные интересы всегда могут быть обеспечены с помощью определенных компромиссов. Именно такой подход является основой дальнейшего развития стратегического партнерства.

Алексей Козьмин, депутат Законодательного собрания Иркутской области:

– Уважаемый господин Франко, хочу поблагодарить вас за интересный доклад, в котором вы изложили официальную точку зрения Еврокомиссии. Но, как любая официальная точка зрения, она обходит подводные камни и сглаживает острые углы. Вы сказали, что мы зависим друг от друга экономически. Однако ценности, на которых держится Европа, часто расходятся с российской действительностью. Иногда Евросоюз делает вид, что в России все не так плохо, как кажется. А Россия нередко занимается имитацией. И я хочу задать вопрос: что на самом деле преобладает? Что первично – экономика или ценности? Готова ли Европа ради продвижения своих ценностей, ради соблюдения реальной демократии и прав человека отказаться от экономических выгод? Или Европа будет делать вид, что в России все хорошо?

Марк Франко:

– Европейский союз очень ясно обозначил свою позицию, в частности в вопросе четырех Дорожных карт. Мы никогда не пытались выделить дискуссию об экономических интересах, уходя от вопроса об общих ценностях... Кстати, то, о чем вы сказали, вполне относится и к Китаю.

Да, Европейский союз фактически прекратил все разговоры о правах человека в переговорах с Китаем. Ибо пришел к выводу, что у Китая и Европы много общих экономических интересов. Учитывая, что Китай принадлежит к другой цивилизации, Европа пока не заинтересована в том, чтобы обсуждать с Китаем проблему общих ценностей. Если Россия будет позиционировать себя как азиатская страна, отходящая от европейского пути развития, тогда мы тоже будем вести с ней сугубо экономический диалог. Я, однако, придерживаюсь иного мнения. Я считаю, что у России по-прежнему есть намерение следовать букве своей Конституции, даже если российским политикам иногда выгодно говорить только об экономических вопросах. Мне представляется, что Европейский союз по-прежнему заинтересован в развитии диалога по общим ценностям, потому что это важно и для России.

Андрей Перла, заведующий сектором консалтинга и связей с общественностью ЦГТИ «Социальная механика»:

– Частично я только что получил ответ на тот вопрос, который хотел задать. Совпадают ли сегодня для европейских политиков политические границы Ев-

ропы и ее географические границы? Иначе говоря, кого европейские политики наряду со своими согражданами готовы признавать европейцами? Является ли европейской страной Украина? И являлась ли она таковой до того, как произошли известные события декабря прошлого года? Являются ли европейскими странами Россия, Грузия, Турция, которая претендует на членство в ЕС? Где проходят политические границы Европы?

Марк Франко:

— Географические границы — это вопрос факта, а политические — вопрос выбора. Те страны, которые вы назвали, безусловно относятся к Европе географически. И они могут быть политически европейскими в той мере, в какой выберут европейский путь развития. В таком контексте мы будем развивать с этими странами наши отношения — в контексте европейских принципов. То есть речь не идет просто о вступлении в Европейский союз. Существует также институциональный вопрос. Страна может быть или не быть членом ЕС, однако географическое соседство остается непреложным фактом. И поэтому следует разграничивать вопрос выбора и вопрос географии. Фактически это вопрос выбора, в первую очередь.

Ирина Скупова, уполномоченный по правам человека в Самарской области:

— Еще раз о ценностях. Сегодня в нашем обществе трудно отрицать противоречие между реальными и декларируемыми ценностями. Мы провозглашаем ценности демократии и тут же отказываемся от демократических институтов; провозглашаем социальное государство и тут же государство отказываемся от своих социальных обязательств. Мы провозглашаем правовое государство, а органы исполнительной власти дают прямое распоряжение в суды не принимать иски, связанные с нарушением прав. И в связи с этим несколько вопросов, скорее, так сказать, о пропорциях, как говорят архитекторы. Существует ли это явление в странах Европейского союза? Насколько осознается такой люфт в аналитических его структурах? Рассматриваются ли какие-то объективные индикаторы реализации ценностей. Я понимаю и разделяю сказанное Еленой Михайловной, но ведь сами институты могут быть декоративными.

И последнее: что, вообще, является предметом обсуждения — абстрактные мировоззренческие ценности, или институциональное воплощение этих ценностей, или особенности функционирования институтов?

Марк Франко:

— Ну, это не простые вопросы, конечно. Безусловно, на Западе существует некий разрыв между реальностью и риторикой, но люди тем не менее реагируют, пресса реагирует, гражданское общество. Пресса, безусловно, выполняет роль сторожевого пса, указывая на расхождение между декларируемыми ценностями и принимаемыми решениями. Подобное расхождение всегда становится предметом ожесточенной критики и общественных споров. И позволю себе выразить мнение, что и в России существуют общественные силы, которые пытаются противостоять такому расхождению между ценностной парадигмой и принимаемыми решениями. Одной из целей Европейского союза в переговорах с Россией является выявление существующих проблем развития гражданского общества.

Однако, обратите внимание, Запад не может изменить ситуацию в России. Изменить ее может только российский народ. Означает ли это, что мы должны

читать нотации, учить Россию? Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах — это не наша задача. Единственное, что мы можем сделать, — сохранять этот вопрос в повестке дня до той поры, пока он остается актуальным. Это единственная функция, которую может взять на себя Европейский союз в диалоге с Россией.

Максим Сергеев, депутат городской думы муниципального образования г. Новоуральска, Свердловская область:

— Вы говорили о взаимодействии Евросоюза с Россией. Не могли бы вы подробнее рассказать о взаимоотношениях на муниципальном уровне; мне это интересно как представителю муниципалитета. Это первое. И второй вопрос: изменилось ли, с вашей точки зрения, отношение европейской общественности к России в результате названного взаимодействия? Что-нибудь поменялось в голове среднестатистического европейца?

Марк Франко:

— По первому вопросу. Существует взаимодействие не только на уровне Европейского союза, но и на уровне отдельных государств — членов ЕС и России в контексте самых разных региональных и местных программ. Все государства-члены имеют свои программы. Существует также несколько программ ТАСИС, которые направлены на стимулирование и развитие региональных связей. Однако они не представляют такой важности и не настолько адекватны, учитывая огромные размеры и многоукладность России. Очень, кстати, интересный вопрос. Возможно, нам следует расширять именно программы технической помощи и конкретные межминистерские или региональные программы. Единственное, что останавливает нас, — это огромные пространства страны и огромное количество муниципалитетов. Все это требует больших человеческих и финансовых ресурсов. Тем не менее мы работаем над некоторыми пилотными проектами, они находятся в

стадии разработки. Потому что это очень сложные процедуры, учитывая специфику России.

Второй вопрос — об отношении европейской общественности к России. Изменения, действительно, произошли. Эволюция последних пятнадцати лет была замечена, европейские политики и европейская общественность сегодня не приравнивают Россию к Советскому Союзу; существует совершенно ясное восприятие изменений в географической, экономической и политической структуре страны. Означает ли это, что не существует поводов, вызывающих несогласие или разнобой в общественном мнении в отношении развития России? Конечно же, их предостаточно. И, кстати, цель моей работы в Комиссии — способствовать лучшему пониманию процессов, происходящих в вашей стране, посредством диалога с политиками и с общественностью. То есть ответ — да, отношение изменилось. Однако в Европе все еще существует достаточно высокий уровень непонимания российской специфики.

Евгений Сеньшин, корреспондент отдела политики журнала «Эксперт-Урал», Екатеринбург:

— Первый вопрос. Скажите, каковы перспективы вступления России в Европейский союз? Какие события должны произойти, какие шаги должна сделать Россия, чтобы приблизить это вступление? Либо это вообще невозможно? И второй вопрос: как вы относитесь к фактам неонацизма в Балтии?

Марк Франко:

— Вступление России в Европейский союз не является вопросом политической повестки дня ни России, ни ЕС. В настоящее время это серьезно не обсуждается. И у меня нет конкретного мнения по этому поводу. Но я уверен, что и Россия, и Европейский союз могут плодотворно развивать отношения стратегического партнерства. Ведь при этом необязательно находиться в Союзе. Вступление в ЕС очень длительная процедура. Вам, наверняка, это известно. Однако, слово за политиками и за теми, кто определяет тенденцию развития вашей страны.

Что касается второго вопроса. Вы упомянули о вспышках неонацизма. В рамках двусторонних отношений они всегда подвергаются осуждению. Проблема русскоязычного меньшинства будет вновь вынесена на обсуждение первого марта, то есть на следующей неделе на форуме высокого уровня, который будет рассматривать вопросы демократии, включая права меньшинств. Формат этого форума был предложен Европейским союзом с целью создания соответствующей дискуссионной площадки. В нем будут участвовать в том числе и представители Эстонии и Латвии, поскольку данный вопрос имеет большую важность во всех политических переговорах между ЕС и Россией. Этот новый форум, я надеюсь, приведет к расширению диалога и поисков конструктивных решений.

Игорь Панков, глава местного самоуправления г.Березники, Пермская область:

— У нас, на севере Пермской области, активизировались турецкие бизнесмены, и когда их спрашиваешь о причинах желания инвестировать в нашу экономику, они отвечают, что им хотелось бы видеть Россию одним из центров, который выражал бы точку зрения, отличную от точки зрения Соединенных Штатов. Если такие мнения существуют на уровне бизнесменов, то я думаю, что политики Турции придут с такими же идеями и в объединенную Европу. В связи с этим вопрос: на ваш взгляд, многополярный мир возможен в наше время или это иллюзия?

Марк Франко:

— Насколько я понимаю, речь идет о международных организациях и верховенстве права на международном уровне. Это во многом роднит Европу и Россию. Возможно, не все государства — члены ЕС разделяют эту концепцию в полной мере. Существуют различные толкования. Это зависит, конечно, и от конкретных позиций правительств. Однако в целом Европейская комиссия считает, что многополярный мир способствует процветанию и развитию мира. Мне кажется, что в этом контексте России предстоит сыграть важную роль. В этом состоит существенное значение и международных организаций, таких как ООН, и международного права.

Андрей Коцарев, депутат городской думы Черемховского муниципального образования, Иркутская область:

— Известно, что католическая церковь оказывает влияние на формирование политики в Евросоюзе. А если вдруг случится, что членами Евросоюза станут и мусульманские страны? Изменится от этого его политика и какова будет реакция?

Марк Франко:

— Я не думаю, что церковь будут спрашивать. Европа является светским, а не религиозным обществом. Церковь отделена от государства. Может быть, 60 или 70 лет назад ее бы спросили, но сегодня... Европейская комиссия не сталкивалась с тем, чтобы католическая церковь или какая-либо другая в Европе оказывали влияние на политику. У нас ведь помимо католической есть и протестантские церкви. Существуют, конечно, определенные аспекты, связанные с христианскими ценностями, они отражены и в преамбуле к Европейской конституции. Но я думаю, что эти ценности разделяются представителями разных религий. Поэтому здесь нет какого-либо столкновения между религией и государством, религией и политикой.

Теперь о том, как может сказаться вступление в ЕС мусульманских стран. Я пока еще не видел никаких заявлений, сделанных представителями церкви по этому поводу. Европа — открытое общество. Поэтому она должна быть открыта и для мусульманских стран. Хотя, конечно, пресса писала, что Европа — это христианская среда, что нам не нужны мусульмане. Дебаты на эту тему продолжаются, учитывая, что идут переговоры с Турцией. Что из этого получится — посмотрим.

Не будем забывать, что Европа тоже имеет большое исламское население. Я, например, живу в Антверпене в Бельгии, представляю этот регион. И там у нас фактически большинство населения мусульмане, как и в некоторых французских или британских городах, где сильное влияние мусульманских общин. Так же как, видимо, и в России. Но мы должны быть готовы жить в обществе, в котором существуют разные религии и разные точки зрения.

Анна Опимах, аппарат главного федерального инспектора Оренбургской области:

— Вы говорили о свободе, демократии и становлении гражданского общества. Что такое, по вашему мнению, гражданское общество? Именно гражданское...

Марк Франко:

— Я вам дам общее определение. Гражданское общество — это сложившиеся отношения между индивидуумом и государством. Когда люди умеют отстаивать, скажем, права детей-инвалидов, или, например, выступают против загрязне-

ния окружающей среды, или защищают права меньшинств. То есть когда они объединяются, чтобы достигнуть определенной цели. В Советском Союзе гражданского общества не было, поскольку все общественные организации так или иначе были связаны с государственными структурами. И вот здесь, насколько я понимаю, и возникают трудности его становления. Когда существуют определенные группы, которые хотят отстоять свои права или достичь определенных целей, но государство вмешивается в этот процесс. Приведу пример, чего может достигнуть гражданское общество. Речь пойдет о движении «зеленых».

Фактически сразу после подписания Римского договора, положившего начало созданию европейского сообщества, важным аспектом политической повестки дня европейских государств стала окружающая среда. Почему? Потому что в условиях рыночной экономики бизнес не проявляет особого желания сохранять природу. Однако после того как в начале 60-х годов появились «зеленые», обеспокоенные загрязнением воды, воздуха и т.д., постепенно ситуация изменилась. Их движение стало политическим, и сегодня они представлены в парламентах, во властных структурах. То есть те ценности, которые они защищали, проникли фактически во все политические партии. Вот это и есть сила гражданского общества. Это пример того, как люди, объединяясь, ставят перед собой конкретную цель. И если эта цель благородная и они знают, как к ней идти, они ее достигают.

Мне известно, что в России сегодня много самых разных гражданских ассоциаций и общественных инициатив. Но есть вещи, которые меня одновременно восхищают и удивляют. С одной стороны, преданность, с которой вы пытаетесь достигнуть определенных целей. А с другой — отсутствие солидарности, такое ощущение, что то, к чему вы стремитесь, кто-то может сделать за вас. Но так не бывает. Только взаимная поддержка и давление на политиков, чтобы они включили ваши требования и проблемы в повестку дня парламентских обсуждений, могут привести к положительным результатам. Гражданское общество в России, безусловно, уже существует. Но, мне кажется, ему не хватает пока четкой организации и той уверенности, которая была у «зеленых» на Западе.

Елена Немировская:

— Я благодарю господина посла за то, что несмотря на свою занятость он приехал на наш семинар. Это для нас важно, потому что Европейская комиссия поддерживает Школу и интеллектуально, и финансово. Школа тоже один из институтов гражданского общества. И хочу добавить: развитие гражданского общества является стратегической задачей для нашей страны и для Европы. Поскольку Россия — стратегический партнер Европейского союза. Поэтому от вашего имени я хочу пригласить его выступить и на нашем федеральном семинаре в конце мая в Голицыно, недалеко от Москвы, почти так же как Усть-Качка от Перми. Еще раз большое спасибо.

Марк Франко:

— Я хотел бы в свою очередь поблагодарить вас за приглашение на эту встречу. Спасибо за ваши вопросы, спасибо за дискуссию, которую мы здесь начали. Для меня это очень важно — знать, чем дышит гражданское общество. Это позволит мне делать свою работу более уверенно.

*Перевод с английского
Марка Дадяна*

Заметки с семинара

На Урале в феврале никогда не цвели крокусы. Это наверняка не произойдет и в ближайшие сто лет, несмотря на глобальное потепление климата. Нежные первоцветы в резко континентальных суровых широтах не водятся по определению. Для меня провидение сделало исключение, и крокусы — мой личный символ Европы — я нашла в Усть-Качке, в сорока пяти километрах от Перми на семинаре Московской школы политических исследований. Причем и в буквальном, и в переносном смысле. Настенное панно с цветами из соломки в честь встречи вручила давняя подруга, переехавшая из Уфы в Пермь много лет назад. На Южном Урале, в Башкирии крокусы вообще-то тоже большая редкость, но изредка на самых теплых косогорах самых ухоженных дачных участков все же встречаются. Видимо, и для нее это симпатичное растение с разноцветными головками стало неким тонким символом родины. Еще точнее — стремления к теплу, свету, к самобытности и просвещению. Почему к просвещению?

Я вкладываю в крокусы определение прогресса. Потому что впервые увидела необычные для середины восьмидесятых цветочки на огороде у Герберта, ветерана Второй мировой, немецкого коммуниста и большого друга Советского Союза. Помню тот юношеский «культурный» шок от прикосновения к материальному достатку, рыночным отношениям, инакомыслию. Хотя все эти понятия были в ГДР относительными и приблизительными, как скоро выяснилось. Но для восторга и зависти впечатлений на первый раз хватило. Потом было падение Берлинской стены, очередной визит в Берлин. Разочарование приятельницы Майки Линднер от неоправдавшихся надежд на моментальную «включенность» восточных территорий в благополучие большой Европы. Она еще долго ругала «западников» за их высокомерие и чванство, за упорное нежелание становиться одной большой и дружной семьей с новыми «старыми» родственниками. И опять все было относительно: формально большинство положенных благ между двумя Германиями перераспределилось поровну. А что было внутри у каждого по обе стороны несуществующей стены — кому нужно копать так глубоко? Как никому не интересны в свете глобальных мировых процессов переживания «съжившихся» от страха и непричастности миллионов иммигрантов со всех концов света, решающих главным образом демографические проблемы, дешевой и покорной

*Марина Чепикова,
заместитель редактора
журнала «Бизнес-партнер»
(«Вестник Центральной
избирательной комиссии
Республики Башкортостан»)*

рабочей силы. На празднике выходцев из России, посвященном Хеллоуину, в сказочной резиденции курфюрстов Целле в получасе езды от Ганновера плакать хотелось от смешения стилей, интересов и возможностей. «Катюшу» пытались петь на немецком языке, а в зале молодежь шепталась исключительно на русском, но так, чтобы не слышали соседи. Дети, говорящие на жуткой, но бойкой смеси ниже-саксонского с нижегородским, и их молчаливые родители, предпочитающие пореже открывать рот, дабы сойти за «коренное», пусть даже несколько ущербное, немое население приютившей их страны... Где оно там гражданское общество и реальное, а не декларируемое соблюдение прав человека? Так с кем мы, Россия?..

Семинар в Усть-Качке, посвященный проблемам взаимоотношений России и Европы, не дал мне однозначных ответов на эти вопросы. Приехала, мне опять твердят: у России особый путь, своя в этом мире миссия. Но какая? Эксперты, спасибо им, были искренни и эмоциональны. Марк Франко, посол Европейской комиссии в Российской Федерации, осторожен в оценках: решайте сами. Понятно, есть определенные протокольные рамки. Так что, движется ли Россия к политическому кризису, определять тоже придется нам самим, никто делать это за нас не собирается. Придется выбирать и перспективные направления движения: вместе с Европой или по пути самости? Преодолевать ложные неопределенности времен «холодной войны», избавляться от ложной уверенности в том, что хорошо друг друга знаем. Хотя ожидания понимания велики, и если мы их не оправдаем, кризис доверия станет необратимым. Мы взаимозависимы, мы не противники, а партнеры. Евросоюз заинтересован в России ровно настолько же, насколько мы в нем. И самый широкий посыл: создать круг друзей — правительства и страны, с которыми можно успешно сотрудничать, решая проблемы глобальной политики и экономики. И тема: поучай тактично или вовсе не делай этого.

Итальянский политик Алессандро Тезини из провинции Фриули-Венеция-Джулия

рассуждает о кризисе «чистой политики» в европейских странах. И о том, как велика роль отдельно взятого региона, муниципального комитета и насколько они самодостаточны. Сам термин «европеизм», чувство европейскости связано с понятием «народная демократия». Баланс интересов должен сместиться в пользу регионов. Интересно, наши регионы, многократно превышающие по территории многие европейские страны, готовы к такой вот напористости и самоуважению?

Блестяще владеющий русским поляк Марек Дамбровски говорил о перспективах экономического роста в России и путях реформирования государств. Кстати, сына моей пермской подруги тоже зовут Марекком, мама Жанны наполовину итальянка. Все в этом мире тесно переплетено — северный Урал и теплая Ломбардия! Эксперт из Польши, председатель Совета социальных и экономических исследований считает, что Россия вовсе не обречена на авторитаризм, как многим здесь изнутри кажется. И очень важный для меня тезис: местные власти могут создавать более благоприятный инвестиционный климат для бизнеса, чем государство в целом. У нас, в Башкирии, у власти есть, кажется, попытки проявлять активность в отдельно взятых районах и городах, объявленных зонами экономического благоприятствования, но пока результаты минимальны. Единственный положительный пример — город несостоявшихся атомщиков Агидель. Когда зеленые в конце 80-х заморозили строительство градообразующей Башкирской атомной электростанции, населению не оставалось ничего другого, как двинуться в бизнес, благо президентом республики было указано дать региону кучу налоговых послаблений. Теперь там 70 процентов населения занимается предпринимательством, 70 процентов городского бюджета формируется за счет малых частных предприятий. Чем не европейский уровень? По республике этот показатель — 12 процентов.

Стивен Баргер, член городского совета Лондона поразил лично меня широтой взглядов и буквально перевернул мое понятие о бизнес-центре. Оказывается это це-

льный мегаполис — со всей его стройной инфраструктурой и системой ценностей. Так глобально мыслить бы нашим архитекторам, политикам, бизнесменам. Почему в российской практике до сих пор понятие «бизнес-центр» сужено до административного комплекса во благо владельцев средней руки фирм и узкого круга их клиентов? Благо, если речь идет еще и о сопутствующих магазинах, учебном центре и конференц-зале. Что, эти люди, принимающие решения о создании таких деловых эрзац-центров, не бывали в Лондоне, Европе и Америке?

Барон Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен мягко и интеллигентно размышлял о сущности стратегического партнерства ЕС с Россией, выросшего из некогда сугубо экономического сотрудничества до многопланового: в области права, свободы, безопасности, образования, культуры. Совместное пространство — емкий и привлекательный термин, скрепляющий воедино стройную концепцию партнерства, его ценностей и

интересов. «Для России суть партнерства с ЕС, — сказал по-русски высокородный немец, — модернизация страны». Только, наверное, в первую очередь в плане отношений между людьми. Барон выразился несколько иначе: в контексте плюрализма мнений. Тоже замечательно! Он тактично не стал приглашать всю сотню слушателей семинара в Кельн или Гамбург, как это сделали настоящий лондонский денди Стивен Бартер и гостеприимный испанец Хосе-Круз Перез Лапазаран. Конечно, сенатор большой провинции на границе с Францией, ощущая себя истинным хозяином и, почти как святой Фермин, покровителем Наварры, имеет все основания звать гостей за опытом региональной автономии, предлагать им самые привлекательные экскурсии по стране басков, известной не только корридой, теплыми отношениями с Хемингуэем, но и всплесками террористической активности. Хотя эти приглашения были приняты аудиторией довольно сдержанно: поедом, так не праздну, а по делу! Говорят,

есть предложения смоделировать такую Школу в Европе — интересная идея, но найдется ли другая Лена Немировская?

Замечательная палитра зарубежных экспертов позволила составить яркую и вполне оптимистичную (в их восприятии) картину российского будущего. Кажется, слушатели были более пессимистичны в прогнозах, чем иностранные гости. «Россия должна быть с Европой», — категорично заявил нидерландец Андриан Якобовиц де Сегед. Нестабильная Россия сделает нестабильной Европу. «Мы чувствуем себя близко к вам!» — совсем уж эмоционально и подружески.

Не стану даже тезисно излагать выступления экспертов из России, жалко, что их было меньше, чем консультантов со стороны той самой Европы, к которой мы будем или не будем — решать нам — присоединяться. Выбор остается за гражданским обществом, зачатки которого, кажется, все-таки появились в России, за обществом, которое учится проявлять себя и становиться соучастником всех процессов. Александр Согомонов во время круглых столов буквально душу наизнанку вывернул, допытываясь, считаем ли мы себя политиками, *что* есть ценности и принципы гражданского общества, какая система выборов привлекательнее здесь и сейчас. Он покорила меня выводом о том, что демократия наилучшим образом развита и проявляется в бизнес-структурах. Бальзам на раны! Признаюсь честно, такого глубокого уровня дискуссий я до этого моего первого семинара в Школе не встречала. Особая благодарность за ощущения, что времена меняются в лучшую сторону. В своих городах и весях мы ощущаем больше раздражения и неудовлетворенности собой, обществом, страной, будущим... Максимальная включенность аудитории, высокая степень ее подготовки, ироничность и живость того коллективного разума, который удивительным образом удалось создать и использовать обеим сторонам романтически-политического действия в заснеженной Усть-Качке, — эта руковорная схема обучения достойна глубокого теоретического осмысления. Жаль, что научным изучением процесса, скорее все-

го, не станет заниматься в своей книге о МШПИ Зоя Ерошок, единственная из лекторов державшая в напряжении аудиторию в режиме монолога, а не дискуссии. Кто другой еще сможет так держать тон, как ни практикующая журналистка? Кто сможет просто и ясно передать настроение, трепетные порывы душ? Так вот, Зоя Валентиновна, обозреватель «Новой газеты», совершенно искренне сказала, что несколько лет просидела на семинарах Школы, не задавая вопросов экспертам, а только слушая и впитывая. В конце концов по просьбе Лены Немировской она пересела к микрофону и незаметно для себя стала замечательным экспертом особого общечеловеческого ранга. Лекции ее уместны в любом контексте заданных тем.

Образ и судьба Зои Ерошок для меня, как это ни странно, тоже связаны с крокусами и Европой. Более двадцати лет назад ранней слякотной весной мы оказались с ней на стажировке в Высшей комсомольской школе. Это был профессиональный прорыв для юных корреспондентов из регионов (тогда так не говорили). В Москве цвели крокусы и голландские тюльпаны. Нам дали совсем немножко марксистско-ленинской теории и открыли много секретов профессионального мастерства, главным образом путем общения с лучшими журналистами страны и стажировок в ведущих изданиях. После той учебы заведующая отделом учащейся молодежи газеты «Комсомолец Кубани» Зоя Ерошок стала собкором «Комсомольской правды», и я долгие годы продолжала учиться у нее на расстоянии, — читая ее заметки о гибели теплохода «Адмирал Нахимов» в Новороссийске или новейшие Темрюкские страдания. Теперь очередной наш общий прорыв — семинары Московской школы, ее уже почти написанная книга. Я знаю, создание достойного информационного пространства — есть функция как государства, так и гражданского общества. Будем стараться. Всем спасибо за посильную помощь и содействие!

Геополитическое и геоэкономическое положение России в середине XXI века

В этой статье я хочу заглянуть в достаточно далекое будущее; поводом для этого послужил доклад Инвестиционного банка «Голдман Сакс», опубликованный в позапрошлом году. Доклад называется «Мечтая вместе со странами БРИК: путь к 2050-му году». БРИК — это четверка крупнейших развивающихся стран — Бразилия, Россия, Индия, Китай, и анализ, который был сделан аналитиками «Голдман Сакс», показывает, что по объему валового внутреннего продукта эти страны через 50 лет превзойдут Большую шестерку (G-7 без Канады, то есть шесть крупнейших экономик мира). В настоящее время ВВП стран БРИК составляет всего 15 процентов от этого показателя Большой шестерки; Китай, в частности, к 2050 году обгонит по объему ВВП США, хотя сейчас его ВВП достигает только 12 процентов от уровня США.

Новые партнеры для России

Возникает вопрос: насколько можно доверять таким долгосрочным прогнозам? Судя по представленным в докладе моделям, по которым все рассчитывалось, данные ретроспективного прогноза аналитиков «Голдман Сакс» состояния ведущих развитых и развивающихся экономик мира с 1960-го до 2000 года в значительной степени совпали с тем, что было на самом деле. Это в известной мере подтверждает добротность применяемых моделей.

Тема долгосрочного прогнозирования важна потому, что наша российская элита, к сожалению, мыслит в сугубо краткосрочных категориях. Любые политические и экономические дискуссии ограничиваются, как правило, горизонтом лет в десять. Между тем решения, которые мы принимаем сейчас, скажем, по пенсионной реформе, будут иметь долгосрочные последствия — в пределах пятидесяти лет. И то же самое относится к решениям по развитию природных ресурсов, по энергетике и т.д. Все это долгосрочные процессы, и мы должны хорошо себе представлять перспективы российской экономики на таком промежутке времени. Появление доклада «Голдман Сакс» означает, что существуют инструменты для прогноза долгосрочного развития, и этот чисто экономический прогноз вызывает мысли не только не столько экономические, сколько политические: о месте России в мире в 2050 году.

*Сергей Васильев,
член Совета Федерации
Федерального Собрания РФ*

Уровень развития стран БРИК в 2050 г. по сравнению с G-6 в 2000 г.
(ВВП на душу населения, тыс.долл. 2003 г.)

	2000 г.		2050 г.
Италия	18,7	Индия	17,4
Великобритания	24,1	Бразилия	26,6
Япония	32,9	Китай	31,3
США	34,8	Россия	49,6

В таблице 1 сравниваются уровни развития в 2000 году в развитых странах и в 2050 году в развивающихся странах. Мы видим, что Индия по ВВП на душу населения (в тысячах долларов 2003 года) выйдет к 2050 году примерно на уровень нынешней Италии, Бразилия – на уровень Великобритании, Китай – на уровень Японии, а Россия – обращая внимание – серьезно превзойдет нынешний уровень США. То есть все страны БРИК будут как минимум небедными – при всей условности сравнения ВВП на протяжении пятидесяти лет. Структура валового продукта также будет существенно отличаться, но ясно, что эти страны через пятьдесят лет будут иметь средний уровень развития по меркам 2050 года и высокий уровень по современным меркам. Это довольно существенный вывод и повод для сдержанного оптимизма.

С другой стороны, прогноз задает верхнюю планку, потенциал роста. Авторы доклада подчеркивают, что существует ряд условий, экономических и политических, которые должны выполняться, чтобы названный потенциал развития был реализован. В частности, должна быть обеспечена макроэкономическая стабильность, созданы развитые институты рынка и т.д. и, что особенно важно, должно быть обеспечено высокое качество образования.

ВВП на душу населения в 2050 г.
(тыс. долл. 2003 г.)

Великобритания	59,1
Франция	51,6
Россия	49,6
Германия	48,9
Италия	40,9

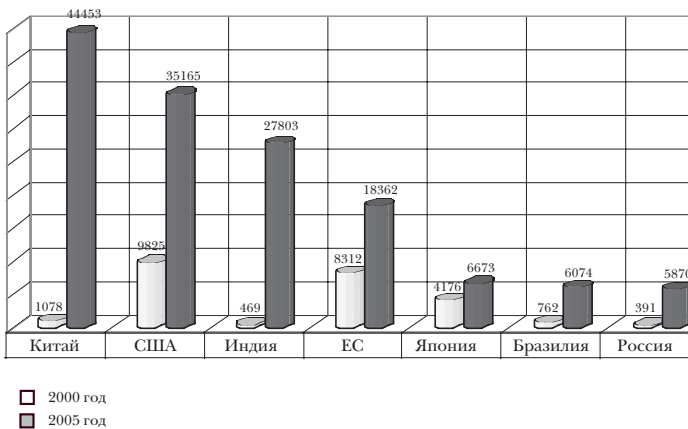
Прогноз места России среди европейских стран по уровню экономического развития в 2050 году представлен в таблице 2. Россия находится между Францией и Германией по уровню ВВП на душу населения, довольно сильно отставая от Великобритании и существенно опережая Италию. В недавней книге Егора Гайдара «Долгое время», посвященной долгосрочным проблемам эко-

номического развития, наша страна часто сравнивается как раз с Францией и Германией и достаточно обоснованно показано, что в своем развитии она все время отставала и сейчас отстает от них на пятьдесят лет. То есть за ближайшие пятьдесят лет Россия все же имеет шанс этот разрыв преодолеть. Объективный экономический потенциал для этого существует.

Но отвлечемся от показателя ВВП на душу населения и перейдем к другому показателю, которому авторы доклада уделяют больше внимания. Это масштабы экономики, которые отражены в таблице 3 в миллиардах долларов 2003-го года. Почему аналитики «Голдман Сакса» обращают внимание на размеры экономики? С точки зрения транснациональных корпораций, которые являются основными клиентами этого инвестиционного банка, размеры экономики — это размеры рынка будущего. Если сейчас крупнейшие ТНК могут в значительной степени игнорировать рынок развивающихся стран, ВВП которых составляет всего 15 процентов от Большой шестерки, то к 2050 году ситуация изменится.

Таблица 3

Масштабы экономики (млрд. долл. 2003 г.)

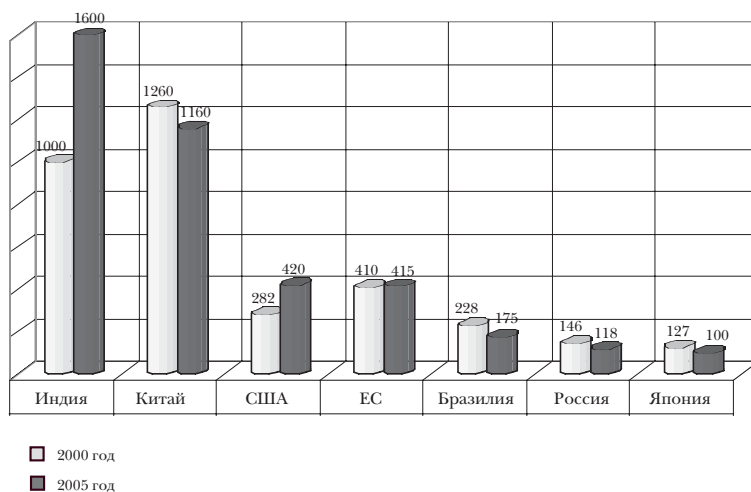
Лидером мировой экономики по объему ВВП станет, как мы видим, Китай, на третье место выйдет Индия, а Европейский союз окажется на четвертом месте. В отличие от доклада «Голдман Сакс» я рассматриваю Европейский союз в целом, потому что, как мне кажется, интеграционные процессы в Европе идут настолько быстро, что через 30 лет это будет единый экономический субъект. От четверки крупнейших экономик сильно отстают три страны: Япония, Бразилия и Россия.

Надо сказать, что, кроме экономического аспекта, существует, конечно, и геополитический, потому что именно размеры экономики в решающей степени определяют политический и военно-политический вес страны в мире. Возможности развития новых вооружений сильно зависят от ресурсов, которые страны могут направлять на развитие технологий. Причем здесь важно развитие собственных технологий. Поэтому в геополитическом плане крупнейшим игроком на мировой сцене по-прежнему будут США.

В таблице 4 представлены данные о численности населения. Как мы видим, четыре крупнейшие страны по размеру экономики будут крупнейшими и по

численности населения. Самой населенной страной мира станет Индия. В Китае благодаря проводимой сейчас жесткой демографической политике численность населения сократится с нынешних 1250 млн. до 1100 млн. человек. Еще два крупных по численности населения субъекта мировой политики — США и Европейский союз. При этом в Европейском союзе темпы роста численности населения падают; в США же, напротив, очень быстро растут за счет иммиграции и высокой рождаемости.

Численность населения (млн. чел.)

США по-прежнему выглядят как сверхдержава с очень большим ВВП на душу населения — 83 тыс. долл., что в полтора раза больше чем прогнозируемое значение для России. Разрыв, надо признать, сокращается, но объем ресурсов, выделяемых в США на развитие технологий, будет несопоставим с российскими возможностями. Реально большие средства на развитие науки и технологии сможет выделять Китай, однако накопившееся отставание от США в военно-технологической области вряд ли позволит Китаю выйти к 2050 году в мировые лидеры.

Почему имеет смысл уделять такое внимание технологии, военно-промышленным аспектам развития? Могут сказать, что богатые страны, как правило, не агрессивны, но события вокруг Ирака говорят о том, что богатейшая страна мира готова к самым авантюрным шагам во внешней политике. И внешнеполитическое поведение Китая в ситуации вокруг Тайваня — тоже далеко от миролюбивого. Не думаю, что военно-политическая активность крупнейших держав мира в обозримой перспективе существенно изменится — для этого нет никаких предпосылок. В довершение этого краткого обзора напомним о регулярных войнах между Индией и Пакистаном и о гонке ядерных вооружений в этом регионе. С другой стороны, Индия на фоне США и Китая представляется к 2050 году менее сильной державой; ее ВВП существенно меньше и распределяется он на большее население. И наконец, Европейский союз — единственное крупное геополитическое образование, которое не будет представлять угрозы для соседей просто потому, что трудности координации военной политики между входящими в него странами и к этому времени будут достаточно существенными.

На фоне четырех гигантов мировой политики положение России 2050-го года радикально отличается и от нынешнего положения страны, и от того образа Советского Союза, который был, скажем, в 1950 году. Россия середины XXI века — это довольно богатая страна даже по сравнению с европейскими странами, обладающая большой территорией, но малонаселенная. В этом она похожа скорее на Канаду или Австралию. В последние 20 лет в стране происходят и в дальнейшем будут происходить значительные изменения в восприятии своего места в мире.

Скажу еще несколько слов о крупнейших странах — Китае и Индии, учитывая их высокие темпы роста и хо-

рошие экономические перспективы. Эти страны тоже будут проходить через очень серьезные кризисы. В Китае, например, идет стремительный процесс урбанизации: доля городского населения сейчас составляет 30 процентов, а к 2030 году (только до этого времени есть прогнозы ООН) составит 50 процентов. Это очень высокая цифра и в совокупности с высокими доходами на душу населения приведет к полной несовместимости социальной структуры Китая с коммунистическим режимом. Вопрос только в том, когда и в каких формах произойдет кризис режима. Это очень серьезное испытание, через которое стране придется пройти. Чем позже это произойдет, тем жестче будет кризис. Чем успешнее Китай сейчас развивается, тем быстрее его политическая система входит в противоречие с потребностями общества.

Кроме того, в Китае существуют огромные структурные проблемы. Первая — стремительное старение населения, темпы прироста которого заметно снизились. Происходит это благодаря чрезвычайно жесткой демографической политике китайского руководства на фоне сравнительно низкого уровня экономического развития. Это означает, что доля людей старших возрастов в населении в ближайшие годы будет резко возрастать, что серьезно увеличит пенсионную нагрузку на работающее население.

Вторая структурная проблема — быстрое ухудшение качества почв. Это значит, что Китай не сможет себя прокормить. Нехватка питьевой воды — тоже проблема, которую непонятно как решать. И наконец, нехватка энергетических ресурсов. Вот это для нас существенный повод для беспокойства, потому что рядом с густонаселенным Китаем, которому не хватает природных ресурсов, находится малонаселенная Сибирь, где ресурсов, как мы знаем, очень много.

У Индии несколько иные проблемы. Она, в отличие от Китая, заметно продвинулась в развитии демократии. Однако не стоит забывать, что эта демократия существует в условиях многотысячелетней кастовой структуры общества. Мне кажется, что кастовая система в Индии, как и коммунистическая система в Китае, не переживет демографического перехода и урбанизации.

Возникает вопрос о геополитической судьбе России в середине XXI века. Я читал доклад о внешней политике США, опубликованный прошлой осенью. Россия там представлена буквально в двух абзацах. Наша страна Штатам сейчас не интересна, и я не думаю, что она будет более интересна в обозримом будущем? Основное геополитическое противостояние будет происходить между США и Китаем. В этой связи встает второй вопрос: будет ли Россия интересна Китаю с точки зрения стратегического партнерства? Потому что его ресурсы, вкладываемые в развитие науки, технологии, в амбициозные социально-

*Наша российская элита, к сожалению,
мыслит в сугубо краткосрочных
категориях*

экономические и инфраструктурные проекты, наверняка будут огромны и совершенно несопоставимы с российскими. Непонятно тогда, для чего Китаю нужна Россия. Ответ напрашивается сам собой: России уготована роль сырьевой базы Китая. Или США... Или Европейского союза... Что, в принципе, можно эффективно использовать в условиях мирного сосуществования крупных держав. Но если возникнут какие-то конфликтные ситуации, то России придется нелегко.

Теперь по поводу Европейского союза. Казалось бы, это ближайший географический сосед и наш главный партнер в торговле, а также в техническом и культурном сотрудничестве. Тем не менее со стороны Европы мы видим очевидное нежелание даже в перспективе обсуждать вопрос о вступлении России в ЕС. За последние десять лет я не могу назвать ни одного достижения в наших отношениях с объединенной Европой. Самое большее, на что Россия может рассчитывать в перспективе, — это режим свободной торговли. И, возможно, в пределах до 2050-го года взаимная отмена виз. Такая структура отношений вряд ли позволит России стать стратегическим партнером Европейского союза.

Важным фактором прохладного отношения Европейского союза к России являются его внутренние проблемы, а также перспективы его расширения.

Подведем некоторые итоги. Геополитическая судьба нашей страны в середине XXI века представляется незавидной. Отношение к России крупнейших мировых держав будет весьма безразличным. Зато в случае обострения международной обстановки она легко может превратиться в поле битвы за углеводородные ресурсы. При этом интересы России вряд ли будут приниматься во внимание.

Мы видим, что с учетом масштабов экономики проблемы поддержания своего политического статуса Россия не сможет решать в одиночку, а традиционные партнеры ей в этом не помощники. Поэтому нам нужны новые партнеры и союзники. По всей видимости, это будут крупные страны второго эшелона, которые, как и Россия, неспособны в одиночку решать свои стратегические проблемы. Из стран, рассмотренных в докладе «Голдман Сакс», — это Индия, Япония и Бразилия.

У России с Индией традиционно близкие отношения, которые никогда не были омрачены конфликтами, большой объем военно-технического сотрудничества. В этой стране в последние годы происходит прорыв в области технологического развития, создан известный научно-технологический парк в Бангалоре. Очень сильны позиции страны на мировом рынке программного обеспечения. К тому же у Индии сильное конкурентное преимущество — повсеместное знание английского языка на бытовом уровне. Я думаю, что это один из важнейших потенциальных партнеров России в реализации крупных стратегических проектов, прежде всего, научно-технологических.

Наши отношения с Японией серьезно омрачаются проблемой Курильских островов. Есть четкое указание правительства Японии своим бизнесменам не вести никаких стратегических проектов в России, пока проблема островов не будет решена*.

* В ноябре 2004 года в журнале «Компания» было опубликовано мое интервью по докладу «Голдман Сакс». Интервью вышло с подзаголовком «Проблему Курильских островов придется решать». Это было ровно за неделю до того, как об этом сказал министр иностранных дел РФ. После заявления министра Президент России посетил в течение короткого периода Индию и Бразилию.

Альберто Джакометти. Городской сквер. 1948

Между тем Япония очень важный для нас партнер. Японская и российская экономика взаимно дополняемы. У нас много ресурсов, у Японии большой технологический потенциал.

По поводу Бразилии. Эта страна очень плохо относится к идее однополярного мира, антиамериканские настроения сильны там и в левой, и в правой части политического спектра. Бразилия стремится активно участвовать в мировой политике, имеет сейчас близкие отношения с ЮАР и Индией, проводит политику сближения с КНР. В рамках ВТО Бразилия возглавляет группу 20 развивающихся стран, выступающих против субсидий агропромышленному сектору.

Хочу также напомнить, что Индия, Япония и Бразилия – потенциальные постоянные члены Совета Безопасности ООН. Эта тема сейчас активно обсуждается. Четыре страны претендуют на то, чтобы стать его постоянными членами: Германия, Япония, Индия и Бразилия. Независимо от того, станут ли эти страны постоянными членами Совета Безопасности, их роль в мировой политике будет возрастать.

«Мягкая сила» как геополитический фактор

Остановлюсь на еще одной важной тенденции мировой политики, которая в предстоящие десятилетия, несомненно, окрепнет. Речь идет о влиянии страны в мире, которое будет определяться не только размерами ее экономики и ее военно-стратегическим фактором, но и тем, что в современной политологии называется «soft power» – «мягкой силой». Это понятие очень широкое. С одной стороны, это интеллектуальное, научное и культурное влияние нации на мир, с другой – привлекательность образа страны в мире.

Надо отметить, что масштабы страны являются важным фактором реализации ее «мягкой силы». Стране с небольшим населением трудно иметь мощную науку и культуру. В большой же стране всегда много талантов и достаточно ресурсов для их развития. Второй фактор «мягкой силы» — это принадлежность страны к так называемым историческим нациям. Историческая нация — это нация, культура которой самодостаточна, имеет длительный период исторического развития и оказывает серьезное влияние на мировую культуру.

Лучший пример исторической нации — Китай. Несмотря на все проблемы, которые Китай испытывал в конце XIX и начале XX века, его статус как исторической нации не подвергался сомнению, и именно наличие длительной культурной истории позволило Китаю в короткие сроки выйти из кризиса. Индия с ее тысячелетней особой культурой также относится к историческим нациям. Япония имеет более молодую и менее самостоятельную культуру (например, заимствование письменности у Китая), но ее культурная традиция также очень устойчива и серьезно влияет на мировую культуру. Все крупные нации Западной Европы — тоже исторические, а в Восточной Европе таковыми являются Россия и Польша. В Новом свете помимо Соединенных Штатов следует отметить рост «мягкой силы» исторических наций Бразилии и Мексики.

«Мягкая сила» не является козырной картой России. Но стоит вспомнить один период в ее истории, когда ее жесткая сила уменьшилась, а мягкая сила возросла. Это вторая половина XIX века, когда после Крымской войны Россия перестала быть жандармом Европы и стала влиять на Европу через свою культуру и искусство. То есть только после Толстого, Достоевского и Чайковского Россия стала полноценной европейской и исторической нацией.

На мой взгляд, ресурс роста политического влияния России в мире лежит в развитии «мягкой силы». Как это делать, показывает пример Франции, страны среднего размера, которая сохраняет свой политический статус в значительной степени благодаря «мягкой силе». Во-первых, благодаря усилиям правительства Франции для сохранения статуса французского языка как международного. Во-вторых, ввиду привлекательности французского образа жизни, который воспринимается отчасти через гастрономию и вина, отчасти через образ Парижа. В-третьих, благодаря тем средствам, которые страна расходует на науку, культуру, образование. И в-четвертых, это развитие амбициозных проектов, не оправдывающихся с точки зрения среднесрочного экономического расчета. Таких как скоростные железные дороги, ядерная энергетика, космодром в Гвиане. Конечно, такие рецепты нельзя заимствовать непосредственно, однако Франция, несмотря на серьезное угасание в XX веке ее военно-политической мощи, разгул дирижизма в экономической политике, коррупционность и высокомерие бюрократии, чувствует себя неплохо, и, как мы видим из данных таблицы 2, к 2050 году имеет неплохие шансы по душевому ВВП.

Для поддержания «мягкой силы» России также стоит обратить внимание на язык. Русский язык довольно широко распространен в мире, причем именно как второй язык. Из трехсот миллионов людей, знающих русский язык, только для 150 миллионов это первый язык, а для других 150 миллионов — второй язык. По распространенности русского языка как второго он уступает только английскому. Поэтому одной из основных задач внешней политики России на ближайшие 20 лет должно, на мой взгляд, стать поддержание распространенности и статуса русского языка в мире. Для этого нужны сравнительно небольшие средства (скажем, из того же стабилизационного фонда), большую часть которых целесообразно тратить за границей. Изучение русского за границей важно вот еще почему: Россия в XXI веке будет испытывать большие демогра-

фические проблемы. А иммиграция — это важный фактор поддержания демографического баланса в России. И было бы неплохо, чтобы в страну приезжали работать люди со знанием русского языка. Это существенно снизит социальные и экономические издержки адаптации иммигрантов.

Не менее важным для России является также восстановление ее «мягкой силы» в тех областях, где она почти утрачена, — это наука и культура. Восстановление научного потенциала вещь непростая, но в перспективе 10–20 лет вполне реализуемая. И то же самое относится к сфере культуры, где поддержку государства должно получить все то, что пользуется успехом за рубежом.

Третья тема — Москва как одна из мировых столиц. Нынешняя динамика развития города показывает, что при небольших усилиях властей Москва может стать для международной элиты таким же комфортным центром, как, например, Лондон, Париж или Нью-Йорк. Важно, чтобы в Москве появились свои «изюминки», которые бы привлекли международные корпорации. Превращение столицы России в мировой город наверняка усилит международные позиции страны.

Что находится за пределами БРИК?

При взгляде на политическую карту мира возникает вопрос: почему в докладе «Голдман Сакс» рассматриваются только четыре страны? Разумеется, Китай и Индия — гиганты, с которыми никто не сравнится. Но есть по крайней мере еще пять стран, которые к середине XXI века будут по численности населения и масштабам экономики сопоставимы с Россией и Бразилией. В таблице 5 представлен очень грубый прогноз ВВП и численности населения этих стран (по численности населения — экстраполяция ооновских прогнозов).

Таблица 5

Страны «второго эшелона» в 2050 г.

Страна	ВВП, трлн. долл.	Численность населения, млн. чел.	ВВП на душу населения, тыс. долл. 2003 г.
Япония	6,7	100	66,8
Бразилия	6,1	253	26,6
Россия	5,9	118	49,6
Мексика	6,7–7,0	150	45–47
Индонезия	5,5–6,0	310	18–21
Пакистан	3,5–4,0	350	10–12
Турция	3,3–3,8	100	33–38
Иран	3,0–3,6	120	25–30

Мексика к 2050 году будет чуть впереди России по размеру ВВП и чуть позади по душевому ВВП, то есть на уровне средней европейской страны. В докладе «Голдман Сакс» этой стране не уделяется должного внимания, потому

что Мексика в экономическом плане интегрирована в Североамериканскую зону свободной торговли и, очевидно, не представляла большого интереса для экспертов. Но я думаю, что, несмотря на тесную экономическую интеграцию с США в политическом плане, эта страна будет достаточно самостоятельной и может рассматриваться как перспективный стратегический партнер России.

Индонезия — еще одна крупная страна, население которой к середине XXI века превысит 300 млн. чел., хотя уровень экономического развития не сильно превысит уровень развития Индии. Индонезия фигурировала в одной из ранних версий доклада «Голдман Сакс», но не вошла в окончательный анализ, по-видимому, из-за ее внутренних проблем. Пока в Индонезии был авторитарный режим, она казалась весьма монолитной. Теперь же межэтнические и межконфессиональные противоречия ставят под сомнение перспективу ее существования как единой страны.

Дальше идет Пакистан. Здесь прогнозируемый ВВП существенно ниже. Но среди всех стран, представленных в таблице, это самая населенная и самая бедная страна (ВВП — 10–12 тыс. долл. на жителя — существенно меньше, чем в Индии). Я лично плохо понимаю, как 350 млн. пакистанцев разместятся в 2050 году на сравнительно небольшой территории нынешнего Пакистана и кто их обеспечит работой. Благоприятный прогноз — превращение страны в индустриальный центр постиндустриального мира, экспорт продукции обрабатывающей промышленности в обмен на продовольствие. Но в любом случае она вряд ли превратится в фактор мировой политики.

Турция 2050 года по масштабам экономики сопоставима с Пакистаном, но душевой уровень ВВП в ней существенно выше, примерно на уровне Китая. Население около 100 млн. человек. Хочу обратить внимание, что Турция к этому времени будет сильно интегрирована в Европу и это один из крупнейших торговых партнеров России.

Последним в списке идет Иран. По численности населения страна сравнивается с Россией, по душевому доходу — с Бразилией. На мой взгляд, из всех перечисленных стран Иран представляет для нас наибольший интерес. Высокая степень урбанизации, большая доля молодежи в населении страны и высокий уровень образования предопределяют неизбежность перехода страны в ближайшие 10 лет от религиозного правления к светскому. Иран, безусловно, историческая нация и в последнее время демонстрирует элементы «мягкой силы» (кинематограф). В середине XXI века он будет заметным фактором в мировой политике и также может рассматриваться как потенциальный стратегический партнер России.

Итак, мы видим шесть стран, которые представляют интерес для России в стратегическом плане. Это Индия, Япония, Бразилия, Мексика, Турция и Иран. Реальные приоритеты отношений с этими странами могут меняться на протяжении ближайших десятилетий, но несомненно, что в развитие таких отношений необходимы большие политические инвестиции. Назову некоторые из приоритетов.

Во-первых — это информация. Мы хорошо знаем, что такое США и Европа и как там живут люди, гораздо меньше знаем об Индии, Японии и Турции. Бразилия же, Мексика и Иран для нас — *terra incognita*. Поэтому информация об этих странах должна быть организована таким образом, чтобы политическое руководство России имело достоверные прогнозы и оценки их развития на долгосрочную перспективу для реализации российских национальных интересов. Для изучения каждой страны необходимо создать не-

Исаму Ногучи. Магическое кольцо. 1970

большой исследовательский институт, соединив его с культурным центром.

Во-вторых, непосредственные человеческие контакты, неформальные отношения с представителями различных социальных и профессиональных групп. С точки зрения установления долгосрочных отношений самое лучшее — это обмен студентами, но контакты между учеными, специалистами, представителями культуры и свободных профессий также очень важны.

И наконец, продвижение русского языка в странах — стратегических партнерах и изучение языков этих стран. Цель — обеспечить условия для овладения представителями российской элиты к середине XXI века как минимум двух иностранных языков, помимо английского: китайский, фарси или португальский. (Варианты: хинди, испанский, турецкий.)

Процесс сближения с потенциальными стратегическими партнерами должен быть поэтапным. Жизнь может вносить коррективы в перечень партнеров, однако несомненно, что России необходима стратегия долгосрочного партнерства с крупными мировыми державами.

Нужно сказать, что выводы авторов доклада в отношении будущего нашей планеты весьма оптимистичны. Мы рассмотрели прогнозы развития крупнейших стран мира, развитых и развивающихся. В этих странах к 2050 году будет проживать не менее 70 процентов мирового населения. Более того, это будут урбанизированные страны. В таблице 6 приводятся данные прогноза ООН о доле городского населения в развивающихся странах к 2030 году.

Первые пять стран — Бразилия, Турция, Россия, Мексика и Иран — будут высоко урбанизированными, с долей городского населения свыше 75 процентов. Все эти страны завершат демографические переходы, это будут общества с высоким уровнем жизни, большинство населения будет составлять средний класс.

Таблица 6

Доля городского населения

Страна	2030 г. (%)
Бразилия	88,9
Турция	87,3
Россия	85,2
Мексика	81,9
Иран	74,6
Индонезия	63,5
Пакистан	55,9
Китай	50,3
Индия	45,8

*Источник: World Bank, world development indicators 2000
United Nations, World Urbanization Prospects: the 1999 Revision.*

Дальше идут: Индонезия, Пакистан, Китай и Индия, в которых очень интенсивно будет идти процесс урбанизации (рост доли городского населения порядка на 10 процентов за 15–20 лет, сотни миллионов человек за это время переедут из деревни в город). Это революция, в результате которой они будут радикально меняться; в них появится средний класс, но и бедность будет еще велика из-за неизбежных экономических и политических кризисов. И все же, судя по прогнозу, самые тяжелые свои проблемы развивающиеся страны к этому времени, скорее всего, преодолеют.

Естественно, чтобы такой оптимистический сценарий стал реальностью, эти страны на протяжении десятилетий должны вести крайне ответственную экономическую политику. И другой повод для оптимизма: в последние 10 лет в названных странах качество этой политики уже существенно улучшилось. Практически все страны покончили с высокой инфляцией, в них существенно снизилась острота проблем внешнего долга. Ответственная экономическая политика стала предметом общенационального консенсуса. Так, переход власти от правых партий к левым в Бразилии и Индии практически не повлиял на ее фундаментальные параметры. Если развивающиеся страны смогут на протяжении предстоящих десятилетий демонстрировать и дальше столь же устойчивую и ответственную политику, то благоприятные прогнозы станут реальностью.

Динамика центр-периферийных отношений

Одним из основных факторов регуляции любого сложного общества является сложившаяся в нем система центр-периферийных отношений. Проблема соотношения центра и периферии в социально-политической сфере в последнее время активно обсуждается в отечественной науке и политической публицистике. Однако чрезмерная идеологизация и политизация этой проблемы нередко препятствует ее адекватному научному анализу.

Система центр-периферийных отношений складывается веками и вовсе не сводится к социально-политической сфере и территориально-структурным аспектам организации власти. Эти аспекты сами по себе в значительной степени являются превращенной формой более фундаментальных процессов и структур, отражающих традиции и ценности любого сложного общества.

Центр, по выражению американского социолога Э. Шилза, предстает как «центр порядка символов, ценностей и мнений, который правит обществом»*. То есть он активно влияет на формирование ценностно-смысловых структур, распространенных в периферийных сферах жизни общества. «Построение центров означает на макросоциальном уровне создание фокуса институциализации в символических и организационных аспектах социальной жизни, формирование места, где организационные характеристики и проблемы соединяются с макрообразцами смысловых значений; иначе говоря, где происходит преобразование специфических организационных проблем в символические формы с нормативно запрограммированными характеристиками»**.

При этом одни части периферии воспринимают и реализуют импульсы центра, другие могут отделиться от этого воздействия или заменить его собой. Но так или иначе, центр-периферийная макрорегуляция связана с формированием различных социокультурных кодов***, которые поддерживают устройство порядков центра и их отношение с периферией, в том числе ограничивают возможности посягательств

Дмитрий Горин,
доктор философских наук
(г. Брянск)

* См.: Шилз Э. *Общество и общества: макросоциологический подход*. // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. – М., 1972. – С. 348–359.

** Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. – М., 1999. – С. 80.

*** О символической природе современной власти, проявляющейся в «символическом вторжении» и «кодификации» см. в частности: Бурдье П. *Начала*. – М., 1994. – С. 117–132, 181–207.

Марко Багноли. Стрелок из лука. 1995

ва периферии на центры и относительную автономность доступа различных групп в центры.

Какова же специфика системы центр-периферийных отношений, сложившихся в российской цивилизационно-культурной системе? Отвечая на этот вопрос, можно выделить несколько характерных особенностей.

Первое. Центральные механизмы цивилизационной регуляции представлены в России прежде всего институтами государства. Центр для нас – это центральные органы государственной власти. Именно государство в России определяет сферу ценностей и смыслов, воссоздавая патерналистскую модель. На Западе еще в эпоху Средневековья центры светской и духовной власти были не только разделены, но и реально конкурировали. Затем принципы центр-периферийной регуляции западных обществ еще более дифференцировались. Иное дело в России. На разных этапах российской истории центр закреплял за собой право на установление сакральных и идеологических порядков, предлагая определенный тип интерпретации прошлого, настоящего и будущего. При этом центр жестко локализован в географическом пространстве и наделен «священным» значением. Через столичность центр пытается обосновать «вечность» и неизменность этой локализации (что отразилось, например, в концепции Москвы как Третьего Рима). Такая модель институционализации центра во многом объясняется значительной протяженностью пространств и, соответственно, усложнением коммуникаций между центром и периферией.

Второе. В России центр предстает в роли активного и первичного начала и, как правило, выступает инициатором реформ. Практически все ключевые поворотные события в истории России связаны с «реформами сверху», начиная с принятия православия и заканчивая монетизацией льгот. И в современной политической терминологии периферия нередко выступает как второстепенная, лишенная активности и удаленная от центра не только в пространстве, но и во времени. Использование слова «местный» или «провинциальный» в русском языке ча-

сто сопровождается негативным, пренебрежительным оттенком, подчеркивающим несамостоятельность и вторичность периферии.

Третье. Выступая инициатором реформ, центр сталкивался со сложностью их проведения в масштабах огромного и весьма разнообразного евразийского пространства. Естественной реакцией центра на эту сложность были попытки упрощения этого пространства путем его унификации и выстраивания жесткой вертикали власти. Выступая распространителем определенной политики, центр стремился внедрить ее во всех регионах в одномерно унифицированном виде. Любая местная специфика воспринималась в рамках этой логики как сопротивление, которое нужно искоренить. «Российский режим, – читаем мы у Ш. Эйзенштадта, – отличался едва ли не самым низким уровнем автономного доступа и воздействия периферии на центр. В то же время центр в относительно высокой степени проникал на периферию, для того чтобы мобилизовать ресурсы, упрочить ее приверженность центру и идентификацию с ним и чтобы контролировать те виды деятельности, которые охватывали все общество. Следовательно, характер политики, выработанной российским центром, был главным образом регулирующим и принудительным; очень немного оставалось места для автономного определения своих целей широкими группами населения»*.

Четвертое. Указанные особенности структурирования центра находятся в сложном динамичном противоречии с повышенным разнообразием периферии. Россия – поликонфессиональная, поликультурная, полиэтническая страна, живущая не только в различных пространственных локусах, но и в разных временных реальностях. Любой процесс в России протекает как принципиально асинхронный. Отдельные регионы и периферийные социокультурные группы демонстрируют ту или иную степень автономности от центра. Причем в периоды активных изменений различия между российскими регионами усиливаются.

Пятое. Из сочетания этих особенностей

* Эйзенштадт Ш. Указ. соч. – С. 177.

центр-периферийных отношений в России вытекают весьма интересные характеристики российской культуры. Она нередко описывается как дуалистичная, то есть построенная на основе непреодолимых бинарных противоречий. Этот дуализм связан с тем, что «реформы сверху» по мере распространения их от институтов государства вглубь культуры и из центра вширь наталкиваются на культурно оформленные альтернативы. Раскол между вызовами институтов государства и ответами периферии подчеркивается традиционным для культуры России противопоставлением государства и общества, власти и народа. Отчуждение общества от «отеческой» государственной власти в России уходит в глубь веков. Это явление порождает парадоксальное соседство этатизма и анархизма, патернализма и вольности, централизма и сепаратизма. Например, анархизм народа русский философ Н.О. Лосский называл одной из причин деспотизма российского государства. «Грандиозная территория Российской империи, — писал он, — сложилась отчасти потому, что вольнолюбивые русские люди бежали от своего государства, но когда они заселяли новые земли, государство настигало их»*.

Шестое. Названный дуализм между властью и народом имеет свое преломление в российском правосознании в виде противопоставления закона и обычая. Параллельно с правовыми отношениями, регламентируемыми «сверху» государственными органами, существовали и отношения, основанные на обычном праве народа, которое также представляло реальную силу. Еще в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона благодать, обращенная к душе человека, ставилась выше закона, обращенного к внешней стороне жизни. С развитием государственного законодательства дуализм закона и обычая усиливался. Исследования по истории права и политических учреждений в России позволяют сделать вывод, что правовой дуализм

не был преодолен и в более поздний период**, а его отголоски заметны и сегодня. Известное изречение о том, что жесткость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения, не потеряло своей актуальности. Созданное законодательным путем право в России является не выражением сознания и традиции народа, а нередко представляет собой произвольное творение власти. Отсюда — пресловутая пропасть между законом и реальными структурами повседневной жизни. Правовой дуализм отразился и в русской философии, которая проповедовала этикоцентризм и абсолютный нравственный подход к оценке окружающей действительности. Феномен права в русской философии превращался в периферийную этическую тему и часто противопоставлялся обычной морали и нравственности***.

Седьмое. Напряженность между центром и периферией находила свое проявление и в динамике социально-политических процессов. Во многом характер этой динамики связан с противоречием между желанием и возможностями центра перестраивать периферию на всем евразийском пространстве. Именно с этим во многом связан циклично-волновой характер реформаторской политики центра. На протяжении нескольких последних веков российской истории мы можем наблюдать довольно сложную напряженность между политикой государства и культурно оформленной реакцией периферии. Чувствительность власти к этой реакции проявляется, например, в регулярно повторяющихся «откатах» после очередного витка «реформ сверху», неорганичность которых изначально таит в себе предпосылки последующих контрреформ.

Восьмое. Специфика и характер центр-периферийных отношений в России во многом определяет и характер переходных процессов. На протяжении длительного времени центру удается успешно контролировать си-

* Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. — М., 1991. — С. 276.

** См. например: Давид Р. Основные правовые системы современности. — М., 1988. — С. 158; Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание). // Вехи: Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. — М., 1991. С. 129; Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений в России. — СПб., 1908; Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914. — М., 1995. — С. 241.

*** См.: Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). — М., 1991. — С. 230–231.

туацию путем проникновения на периферию и минимизации ее преобразовательных возможностей. При этом в периоды укрепления своей власти центр стремится к поддержанию разобщенности между региональными элитами и выразителями интересов различных местных сообществ и периферийных групп. Однако этот успех оборачивается периодической утратой центром легитимации в условиях социально-политического перехода. Особенность процессов переходности в России связана с тем, что они сопровождаются социокультурными взрывами, пронизывающими все механизмы регуляции, апокалиптически «отменяя» всю предшествующую историю «до основания». Однако через определенное время общество стабилизируется на основе обновленных представлений о порядке. В русском языке есть характерное понятие, обозначающее такие точки российской истории: «смута» или «смутные времена». Стихийная, «смутная» логика перехода оказывалась своеобразным компенсаторным механизмом в условиях, когда потенциальным элитам чрезвычайно трудно добиться включения в свою деятельность больших социальных групп. Широкие слои включались в логику перехода через утрату центром своей легитимности и разрушение сложившихся порядков.

Девятое. Стихийный характер перехода ведет к слому установленных центром порядков и переструктуризации центр-периферийных отношений. На авансцену истории выходят периферийные элементы, которые, как правило, воплощают в себе неупорядоченность и случайность, поскольку каждый из них представляет собой либо трагическое, либо чудесное отклонение от существовавшего ранее порядка. Именно маргинальные типы личности (авантюрист, бунтарь, изгой и т.п.) приобретают особую харизму в смутные периоды, выражая собой выход за пределы нормативности и открывают альтернативные варианты развития. Маргинальное, периферийное оказывается тем ресурсом, который питает смысловое пространство в смутные времена.

И последнее. Как в контексте названных особенностей центр-периферийных отношений выглядит современный политический процесс в России?

Кризис государственной политики центра на рубеже 1980-х – 1990-х годов обернулся

Созданное законодательным путем право в России является не выражением сознания и традиции народа, а нередко представляет собой произвольное творение власти

«смутными временами», развивавшимися по вполне традиционному для России сценарию. В начале «смуты» доминирует бунтарский стиль политического поведения, направленный против установленных центром норм. В массовой популярности первого Президента России именно бунтарская составляющая сыграла ключевую роль. На следующем этапе бунтарский стиль сменяется авантюрным. Герой второй половины 1990-х годов – уже не бунтарь, а авантюрист, роль которого связана не с протестом, а с политической интригой и приключением.

В настоящее время мы переживаем период выхода из переходной ситуации 1990-х годов. Логика этого выхода также укладывается в традиционную схему, воспроизводящуюся в истории России с цикличной регулярностью. Любое стихийное движение локальной жизни на безграничных географических пространствах остро ставило проблему адаптации структур власти к новой ситуации. Поэтому самым простым и понятным способом решения этой проблемы было поддержание пространственной организации власти путем создания жесткой системы централизации и установления контроля над периферией. Этот контроль всегда был связан с блокированием горизонтальных политических коммуникаций и выстраиванием властной вертикали. Причем эти процессы идут на фоне усталости общества от «смутных времен» и возникающей в массовом сознании потребности в порядке и упрочении власти центра.

Аналогичную фазу циклично-волновой динамики цивилизационно-культурной системы России мы переживаем и сегодня. В стране практически завершается складывание новой политической структуры, основанной на жесткой и бесконкурентной вертикали власти центра, связанной с вытеснением периферийных элит из политического пространства. Разница с предшествующим российским опытом состоит лишь в том, что современное общество более сложно устроено, чем, например, общество сталинской или петровской России. А в сложном обществе любые процессы идут и сложнее, и быстрее.

Если раньше, в условиях доиндустриального и индустриального циклов развития российского общества, подобные методы могли оказаться эффективными, то воспроизводство привычных управленческих стереотипов в настоящее время, на мой взгляд, едва ли приведет к выходу из состояния переходности. Современный этап развития России связан со становлением постиндустриальных отношений и радикальным изменением принципов организации общества. А постиндустриальное общество строится преимущественно на горизонтальной, сетевой логике интеграции. Это общество невозможно представить без развитых информационных систем и широких коммуникаций. В период перехода к постиндустриальному развитию общество дифференцируется на пестрые социальные и культурные группы. Поэтому здесь любая интеграция должна быть основана на малых формах социальности и самоорганизации, то есть должна идти не «сверху вниз», а «снизу вверх». Периферийные элементы здесь уже невозможно унифицировать, так как они самоценны и автономны от центральных. Сложно представить себе и жестко вертикальное управление экономикой постиндустриального общества. Ведь на смену крупным производственным гигантам приходит малый и средний бизнес, а ведущим укладом становится мелкотоварный. Поэтому и в политике время вертикальных идеологических монолитов объективно уходит.

В нашей политической публицистике много говорится о новой властной пирамиде. Пирамида — вполне устойчивая геометрическая фигура, имеющая широкое и прочное основание. Если же говорить о центр-

периферийных отношениях, то их основанием являются многообразные периферийные элементы. Но в нынешней структуре власти периферия вытесняется за пределы сферы политических отношений. Поэтому новая властная вертикаль напоминает не пирамиду а скорее «падающую» Пизанскую башню. Эта башня, конечно, может простоять достаточно долго, но при условии, если ее основание постоянно будет укрепляться весьма внушительными вливаниями. К сожалению, основными источниками таких вливаний в нашей системе по-прежнему остаются сырьевые отрасли.

Не случайно нынешнюю стабильность часто называют тревожной. В современном мире выигрывает тот, кто предлагает высокотехнологичный продукт. А это означает, что доля сырьевой составляющей в конечной стоимости продукта будет неизбежно снижаться. Соответственно, будет снижаться и значение сырьевых отраслей, а следовательно, и вес российской экономики. Поэтому, несмотря на внешнее экономическое благополучие и политическую стабильность, сегодня Россия переживает весьма драматичный период. Перед нашей страной стоит задача в течение ближайших лет серьезно переструктурировать экономику, преодолеть ее сырьевой характер и сделать ее конкурентоспособной. Тем не менее в нынешней непростой ситуации власть действует в соответствии со сложившимися стереотипами: «сначала успокоение, а затем реформы». Возможно, такой подход и оправдан. Но оправдан он исключительно силой инерции. «Реформы сверху» не всегда были безуспешными. А других реформ Россия практически не знает. Однако стремление власти к тотальному контролю всегда создавало лишь иллюзию успеха, которая через некоторое время неизбежно оборачивалась сначала отчуждением общества от власти, а потом и очередным крахом государственности. Чтобы не допустить этого краха в будущем, сегодня и власть, и политическая аналитика должны отказаться от популярной, но ложной антифезы: «или модернизация, или демократия». Необходимо помнить, что в условиях постиндустриального цикла общественного развития любой проект авторитарной модернизации будет обречен на провал.

Революция для чиновников. Новые возможности для гражданского общества

Нынешний год должен стать по планам федеральной российской власти годом важнейших изменений в системе государственного и муниципального управления. В стране уже идет мало заметная для большинства населения революция. Пока она коснулась только федерального уровня власти, а не каждого из нас непосредственно, поэтому и остается тихой... По своим последствиям и масштабу перемен запланированное на 2005 год действительно равно революции. Но называется просто административной реформой.

Таинственная административная реформа

Россия — потенциально богатая страна. В очередной раз мы подтвердили это, досрочно выплатив долг Международному валютному фонду и предложив также досрочно рассчитаться с кредитами Парижского клуба кредиторов. Но богатство нашей страны практически никак не сказывается на благополучии каждого ее жителя. Мы, россияне, в своей массе — бедное население богатой страны. Неизбежно возникает вопрос: «Почему?». Как говорится в одной народной сказке, дал Господь плодородную и обширную землю, но для справедливости добавил к ней не очень умное и очень корыстное начальство... Сказки неизбежно все упрощают. Проект Программы административной реформы в Российской Федерации на 2005–2010 годы, подготовленный Центром стратегических разработок, ту же мысль выражает следующим образом: «Как свидетельствуют международные сопоставления, по показателям эффективности государственного управления и качества публичных услуг Российская Федерация находится среди стран, которые намного уступают ей по уровню экономического развития и человеческому потенциалу. По существу, сфера государственного управления превратилась в лимитирующий фактор для дальнейшего успешного развития страны и полноценного использования ее социально-экономического потенциала». Это же подтверждает международная статистика: в прошлом году Россия по показателю эффективности государ-

*Михаил Савва,
доктор политических наук,
член правления Краснодарской
региональной общественной
организации «Южный
региональный ресурсный
центр»*

ственного управления в рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума опустилась с 81 места на 89-е! В то же время по всем основным социально-экономическим показателям Россия находится в третьем десятке государств планеты. Действительно, получается, что власть в ее нынешнем виде — главное препятствие для роста экономики и уровня жизни.

Административная реформа в России началась в 2000 году с общефедерального уровня власти. У нас на памяти ликвидировались некоторые министерства, создавались федеральные службы и агентства, сокращалось количество властных полномочий. Кроме этого, органы федеральной власти за эти годы переходили на новый принцип управления. Новая структура власти была рассчитана на то, чтобы перейти от управления затратами к управлению результатами. В этом суть реформы, которая и позволяет называть ее революцией бюрократии. В нашей стране такого не было никогда.

Многие этого не знали, но несколько лет назад были упразднены именно те министерства, которые не смогли в специальных докладах толково объяснить, какова цель их деятельности, насколько грамотно они тратят бюджетные средства, как оценивают эффективность своей работы. Это был первый этап стратегического плана, направленного на то, чтобы Россия не оказалась на задворках мира в качестве страны «третьего мира».

Первый этап административной реформы не затрагивал напрямую население страны и даже низовые звенья государственной власти на уровне краев, областей, республик. Пока выполнено, по заявлениям инициаторов административной реформы (все они из Центра стратегических разработок, председателем попечительского совета которого является нынешний полномочный представитель президента в Южном федеральном округе Дмитрий Козак), не более 10 процентов от ее плана. Население процесс реформирования власти, о котором к тому же было очень мало информации, не интересовало — оно боролось с собственной бедностью. Чиновники региональной и местной власти либо ничего об этом не знали, либо надеялись, что «пронесет»...

Почему губернаторов будет назначать президент?

С 2005 года начинается второй этап административной реформы, в ходе которого она должна охватить региональный уровень. В огромной России, которая к тому же является федерацией, то есть союзом 89 субъектов, этот этап объективно будет значительно более сложным, чем реформа общегосударственной власти. Кроме того, стали очевидны из опыта последних четырех лет некоторые проблемы. Главная из них — власти большого количества субъектов Российской Федерации оказались не готовы или не захотели проводить административную реформу на своих территориях. Их можно понять: новые правила игры требовали от них высокой эффективности, реальной борьбы с коррупцией, открытости и сотрудничества с гражданским обществом.

В прошлом году на федеральном уровне был разработан проект Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и выпущено, пока закон не принят, соответствующее постановление Правительства России. Властям

субъектов центр совершенно откровенно намекнул на необходимость уже сейчас принять местные нормативные акты об открытости информации о власти. Это было сделано... в двух субъектах из 89: в Москве и в Ярославской области. Главный итог старта региональной и административной реформы очевиден — с 2005 года прервался десятилетний период всенародных выборов губернаторов. Примерно десять ближайших лет глав субъектов будут выбирать законодательные органы этих краев, областей, республик по представлению Президента России. Этот шаг трудно объяснить вне административной реформы. Губернаторы обеспечивали при необходимости административный ресурс для федеральной власти, не проявляли уже несколько лет склонности к сепаратизму. Они делали все, что от них хотели. Кроме реформирования системы власти.

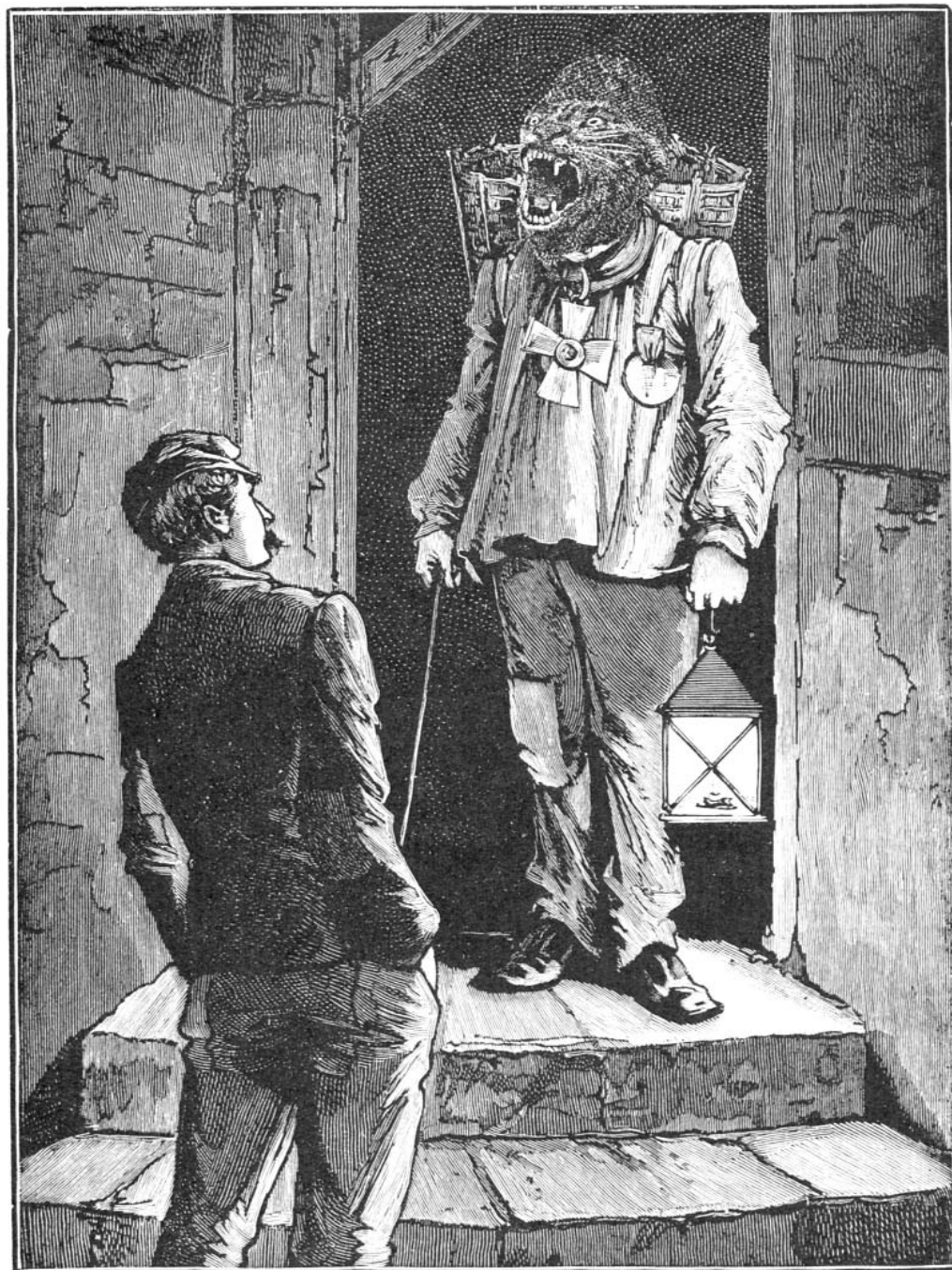
С прошлого года стала реализовываться на практике новая редакция федерального закона о местном самоуправлении, который должен радикально изменить характер местной власти в стране.

Что нас ждет в 2005-м?

Абстрактный термин «административная реформа» в наступившем году наполнится совершенно конкретным содержанием для властей субъектов Федерации и местного самоуправления. А через их изменение реформа должна коснуться и нас — граждан.

Государство, начав административную реформу, признало свою неэффективность в существующей системе властных координат. Оно на всех уровнях должно перейти от патерналистской модели, когда именно государство бралось за все и, соответственно, за все отвечало, к субсидиарной, когда оно освобождается от обязанностей, которые люди на местах могут взять на себя. Центральная власть выполняет только те функции, которые, кроме нее, никто не должен выполнять (внешняя политика, оборона и т.д.). Отказаться от старой, укоренившейся модели нелегко.

Что уже сделано и будет делаться для реформирования власти? Названы и внедряются конкретные механизмы реформы. *Первый* — управление и финансирование по результатам. Качество работы органа власти и чиновника будет оцениваться не по процессу — сколько, например, проведено совещаний — а по влиянию на общество. Деньги тоже будут выделяться не как сейчас — на обслуживание процесса, а на достижение результата. Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах, утвержденная правительством 22 мая прошлого года, прямо говорит: все уровни бюджетов должны отказаться от сметного планирования, когда за основу бюджета бралась цифра прошлого года. Более того, часть бюджета должна распределяться на конкурсной основе. *Второй* механизм — внедрение стандартов государственных и муниципальных услуг и административных регламентов. Я никогда не видел стандарта, то есть точного описания, что для меня и любого жителя страны означает та или иная услуга. В этом году появятся первые 50 стандартов на наиболее популярные услуги. Скажем, справку теперь должны будут выдать самое большее за 2 часа. На получение загранпаспорта уйдет со дня подачи заявления 10 дней и так далее. Административный регламент означает, что должно быть создано конкретное описание обязательных действий чиновника или органа власти, например, в случае обращения к ним.

Макс Эрнст. Из книги «Неделя доброты». Воскресенье. 1934

Третий механизм — оптимизация функций власти. В проекты решений и в уже действующие документы заложена идея сокращения вмешательства власти в экономику общества. Государство и местное самоуправление не должно контролировать и командовать в нынешних масштабах. *Четвертый* механизм — оптимизация ресурсного обеспечения. Сегодня бюджетные средства тратятся неэффективно. Оптимизация означает передачу части функций властных структур бизнесу или общественным организациям. Как показывает мировой опыт, только это помогает сохранить от 10 до 50 процентов бюджета! Кроме того, система конкурсов при государственных закупках должна стать всеохватывающей. *Пятый* механизм — открытость власти для общественного контроля. Проект Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации...» предполагает 37 видов информации, обязательной для размещения в информационных системах общего пользования. Начиная от принятых нормативных актов и заканчивая регистрами входящих и исходящих документов органа власти.

Наконец, *шестой* механизм — организационное и кадровое обеспечение реформы. Сюда входит, например, создание в федеральных округах дирекций по координации административной реформы. При этом подчеркивается, что набираться в дирекции будут менеджеры, имеющие опыт проектной деятельности. Во власти таких практически нет. Есть немного в бизнесе из числа специалистов, обучавшихся за рубежом. Но в основном этот потенциал сосредоточен в общественных организациях, которые западные фонды уже полтора десятка лет обучают работать именно на основе современных принципов проектирования. Государственные и местные целевые программы, к сожалению, не стали для наших чиновников школой управления по результатам. Постановление Правительства России от 22 мая 2004 года №249 прямо говорит, что «низкая результативность бюджетных расходов определена в том числе формальным характером применяемых методов программно-целевого планирования». Кроме того, будет отслеживаться и поощряться лучшая практика реформы власти.

Для власти и местного самоуправления все это означает огромную работу по подготовке, принятию и «запуску» новых нормативных актов. Для населения — новые возможности влиять на принимаемые решения. Для общественных организаций — необходимость уже сегодня создавать условия для активного общественного влияния на власть. Например, лоббировать принятие эффективных положений об обязательных общественных слушаниях в муниципалитетах и в субъектах Федерации.

Чего не хватает

Уже сегодня можно уверенно сказать, чего не хватает для реализации административной реформы — времени, знаний и специалистов. Так, с недавнего времени в Бюджетном кодексе существует понятие реестра расходных обязательств по вопросам местного значения — это совокупность нормативных правовых актов по всем вопросам местного значения, предполагающим расходование бюджетных средств. В случае отсутствия соответствующего нормативного правового акта для обоснования какой-либо расходной статьи бюджета эти расходы невозможно будет запланировать в бюджете. Другими словами, если нет специального документа — принятого местными депутатами

положения, например об организации снабжения электричеством, средства бюджета на электроснабжение тратить нельзя. Этих документов в настоящее время, как правило, нет даже в больших городах. В Хабаровске из 52 городских полномочий обеспечены нормативными актами только 2! А что говорить о небольших сельских муниципалитетах. Проблема в том, что реестр расходных обязательств типовым сделать нельзя — слишком сильно отличаются возможности разных муниципалитетов. Как показывает практика тех городов, где уже занялись внедрением новшеств административной реформы, на качественную подготовку нужно примерно полтора года. Известно, что существует три основные стратегии отношения к новшеству: игнорирование, внедрение, имитация. Игнорирования не допустит федеральный центр, на внедрение не хватит времени. Таким образом, возникает угроза имитации реформы.

Знаний не хватает потому, что ничего похожего в нашей истории не было. Это нужно было учитывать авторам и исполнителям реформы из президентской команды. Информационная кампания на тему административной реформы явно слаба. Если уж высокопоставленные чиновники администраций субъектов Федерации не знают, что их ждет, то что говорить о еще не избранных главах и депутатах хуторского звена. Но это — полбеды. Вторая ее половина в том, что речь идет не просто о новых знаниях, а о новой философии управления, о необходимости изменений в сознании большой группы управленцев.

Специалистов в области управления по результатам остро не хватает. При советской власти мы жили пятилетними планами с абстрактными целями. Потом несколько лет явной цели, кроме выживания, вообще не было. Российский бизнес в своей подавляющей массе учился только на практике, что имеет явные отрицательные стороны. В результате сегодня мало кто умеет четко сформулировать социальную цель деятельности, отличить ее от задач проекта, разработать ожидаемые количественные результаты и соответствующие им критерии оценки. Чрезвычайно мало профессиональных оценщиков таких проектов. Учтем, что понадобятся специалисты как для реализации самих задач реформы, так и для обучения исполнителей. Нужно начинать искать этих людей среди тех, кто имеет опыт управления по результатам и создавать структуры для переподготовки чиновников. Общественные организации, имеющие в своем составе подготовленных специалистов в области социального проектирования, должны заявить о своем потенциале, предложить свои услуги властям разного уровня. В России есть сильные структуры гражданского общества, которые по своему потенциалу могли бы выступить партнерами власти в осуществлении административной реформы. В Южном федеральном округе это, например, Южный региональный ресурсный центр.

Можно ли победить коррупцию в России?

Большой блок документов административной реформы посвящен борьбе с коррупцией. Взятки стали системой на всех уровнях государственного и муниципального управления и наносят огромный ущерб экономике и социальному здоровью. Очевидно, что коррупция — одна из главных причин низкого уровня доверия народа к власти. Проект Программы административной реформы прямо

констатирует: «Проблема коррупции стала важнейшей проблемой, препятствующей повышению эффективности государственного и муниципального управления. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок; коррупционность государственных и муниципальных структур и должностных лиц препятствует развитию государственного и муниципального управления, влечет за собой огромные дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения. Разработка и внедрение правовых, организационных и иных механизмов противодействия коррупции, разрешения конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе, повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти являются необходимыми звеньями реализации административной реформы в России». Рынок взяток чиновников оценивается в России минимально в 21 миллиард долларов в год. В 2003 году государственные организации закупили на открытых конкурсах только 7,7 процента продукции и услуг, хотя планировалось на порядок больше. Остальное опять «ушло» из бюджета через тесно связанные с органами власти коммерческие структуры.

Что предполагается делать? Подход реформы к коррупции является системным — предусмотрено несколько направлений деятельности. Среди них — создание специальных антикоррупционных механизмов в сферах деятельности с повышенным риском коррупции; внедрение механизмов экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность; создание методической основы оценки коррупциогенности должностей государственной службы и коррупциогенности органов исполнительной власти и проведения такой оценки; разработка пакета антикоррупционных нормативных правовых актов; формирование ведомственных и региональных антикоррупционных программ; создание институциональной базы противодействия коррупции; более активное привлечение структур гражданского общества к деятельности органов исполнительной власти по противодействию коррупции.

Уже сейчас общественным организациям нужно оценить свое желание и возможности участвовать в антикоррупционной деятельности. Именно у них есть хороший опыт социальных проектов, направленных на повышение прозрачности бюджетного процесса, собственные технологии противодействия коррупции.

Новые возможности гражданского общества

Сама по себе административная реформа не направлена на развитие демократичности или, наоборот, авторитарности власти в России. Реформа призвана сделать власть эффективной, не более того. Но все же ради эффективности в мероприятиях реформы заложено усиление влияния общественности на власть. У гражданского общества и власти наконец появился общий интерес: власть будет заинтересована в сотрудничестве хотя бы потому, что за это при-

*В России есть сильные структуры
гражданского общества, которые
по своему потенциалу могли бы
выступить партнерами власти*

дется отчитываться. Умная власть поймет к тому же, что такое сотрудничество положительно скажется и на конечном результате. Общественные организации получают возможность высказать свои предложения, направленные на улучшение положения тех групп, интересы которых они отстаивают. С учетом опыта многих общественных организаций в проектной деятельности власти будет трудно отказаться от такой помощи.

Так, с января следующего года становятся обязательными публичные слушания перед принятием бюджета и отчета о его исполнении. А если бюджет все же примут без проведения слушаний, это будет нарушением закона. Прокурор подаст протест, а казначейство не будет переводить деньги. Пока нет даже нормативных актов о таких слушаниях. Эти положения должны приниматься законодательными и представительными органами, то есть депутатами разных уровней. Прекрасное поле деятельности для общественных структур — предлагайте депутатам свои варианты.

Есть над чем совместно поработать и в части разработки уставов муниципальных образований и внесения в них изменений, создания положений о расходных обязательствах, об антикоррупционных механизмах, о проведении самых разных экспертиз. Более того, у ряда общественных организаций есть возможность стать методическими центрами по вопросам административной реформы. Южный региональный ресурсный центр готов поддержать наших партнеров из других общественных организаций России и оказать им содействие предоставлением методических материалов.

Последние несколько месяцев активно обсуждается проект федерального закона об Общественной палате Российской Федерации, но до сих пор остается непонятно, что это: третья палата российского парламента? Контролирующий орган? Универсальный экспертный совет при президенте? Думаю, что идея Общественной палаты вообще не может быть понята вне административной реформы. Если же знать стратегию реформы, то все становится на свои места. Палата — механизм обратной связи для федеральной власти. Через членов Палаты на самый верх российской власти будет поступать информация о том, что на самом деле происходит в российском обществе. Ну что же, это тоже форма контроля за деятельностью власти регионального и местного уровня и площадка для взаимодействия с федеральной властью. Федеральный законопроект об Общественной палате не предписывает республикам, краям, областям создавать общественные палаты у себя, однако понятно, что такие палаты будут создаваться. Необходимо, чтобы общественные организации изначально участвовали в разработке регламентов этих палат и в формировании их состава.

Реформа предусматривает постоянное отслеживание результатов административной реформы с участием общественных организаций на всех территориальных уровнях. Это — еще один плацдарм для взаимодействия.

Я уже, к сожалению, не оптимист. Все может в очередной раз закончиться ничем. Но я все еще хочу, чтобы в нашей стране появилась нормальная власть. Власть как система, а не добрая или злая воля одного человека. Очень надеюсь, что нас таких много... Мы и есть гражданское общество. И то, что наконец появился общий интерес у гражданского общества и власти, дарит надежду...

Избирательная система и дух федерализма

Поскольку законодательная власть прямо исходит от народа, то именно она и является самым непосредственным выразителем его могущества.

Алексис де Токвиль

В нынешней дискуссии о введении пропорциональной избирательной системы почти без внимания остается вопрос о том, как эта новация отразится на российском федерализме. Между тем федеративные аспекты нашей государственности будут напрямую затронуты новым институтом выборов. Более того, есть все основания полагать, что Государственная дума, избираемая сугубо по партийным спискам, более подошла бы унитарной, а не федеративной стране.

В пользу этого предположения можно привести следующие доводы. Как известно, федерализм представляет собой довольно эффективную форму рассредоточения власти. Власть здесь *рассеяна* между различными игроками, каждый из которых, опираясь на свою порцию полномочий, ведет непрекращающийся торг с остальными. В процессе этого торга федеральный центр и регионы сдерживают и уравновешивают друг друга, не допуская монополизации властного ресурса. «Все разновидности федерализма основаны на децентрализации, т.е. на множественности властных центров, которая не только препятствует принятию решений в одной точке, но и предотвращает само формирование монопольного источника власти»¹. Разумеется, одним из ключевых условий федеративного диалога выступает широкое представительство региональных интересов в общенациональных органах власти. Иначе говоря, голос регионов должен полноценно и внятно звучать на государственном уровне. И отвечать за это обязан, прежде всего, парламент федерации.

Именно по этой причине в федеративных государствах дизайну представительных учреждений в целом и избирательной системы в частности придается особое значение. Как известно, парламентские институты федераций, за исключением весьма редких случаев, являются *двухпалатными*. Причем, по мнению специалистов, выбор между одной палатой или двумя палатами никак нельзя считать исключительно *техническим* вопросом институционального строительства. За любым таким решением, принимаемым в ходе создания или преобразования государства, стоят два противоположных видения демократии². Первому соответствует чисто *мажоритарная* трактовка народного кон-

*Андрей Захаров,
вице-президент Фонда
развития парламентаризма
в России*

троля в отношении законодательной власти; согласно этому взгляду, парламент, избранный путем прямых и всенародных выборов, в полном объеме отражает непосредственную волю населения и потому не должен сталкиваться с препятствием в лице верхней палаты. Данную точку зрения блестяще выразил один из видных деятелей Великой французской революции: «Если вторая палата во всем соглашается с первой, то она бесполезна; если же не соглашается — она опасна».

Естественно, сторонники бикамерализма (и федерализма) не согласны с подобными аргументами. Они опираются на *либеральное* понимание демократии, настаивая на том, что верхняя палата должна сдерживать и уравновешивать потенциально агрессивное большинство нижней палаты, так как именно она защищает индивидуальные, групповые, региональные интересы — интересы того или иного *меньшинства*. И в данном смысле само ее существование исключительно важно для поддержания стабильности любого общества, сложного по своему составу. По словам лорда Солсбери, британского премьер-министра XIX века, палата лордов «представляет вечные аспекты мироощущения нации в противовес временным его аспектам, воплощенным в палате общин». По отношению к федеративному государству такое высказывание было бы еще более верным.

Именно ориентация на меньшинство, отличающая верхние палаты, делает их особенно востребованными в федеративных государствах. Поскольку федерализм являет собой сочетание самоуправления и разделенного правления, вопрос отстаивания прав отдельных регионов и территорий здесь всегда стоит остро. Сосуществование палат позволяет эффективно комбинировать политические устремления нации, выражаемые политическими партиями, с интересами территориальных сообществ, составляющих федерацию. «Принцип независимости штатов стал преобладающим при формировании сената, а принцип народовластия — при образовании палаты представителей», — говорит Алексис де Токвиль о конгрессе США³. Один тип политической фрагментации накладывается на другой: для политических дебатов резервируется нижняя палата,

в то время как в верхней палате выясняются отношения субъектов с федеральным центром. В итоге несовпадение структурных противоречий, присущих каждой из палат, и вынесение разноплановых по своей сути конфликтов на различные политические площадки превращает парламент в целом в действенный механизм защиты интересов большинства и меньшинства *одновременно*.

Современные федерации довольно широко применяют избрание депутатов по партийным спискам, так что Россия в этом ряду не будет одинока. Стоит, правда, заметить, что принципиальную роль в федеративном строительстве играет не столько сам метод избрания парламентариев («списки» — «округа») и даже не распределение полномочий между исполнительной и законодательной властью («президентская» или «парламентская» республика), сколько наличие в стране *интегрированных* партий. Речь идет о политических партиях, присутствие которых во власти в равной мере ощущается на всех этажах федеративного здания — и в центре, и в регионах, причем обеспечивается оно за счет того, что политики одного уровня состоят в прочных и постоянных *институциональных* отношениях с политиками других уровней. Некоторые авторы заходят столь далеко, что называют отлаженную подобным образом партийную систему «наиболее основательным источником федеральной стабильности», доминирующим в данном отношении над прочими элементами федеративного дизайна — такими как использование права вето или способы внесения поправок в конституцию⁴. Партии такого рода скрепляют страну, причем достигается это отнюдь не демократическим централизмом с присущим ему полным единодушием федеральной верхушки и региональных отделений и неизбежными организационными выводами в случаях внутренней смуты, как нередко считают у нас. Напротив, гарантией федеративных свобод выступает способность региональных партийных ячеек, оставаясь в рамках своей партии, сдерживать централистские поползновения, исходящие от федерального партийного начальства.

Присмотревшись к тому, как данная система работает на практике, российский наблюда-

тель будет весьма обескуражен. Рыхлость структурных образований здесь сразу бросается в глаза; с отечественной точки зрения такие партии как бы и не партии вовсе, ибо при их формировании во главу угла ставится прежде всего способность того или иного кандидата победить на выборах. Преданность же «идеологии» или «лидеру» в расчет почти не берется. К примеру, демократы и республиканцы США с марксистских времен остаются для нас примером того, как не нужно строить политическую партию; однако, как ни парадоксально, именно аморфность, открытость и гибкость подобного рода партий, имеющихся во всех англосаксонских федерациях, идеально вписывает их в изначально изменчивый и текучий федералистский контекст. Предвыборные списки таких партий в полном смысле слова «произрастают» снизу, поскольку в них попадают не те местные активисты, которых хотело бы поощрить партийное руководство, но люди, умеющие побеждать, — то есть *пользующиеся авторитетом в своем регионе* и способные тем самым поддержать партию, с которой они взяли сотрудничать. И напротив, партии, выстраиваемые и управляемые сверху, с федеративным порядком имеют весьма мало общего, о чем свидетельствует новейший опыт российских избирательных кампаний, когда лучшей рекомендацией кандидата выступает его фото в обнимку с каким-нибудь популярным деятелем федерального уровня или манифест в его поддержку, тем же деятелем подписанный.

В описанных выше партиях складывается совершенно особая система политической мотивации, ориентирующая элиты страны на поддержание и совершенствование федеративного порядка. Конечно, партия, вынужденная мыслить и действовать в региональном и федеральном ключе одновременно, в особенности в тех случаях, когда она руководит как федеральным правительством, так и правительством отдельных штатов, иногда переживает тяжелые периоды внутренней разьединенности, нечто вроде

«федералистской шизофрении», ибо интересы центра далеко не всегда совпадают с интересами составных частей федерации. Но, в конечном счете, эта раздвоенность благотворна, так как именно она и делает федеративный порядок непоколебимым.

Конечно, партия, вынужденная мыслить и действовать в региональном и федеральном ключе одновременно, иногда переживает нечто вроде «федералистской шизофрении»

Следующий пример поможет пояснить, каким образом эта схема воплощается в политическую практику.

Австралию причисляют к наиболее успешным федерациям мира, хотя ее опыт в данном отношении был весьма драматичным. Образовавшись в 1901 году в качестве децентрализованного союза шести самостоятельных штатов, к середине 1940-х эта страна оказалась на пороге упразднения федеративной структуры. Дело в том, что местная лейбористская партия с самого своего возникновения была активной противницей федеративного устройства, поскольку ее социалистическая природа здесь, как и везде, требовала максимальной централизации политической и экономической жизни. Потребности послевоенного восстановления предоставили ей удобный повод выдвинуть эту тему на первый план. В конце Второй мировой войны, после трехлетней пропагандистской подготовки, вопрос о дальнейшем сохранении федерализма был вынесен на всенародный референдум, причем общенациональное правительство активно убеждало граждан сказать федерализму «нет». Речь шла о «замораживании» на пятилетний, по меньшей мере, период (с возможностью последующей пролонгации) целого ряда ключевых полномочий субъектов федерации с передачей их федеральному парламенту⁵. Парадокс ситуации заключался, однако, в том, что для региональных отделений этой интегрированной партии, которым также приходилось регулярно под-

Альберто Джакометти. Колесница. 1950

тверждать свое право на власть в отдельных штатах, согласие покончить с региональными вольностями оказалось бы, с электоральной точки зрения, самоубийственным. В итоге возглавляемые лейбористами правительства четырех из шести австралийских территорий в ходе референдума 1944 года широко агитировали за сохранение федеративной государственности — *несмотря* на общепартийную линию. Федерализм в результате выжил, но что еще более удивительно, лейбористская партия после этого тоже не развалилась⁶.

Какие выводы из этой истории может сделать отечественный наблюдатель? Прежде всего, идеальная партия в федеративном государстве — это не железобетонная конструкция ленинского типа, столь привычная для нас, но *аморфная, непочная, условная* коалиция, объединяющая в своих рядах самые пестрые региональные силы. Она, безусловно, ориентирована на местные элиты, но ставка при этом делается не на приверженность последних тем или иным придуманным в столице программным лозунгам, а на способность местных политиков оставаться у власти демократическим путем, то есть регулярно выигрывать выборы. Такие партии удобны: вопреки тому, что можно было бы ожидать, их бескрайняя гибкость не *ослабляет*, а *укрепляет* федеральный порядок. Ведь партия, опирающаяся не на *один*, а на *несколько* политических центров, гарантирует самое широкое представительство региональных интересов. Внутри нее происходит бесконечный торг между апологетами центра и сторонниками периферии — торг, который позволяет уподобить такую партию самой федерации. В основе партийной коммуникации здесь лежит диалог, постоянный обмен мнениями и позициями. Таковы, в частности, канадские, индийские, австралийские партии. И вовсе не таковы до сих пор, несмотря на второе десятилетие демократического эксперимента, партии российские, заряженные на монолог и торжество «единственно правильной» установки.

Учитывая несовершенную природу российских партий, возложение на них полной ответственности за комплектование нижней палаты парламента представляется, с федералистских позиций, явно преждевремен-

Заседающие в Госдуме партийные группы по большей части не имеют корней в российских регионах

ным. По-видимому, не слишком далеки от истины те исследователи, по мнению которых «все российские партии рассматривают федерализм в лучшем случае как неизбежную обузу»⁷. Государственная дума традиционно выступает в централистском духе именно потому, что заседающие там партийные группы по большей части не имеют корней в российских регионах. Разумеется, вполне прогнозируемым следствием внедрения новой системы станет ослабление регионального представительства в Государственной думе. Поскольку в современном отечественном контексте политические партии просто вынуждены подыгрывать центральной власти, депутаты, командированные ими в парламент, в первую очередь будут чувствовать себя апологетами федерального партийного руководства и только потом — представителями собственных территорий. А в нынешней Москве, как известно, настоящих федералистов по вполне понятным причинам почти не осталось.

Кому-то может показаться, что упадок регионального представительства в Государственной думе можно было бы компенсировать переходом *к прямому избранию* членов Совета Федерации. Оставляя за скобками вопрос о практической реализуемости подобной инициативы при президенте Путине, следует сказать, что будь даже такой «размен» возможен, проблему в целом он не решит. Дело в том, что новые «сенаторы», даже будучи самыми преданными и последовательными борцами за интересы своих территорий, в нынешних конституционных рамках никак не смогут развернуться в полную силу. В отличие от конституций

Алан Макколум. Рисунки. 1990

многих других федеративных государств, в частности США, российский Основной закон позволяет нижней палате большинством голосов перекрывать решения, принимаемые верхней палатой. А это означает, что любой президент, имеющий «контрольный пакет» голосов в Государственной думе, может позволить себе *не считаться* с мнением субъектов Федерации, консолидированно представленным в верхней палате. Итак, какова же предстоящая перед нами институциональная диспозиция? Как справедливо отмечают североамериканские исследователи, «представительство [в парла-

менте] — одна из таких тем, которые на первый взгляд кажутся простыми, но при более тщательном рассмотрении постепенно усложняются, причем до такой степени, что в конце уже совершенно невозможно разобраться, что здесь к чему и как со всем этим работать»⁸. В случае федеративного государства проблема приобретает дополнительную сложность, поскольку граждане земель, штатов, областей должны избирать в общенациональный парламент не политиков, просто способных защищать интересы их региона, но готовых, в случае необходимости, иногда пренебрегать этими интересами

в пользу федеративного целого. Иными словами, политическое видение народного представителя должно быть гораздо шире местных и региональных горизонтов его собственных избирателей, но при этом он ни в коем случае не должен забывать о территории, где был избран. Если же той или иной федерации, в отличие от России, присуще развитое региональное самосознание, отмеченная выше проблема делается еще более острой.

Федеративное устройство страны предъявляет вполне определенный набор требований к структуре и принципам формирования парламента. *Во-первых*, оптимальной моделью в подобных случаях представляется наличие в легислатуре двух палат. *Во-вторых*, члены верхней палаты должны быть институционально связаны с территориями, которые они представляют, получая свой мандат либо напрямую, в ходе всенародного голосования, либо с санкции органа региональной власти, избираемого населением. *В-третьих*, нижняя палата при любых способах ее формирования должна состоять из людей, для которых интересы субъектов федерации остаются если не приоритетными, то, по меньшей мере, равноценными по отношению к интересам государства в целом. Наконец, *в-четвертых*, решения, принимаемые верхней палатой, должны быть гарантированы от посягательств нижней палаты.

Как выглядят эти положения в применении к нашей стране? Отчасти об этом уже говорилось выше, например, в связи с конституционной статьей, позволяющей Государственной думе игнорировать мнение Совета Федерации. Что касается самого принципа наличия двух палат, по-прежнему закрепленного в Конституции РФ, то он в последнее время претерпел значительные метаморфозы. Причем наиболее ощутимое влияние на него оказало даже не «изгнание» регионального начальства из Совета Федерации, но радикальное изменение способа утверждения губернаторов. Очевидно, что переход к системе прези-

дентских назначений высших должностных лиц субъектов нашей Федерации влечет за собой *трансформацию природы* верхней палаты, ибо «сенаторы», делегируемые в верхнюю палату президентскими назначениями, едва ли могут считаться

Чтобы стимулировать политическое сознание, партия должна регулярно бороться за власть как в центре, так и на местах

полноценными представителями своих регионов, поскольку населением они *не избираются* и, следовательно, проходят лишь частичную региональную легитимацию. В результате в Совете Федерации, и без того постоянно являющем примеры необычайного почтения к федеральной власти, резко усиливается роль *централистского лобби*. Некоторые наблюдатели считают, что при такой постановке вопроса верхняя палата вообще перестает выполнять свои федералистские задачи.

Грядущее преобразование нижней палаты усиливает эти негативные тенденции. Поскольку стопроцентное комплектование Государственной думы предлагается партиям, отношения которых с регионами носят формально-механический характер, депутатский корпус завтрашнего дня заведомо не будет иметь собственного голоса в федеративном торге. В градации различных видов лояльности, которыми связан такой депутат, привязанность к территории занимает одно из последних мест. Партийное начальство, от которого он теперь полностью зависит, ориентировано на Москву. Губернатор, с которым он взаимодействует, также связан с подчиненным ему регионом лишь косвенно. Избиратели же в привычном смысле, то есть люди из плоти и крови, способные в момент выборов поддержать парламентария в обмен на помощь в решении их повседневных проблем, его более не интересуют. На этот аспект стоит обратить особое внимание, поскольку депутат федерального парламента в России традицион-

но рассматривался населением не только (и не столько) как законодатель, но и как своего рода местный заступник. Теперь же подобного рода занятия окажутся для народных избранников почти полностью лишены стимулов. Следовательно, связь парламентариев с электоратом окончательно станет виртуально-символической.

В пользу внедрения пропорциональной системы нередко приводят тот аргумент, что она укрепит российские партии, сделает их дееспособными и ответственными. Однако верится в это с трудом, ибо нынешняя второстепенная и приниженная роль парламента в отечественной политической системе в принципе не позволяет партиям развиваться. *Беспартийный* президент, *независимое от депутатов* правительство и *назначаемые* губернаторы не предполагают существования рядом с собой по-настоящему сильных политических партий. В итоге отечественные партии сражаются друг с другом, по большому счету, без всякого смысла: подобно тому, как на федеральном уровне партийное большинство Государственной думы отстранено от заполнения министерских вакансий, партийное большинство любого краевого, областного, республиканского законодательного собрания не имеет возможности предопределять формирование исполнительной власти своего региона. Между тем, чтобы стимулировать политическое сознание, подобающее федеративной государственности, партия должна регулярно бороться за власть, причем как в центре, так и на местах, обучаясь тем самым рассматривать реальность в духе упомянутой «федералистской шизофрении» — под двумя углами зрения сразу. Именно так зарубежные партии воспитывают ту культуру диалога, которая замечательным образом явила себя в австралийском казусе полувековой давности.

Думается, приведенные рассуждения позволяют подвести некоторые итоги. Действительно, переход к пропорциональной системе выборов отразится на российском федерализме не лучшим образом. Из-за институциональной неполноценности Совета Федерации, обусловленной особенностями нашего конституционного устройства и усугубившейся с внедрением процедуры пре-

зидентского назначения губернаторов, регионы испытывают явный дефицит представительства своих интересов на федеральном уровне. Нижняя палата, в которой ликвидируется представительство от территориальных округов, будет еще менее связана с субъектами федерации, чем нынешний ее состав. Поскольку интегрированные партии в стране по-прежнему отсутствуют, усиление партийной компоненты в думской политике окончательно переориентирует парламентскую работу на обслуживание федерального центра. В результате федеративный торг как феномен, лежащий в основе любой федерации, окажется в точке замерзания, парламент еще более ослабеет, а партии останутся столь же декоративными, как и сегодня. Что действительно изменится, так это степень контроля, который осуществляет президентская администрация над Федеральным Собранием. Но эта тенденция не имеет ничего общего ни с федерализмом, ни с подлинным народовластием, ни с политическим могуществом народа, о котором когда-то говорил Алексис де Токвиль.

Примечания

¹ D.J. Elazar. *Constitutionalizing Globalization. The Postmodern Revival of Confederal Arrangements*. — Lanham: Rowman & Littlefield, 1998. — P. 55.

² См., например, популярный учебник политологии: R. Hague, M. Harrop. *Comparative Government and Politics*. — 5th ed. — L.: Palgrave, 2001. — P. 219-221.

³ Алексис де Токвиль. *Демократия в Америке*. — М.: Прогресс, 1992. — С. 106.

⁴ M. Filippov, P. Ordeshook, O. Svetsova. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 182.

⁵ Подробнее об этом см.: K.C. Wheare. *Federal Government*. — New York & London: Oxford University Press, 1947. — P. 151-152.

⁶ M. Filippov, P. Ordeshook, O. Svetsova. Op. cit. — P. 201-203.

⁷ Ibid. — P. 312.

⁸ C.E.S. Franks, D.M. Olson (eds.). *Representation and Policy Formation in Federal Systems*. — Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, University of California, 1993. — P. 5.

В поисках ценностных ориентиров и точек роста

Суть переживаемого сегодня момента во многом определяется, на мой взгляд, важностью сохранения государства, нахождения для России точек роста в ближайшем и более отдаленном будущем.

Почему за два десятилетия реформ, начавшихся с «горбачевской» перестройки, мы до сих пор не приблизились к ответу на вопрос о смысле и последствиях проводимых преобразований? Не было положительного опыта? Был. Вторая половина XX и начало XXI века дали российской элите множество примеров того, как сделать успешными намечаемые реформы. Послевоенная Германия — пример активного использования американского капитала и собственной эффективной экономической политики. Опыт Китая дал нам возможность оценить жесткие авторитарные методы в политической сфере и государственном управлении с одновременной гибкостью в экономике. Индия также сумела объединить в себе позитивное влияние на государство двух непохожих между собой цивилизационных подходов и культур. Можно привести и другие примеры, когда та или иная страна получала новый импульс для своего движения вперед, используя при этом самые разные подходы и принципы. Бразилия, Сингапур, Япония, Финляндия, Дания — в каждом из этих государств мы могли бы почерпнуть отдельный положительный опыт, как проводить те или иные реформы, как выстраивать при этом собственную политическую систему. Может быть, именно слепое копирование чужого опыта, который мы пытались реализовать в прошлые годы, и привело нас к плачевным результатам, так как мы не смогли увидеть и сохранить собственные преимущества?

Как бы то ни было, попытки в одночасье вырваться из тисков тоталитаризма в 80-е «перестроечные» годы, а затем желание провести мгновенные либеральные реформы обнаружили свою несостоятельность. Во-первых, потому что *осуществить скоропалительное насаждение идей либерализма в коммунистической стране оказалось невозможно*. И во-вторых, преобразования начались без четкого просчета стратегической линии. В огромной стране вести реформы методом зондирования — там попробовать, там рискнуть — значит обречь государство на неопределенность, на хаос. Это как раз и случилось.

*Алексей Чернышов,
заместитель председателя
комитета Государственной
думы по образованию и науке,
доктор политических наук**

* *Официальный сайт депутата ГД ФС РФ — www.politgosol.ru.*

Политическая система звала людей к свободе и демократии. Но в скором времени обнаружилась вполне понятная ограниченность такого движения, ибо экономическая составляющая оказалась не у дел, а свобода — условной, что показал расстрел российского парламента. На поверку оказалось, что граждане отнюдь не готовы идти за теми представителями элит, которые в своем стремлении к власти исходят только из возможности построения более справедливого общества исключительно для себя. В истории России это было не раз.

Тем самым я хочу подчеркнуть, что именно широкомасштабная внесистемная политика по внедрению «западных» образцов демократии на российскую почву в период правления Б.Н. Ельцина предопределила смещение собственной парадигмы развития. Российская политическая элита надеялась по подобию Петра I «доделать» мужицкую Русь до «цивилизованного» Запада. Но ведь наш великий царь-реформатор в свое время лишь «прорубил окно в Европу». Современному российскому истеблишменту невдомек, что Запад и Европа — не одно и то же. С Европой нас связывают история, культура, соседские отношения, пусть и разные по своему качеству, а Запад — это уже идеология и способ жизни. В этом смысле мы во многом различны, ибо в нас сильно и влияние восточной культуры.

За прошедшие двадцать лет мы парадоксальным образом так и не приблизились к Европе, зато тщетно пытались примерить на себе «западный костюм».

Политическая реформа не достигла своей цели прежде всего потому, что и не ставила своей задачей вовлечь потенциал отдельного гражданина страны. Во главу угла были поставлены узкокорыстные интересы верхушки правящего класса. В год 60-летия Победы советского народа над фашистской Германией особенно бросаются в глаза изъяны нашей прежней и нынешней политической линии. СССР под руководством Сталина победил Гитлера. Но чем обернулась великая победа, и знаем ли мы, что делать с

ней сейчас? И почему проигравшие тогда живут сегодня лучше победителей?

Экономически сильная Америка, безусловно, сыграла в послевоенном пасьянсе свою роль. Россия же, обескровленная войной и поставленная перед необходимостью вновь укреплять свои границы и вкладывать средства в разработку ядерного оружия, не имела нужных возможностей для окультуривания своего национального поля. Но хотела ли политическая элита России тогда (в чем я не сомневаюсь) и сейчас понять новые вызовы времени?

Способна ли она оценить вполне очевидные вещи: что мир изменился и стал значительно более взаимозависимым? Можем ли мы не замечать идущих в глобальном масштабе процессов и новых реалий? Мы совершенно сознательно вышли в открытое геополитическое пространство. Но при этом не должны позволить создание у себя непонятной смеси заимствованных моделей, основанных на чужих ценностях*...

Важнейшей задачей сегодняшней политической реформации является *формирование ответственной и подотчетной обществу политической силы, способной повести за собой граждан.*

Пока такая ответственность размыта. Скажем, с кого будет спрос за результаты реформ, за их итоги к следующим парламентским выборам 2007 года? С «Единой России»? Но в партии логично скажут, что правительство не их! С правительства? Но оно в любой момент может быть отправлено в отставку как технический орган. С президента? Но он вне подозрений. Тогда с кого же? Ответственного опять может не оказаться.

Последние изменения российского законодательства предполагают закрепить исключительно за политическими партиями возможность формирования парламента. Ставится действительно важная цель — повысить роль партий в обществе и формировать ответственную исполнительную власть под эгидой победившего политического объединения. Все так, только насколько можно ожидать позитивных изменений в си-

* См.: Чернышов А. Г. *Диктатура в России: историко-психологические аспекты.* // Империя фарисеев. — Саратов, 1994. — С. 109–165.

туации, когда в целом роль партий в мире снижается? Не случайно политологи уже открыто говорят об «умирании» партий. В высокоразвитом гражданском обществе уже действуют другие механизмы, направленные на активное включение граждан в общественную жизнь. Мы же, после бурного всплеска числа партий в начале 90-х годов, вновь погружаемся в односложные политические конструкции. Причудливым образом в стране находят свое воплощение крайности. От 50–100 партий на выборах в

прошлом до десятка в настоящее время, но при постоянном доминировании «партий чиновников», сменяющих друг друга, имеющих разные названия, но одинаковую суть. Партия «единороссов» оказалась сродни КПСС — «административной партией» со всеми вытекающими отсюда последствиями, по сути дела уже стала тем же инструментом государственного управления. И в этой связи говорить о партийной демократии в России можно лишь с большими оговорками.

За исключением ЛДПР и компартии остальные политические структуры оказались искусственными образованиями, так или иначе созданными под эгидой, а иногда и при непосредственном участии Кремля. Это одна из существеннейших характеристик деятельности российской политической системы — ее управляемость из одного центра. За последние годы путинского правления, по сути, окончательно сложилась вертикальная управленческая ось, которая призвана накручивать вокруг себя весь сложнейший и пестрый спектр существующих общественных и управленческих образований. Желание монополизировать политическое пространство, сделать его прозрачным, причислить «под одну гребенку» — очевидно. Однако это не решает проблемы повышения качества управленческих регуляторов в стране, ведет к деградации политической жизни, переводит политическую сферу из публичной в кулуарную и подкованную.

Верховная власть совершает ошибку, принижая роль Государственной думы и пытаясь превратить ее в чисто технический орган по

механическому одобрению правительственных и партийных законопроектов. Если бы роль Госдумы не принижали, может быть и не было бы нужды в появлении Общественной палаты, по крайней мере в том качестве, в каком она создается. Серьезными послед-

Политическая реформа не достигла своей цели прежде всего потому, что и не ставила своей задачей вовлечь потенциал отдельного гражданина страны

ствиями чревата и спешка с реформой местного самоуправления, которая практически уже началась. Может быть, инициаторам этой реформы стоило бы честно признать ее недоработанной и пока не поздно остановить претворение в жизнь? Вопросов, таким образом, становится все больше. Но суждено ли нам услышать от власти ответ на самый главный вопрос, который сегодня волнует российское общество? Как и что она готова сделать для того, чтобы отвести досужие, но далеко не беспочвенные домыслы тех, кто утверждает, что через 30–50 лет Россия как государство может прекратить свое существование и что нынешняя власть не только смирилась с такой перспективой, но и по существу выполняет именно эту миссию, игнорируя фундаментальные национальные интересы страны?

Власть должна вернуть доверие людей, отказавшись от собственных многочисленных стереотипов. Современная российская элита должна реализовать стратегический проект для страны. И поэтому для создания реальной политической партии и политической системы в целом нужен общесоциальный проект будущего. Сегодня же партии подчас существуют у нас сами для себя, живут устремлениями своих лидеров.

Не стоит забывать и о том, что у нас всегда доминировал не партийный подход. Царь — генеральный секретарь ЦК КПСС — президент. Получается все тот же царь только с другим названием. Несмотря на то, что мы пытаемся отойти от избрания одномандатников, чтобы усилить тем самым роль пар-

Макс Эрнст. Из книги «Неделя доброты». Вторник. 1934

тии, надо понять, сможем ли мы насильно вывести человека из того ментального состояния, в котором он привык жить? «Картинное», надежно завуалированное пиаром движение к демократии на деле сегодня оборачивается усилением авторитарных тенденций. Но тогда нам необходимо, очевидно, строить другое сообщество и на других принципах! Дабы не получилось,

что, задумывая полтора десятилетия назад благое дело, мы в итоге соорудили «потемкинскую демократию» наяву. Как бы то ни было, но реальность такова: что бы мы ни создавали, какими бы лозунгами и благими намерениями ни прикрывались, система у нас остается прежней, в ней причудливым образом сочетаются элементы авторитарного и демократического порядка.

Сегодня в России все еще не просматривается системных стратегических подходов, у власти нет желания действовать открыто, идти к обществу с конкретными и понятными идеями, вести со своими соотечественниками открытый диалог. Нынешняя российская власть боится собственных граждан, она понятия не имеет о том, чем на самом деле живет Россия за пределами Садового кольца, и поэтому ей трудно сказать что-то внятное по существу, что в действительности волнует миллионы людей. Никакие реформы не могут быть успешными, если они не вовлекают граждан в созидательный процесс, не отвечают их нуждам, не встречают понимания у населения.

Сейчас накопилось немалое число брошенных для обсуждения в общество идей, мало стыкующихся между собой: реформа местного самоуправления, административная реформа, новые принципы назначения губернаторов, очередная попытка вернуть глав регионов в Совет Федерации. И это не говоря уже о пенсионной реформе, монетизации льгот, реформах здравоохранения и образования. У людей возникает вполне резонный вопрос: если непопулярные реформы проводятся в стране уже 20 лет, *когда же власть приступит к проведению реформ популярных*, отвечающих коренным интересам подавляющего большинства населения?

Многое из того, что сегодня предпринимается в рамках проводимой политической реформы (назначение, а не выборность губернаторов, вопросы унитарного, а не федеративного государства, реформа системы местного самоуправления и т. д.), не имеет четких ответов по существу вопроса: что мы хотим получить в итоге? Вроде бы банально: если есть угроза распада государства, то его нужно укреплять, усиливая вертикаль власти и максимально задействуя гражданское общество. Но одновременно с этим мы должны видеть и складывающийся дисбаланс между регионами и центром. Живем мы в федеративном государстве, но при этом налоги концентрируются в Москве, а провинциальной России остается ожи-

дать милости сверху. Поэтому и надо задуматься о том, что даст централизм и где реальные противовесы тому, чтобы сегодняшние хитроумные построения кремлевских политтехнологов не привели нас завтра к всевластию очередной монополии, а бюро-

*Политологи открыто говорят
об «умирании» партий.
В высокоразвитом гражданском обществе
действуют другие механизмы*

кратия, будь то государственная, партийная или олигархическая, не управляла нами по своему разумению.

Существует опасность отсутствия выборов, но еще опаснее влияние выборов с определенным навязанным сверху сценарием, встроенным в демократическую оболочку. Пример тому — расхожий анекдот: «Если в избирательном бюллетене вместо пункта «против всех» поставить фразу «А не пошли бы вы все...», то результат голосования был бы 90 процентов «за»». Ярко выраженное протестное голосование — это естественная реакция избирателей на широкомасштабное применение административных, в первую очередь судебных, рычагов в пользу власти. Не в состоянии выиграть выборы относительно чисто и применяя при этом недозволенные законом действия, власть рискует остаться в одиночестве. Такая неустойчивая система чревата повторением у нас ситуации с «розово-оранжевыми революциями» по грузинскому или украинскому сценарию. Власть же пытается уберечь себя от этого самыми банальными способами. Например, убрав из бюллетеня для голосования строку «против всех», которая якобы не дает человеку более внимательно присмотреться к кандидатам. Между тем, не будь этой строки, власть едва ли сможет обеспечить нужную явку, которая и так сегодня снижается с 50 до 20–25 процентов. По данным социологических опросов, в настоящее время имеют наиболее высокий рейтинг два персонажа — президент и кандидат «против всех». Нужно понимать, насколько хрупкой и неустойчивой является

такая конструкция, при которой взявшему на себя всю полноту власти президенту противостоит вроде бы аморфное и невидимое общество, на самом деле состоящее из живых субъектов, держащих фигу в кармане.

Не чувствуя реального участия в выборном процессе, наблюдая за маневрами власти по созданию непрозрачной системы избрания, человек испытывает глубокое разочарование. А что еще мы ему можем предложить из демократических институтов? Такие партии, которые ни за что не отвечают, или будущее с непопулярными реформами? Можем ли мы позволить себе продолжать жить, не обращая внимания на вызовы времени и рассчитывая на то, что подождет еще лет 20 или 30, и тогда, возможно, будет лучше? Сегодня важен каждый год, так как на карту поставлена судьба российской нации. И это уже не мифическая, а вполне осязаемая угроза.

Основными причинами сегодняшней неразберихи в стране оказалась зависимость элиты от капитала, от влияния извне, а также боязнь и неспособность верховной власти выйти на откровенный разговор с обществом. Раздираемые внутренними противоречиями властные правящие кланы так и не смогли сформулировать сколько-нибудь четкую и идеологически выверенную программу действий на ближайшие годы и дальнейшую перспективу. Либеральная империя и ограниченная демократия, монархические устремления по передаче властных полномочий и усиление авторитарных начал в экономике и управлении — все смешалось в общем идеологическом киселе. Это само по себе говорит о неспособности правящего класса генерировать стратегическую альтернативу состоянию увядания и болота. А может быть, нам пора уже строить народную «империю» с опорой на национальные интересы?

Хочется того или нет, элите придется отвечать на новые вызовы времени. Концентрация противоречий и антагонизмов в обществе достигла опасной черты. Не ответить адекватным образом на последствия мас-

штабных преобразований — значит спрятать голову в песок и не видеть очевидного. Серьезная угроза таится в том, что общество фрагментируется и структурируется вне политического влияния. И это притом что у людей появились иные, чем раньше, и более осознанные интересы. Конфигурация нового общества в ближайшие 5–10 лет станет вырисовываться все более рельефно. И чем меньше власть «наверху» будет понимать эти процессы, тем сложнее ей будет ими управлять и вместе с тем самой удерживаться на вершине пирамиды.

У власти еще сохраняется возможность разобраться самой и довести до сведения народа, в чем суть модернизации страны и в чьих интересах она проводится. Только в этом случае у нее есть перспектива стать авторитетной, а у всего населения — реальная возможность включиться в созидательную работу и обеспечить естественный, без революций и потрясений переход общества на новую ступень развития: с новыми идеями, с новыми людьми, с иными настроениями. Пока продуктивного осознания и моделирования будущего не наблюдается.

Глава государства сегодня крайне нуждается в поддержке общества, всех тех, кому небезразлична судьба Отечества. Уже очевидно, что опора на бюрократию не оправдала себя. Об этом президент недвусмысленно сказал в своем Послании Федеральному Собранию: «Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии (как федеральной, так и местной) научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах. Стала использовать появившиеся у нас, наконец, благополучные условия и появившийся шанс роста не для общественного, а для собственного благосостояния. А партийная и корпоративная бюрократия в этом смысле ведет себя не лучше бюрократии государственной»*. И чтобы верх не взяла бюрократическая реакция и вместо прорыва не наступила стагнация, нужно задействовать рычаги гражданского общества.

* Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // *Парламентская газета*. 26 апреля, 2005. № 76 (1693).

Историчность и новый стиль гражданских акций

Если вы [это] предлагаете как основную форму гражданского волеизъявления, то я это называю – старый гражданский стиль, потому что я могу сказать, что такое новый гражданский стиль, сейчас, простите, я закончу».

А. Аузан,
из лекции «Гражданское общество в России:
вертикальные угрозы».
Клуб региональной журналистики.

I.

Она вошла в класс: длинная, костлявая, с пучком туго затянутых волос. Узкие губы, сжатые гримасой воли, высокомерия, мизантропии. На секунду задержалась у двери: никто не встал, но и не рискнул встретиться с ней взглядом.

– Ммммм, – тихо, а затем как бы набирая обороты заскользил звук. К нему присоединялись другие – яростные, ненавидящие, трусливые голоса.

Она спокойно написала на доске тему «Восстание декабристов» – и лишь тогда повернулась. Гул чуть стих, но через мгновение из общего хора вырвалось несколько стыдящих мычаний, и дезертиры вернулись в строй. Образцово-показательно сложив руки, внешне не выдавая себя, мы бунтовали. Было страшно. Когда в легких кончался воздух, делали короткий, незаметный вздох и продолжали мычать.

Ждали чего угодно: требования подать дневники, вызовов по одиночке, крика. А она презрительно усмехнулась и вышла. Переведа дух, мы орали наперебой, обнимались, рассказывали, кто что заметил. Это была победа! Мы выставили вон эту гримзу, чьи уроки были пытками, аукались дурным сном и чувством вины на ровном месте.

Она доводила нас до бешенства своими ледяными внушениями и презрением. Учитель труда не раз ломал о нас указки, но на него никто не злился: он – свой, он – понятный. Эта же – ни шуток, ни слез: «Я расскажу вам об истории великих людей. Чтобы вы познали бездну своей серости и убожества». Так и говорила, будто выбивая буквы на камне и превращая нас в маленьких уродцев, дрожащих от страха.

Будем справедливыми: беспощадная к другим, она жила под гильотиной собственных идеалов. За мычание нам ничего не было. Мы долго гадали: почему?

Артём Марченков,
участник международной
сети «Молодежное
правозащитное движение»
(МПД),
кандидат философских наук

II.

Новосибирск, 1 мая 2004 года

В афишах-приглашениях на антиглобалистскую монстрацию в Новосибирске было написано: «1 мая мы сделаем то, что хотели сделать всегда, – устроить праздник наших эмоций и чувств. Мы объявим свободу творчества и право каждого на творческий труд и творческий отдых». В назначенный час недалеко от цирка собралось около сотни человек. С дудками, барабанами, трубами, погремушками, свистками, раскрашенными зонтиками и лозунгами вроде «Таня, не плачь!», «Реальность – удел богов», «Мир! Труд! Майя!», «Увы!», «Вбок!», «Где я?», «Тяни одеяло, дели пироги!», «Как-нибудь так!» и др. Подошла милиция. Отобрала транспаранты с лозунгами «Бало!» и «Зае!».

Монстранты маршем прошли по Красному проспекту. Впереди несли большой баннер с надписью «Ы-ы-ыть!». Хотели пройти на площадь Ленина, но силы правопорядка усмотрели в этом беспорядок. Пятерых зачинщиков увели сначала в будку, потом – в отделение. Там их заставили подписать бумаги, что в лозунгах не содержалось призывов к свержению конституционного строя и разжиганию межнациональной розни. Требовали дать пояснения к «Ы-ы-ыть!». Через два дня суд присудил всем пятерым штраф в 500 рублей.

III.

Москва, переход через Садовое кольцо

На переходе в ожидании зеленого сигнала светофора скапливаются прохожие. Загорается сигнал. Арт-активисты из группы «Радек», смешавшись с толпой, высоко поднимают плакаты с абсурдно-революционными лозунгами («Karl – Sex – Marx – Pistols», «Каждому по 700 \$», «Микроб – убийца президента»). Москвичи невольно превращаются в участников демонстрации. Перейдя улицу, художники дожидаются новых пешеходов и повторяют маневр.

IV.

Где-то, ночью

В темноте слышен шепот, звук рвущейся материи и бумаги. Наутро жители квартала созерцают высокую стену, состоящую из больших картонных коробок, скрепленных скотчем. Поверхность «стены» сплошь заклеена газетами. Крупно, по диагонали – надпись «Язык вражды в СМИ». Подойдя ближе, можно разглядеть плакат, который поясняет, что возведенный «монумент» – жест протеста против разжигания межнациональной и религиозной вражды в печатной прессе. Статьи, содержащие дискриминационные выражения, подчеркнуты красным маркером. Жителей призывают бойкотировать редакции, допускающие ксенофобские реплики в своих изданиях.

V.

Рассказанные истории – пролог к анализу проблемы нового гражданского стиля. В последнее время она, возникшая из разных контекстов, фокусируется и обсуждается в «оптике» взаимоисключающих подходов.

Для левацких движений (коммунистических, анархистских, синдикалистских) новый «интерфейс» антикапиталистического протеста — вопрос переформатирования классических левых идеологий, их адаптации к реалиям постиндустриального общества и удержания контакта с социальной базой, которая уже ни в мысли, ни в практике не собирается под категориями «рабочий класс», «народ», «угнетенные». Начиная с 1968 года, этот процесс не затихает ни на минуту. С немалым успехом.

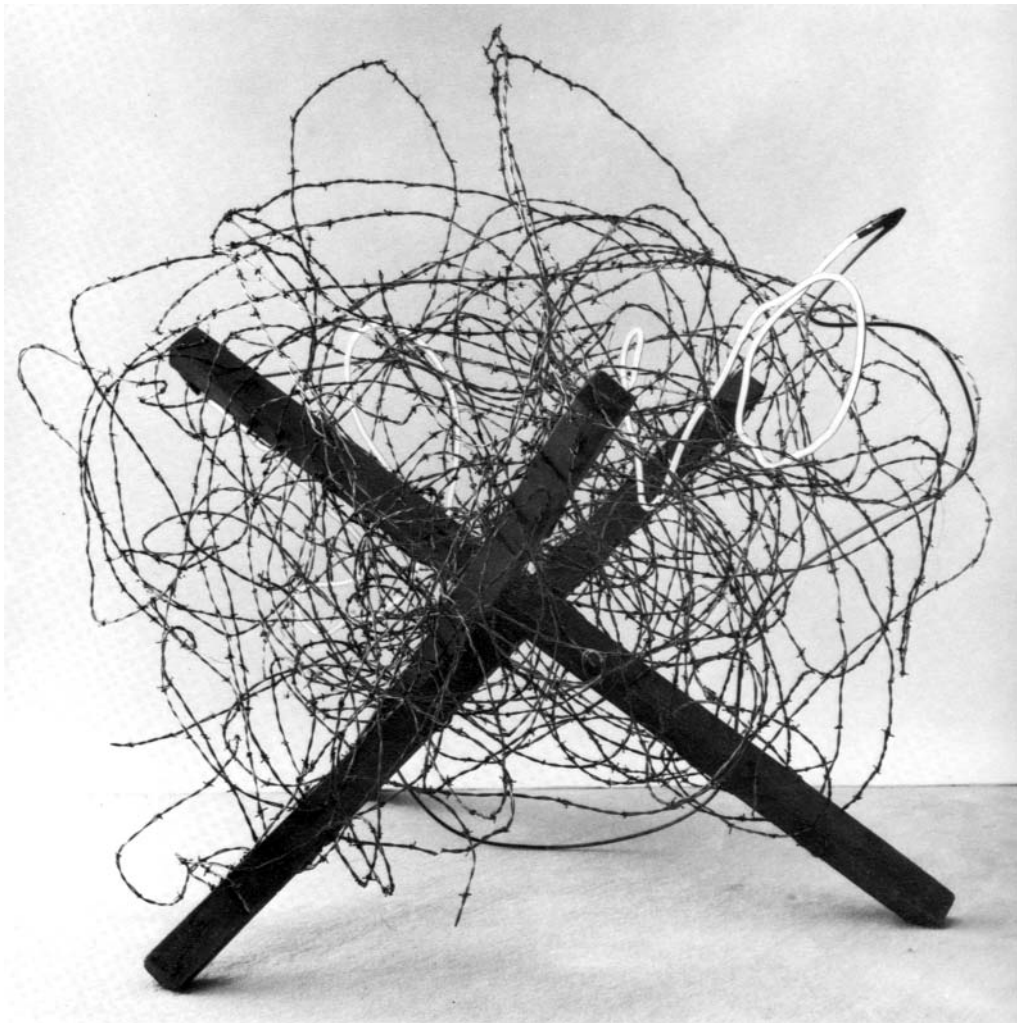
Для авангардного искусства поиск стиля остается тем же, чем был всегда — рефлексией над идентичностью художника в мире культуры, средством включения в культуру потаенных, вытесненных, маргинальных смыслов. Авангард радикален. Его цель — критика социокультурной инерции, ostrанение (термин В.Б.Шкловского) и ревизия «очевидности». Конфликт с общественным мнением и архаическими институтами — неминуемая составляющая этого процесса. Не случайно сугубо «формалистические изыски» столь часто дают политический резонанс. Опыт выставки «Осторожно, религия!» в Сахаровском центре — тому подтверждение.

Относительно недавно в число участников «стилистических» дебатов включились активисты неправительственных организаций и либеральная общественность. Для них актуальность темы во многом задана текущей политической ситуацией: чтобы выжить в условиях властного прессинга, стерилизации пространства масс-медиа, пассивности населения необходимо меняться самим и менять способы коммуникации с обществом. И если одни на автопилоте воспроизводят привычные жанры («открытые письма», митинги, пикеты, демонстрации, «круглые столы» и конференции), то другие задумываются о том, как вернуть политическое влияние, как восстановить или завоевать заново доверие избирателей, как расширить круг активистов, волонтеров, симпатизантов, доноров. Отдельная строка в этих размышлениях — «оранжевые технологии» и молодежь как носитель нового стиля.

VI.

«Молодежные движения и их роль в бархатных революциях» — тема, которую загодя, до появления внутрироссийских информационных поводов, отутюжили кремлевские тинк-танкисты (think tank — «мозговой центр»). Они показали публике «уши» американских спецслужб, коварно прячущиеся «под масками» крупных международных фондов и гуманитарных организаций. Они разоблачили роль, «тройно-конскую» сущность независимых наблюдателей от ОБСЕ и ПАСЕ. И главное — им удалось навязать мифы о сербском «Отпоре», грузинской «Кхмаре», украинской «Поре». Эти движения заклеили как студенческую массовку, «проплаченную» и обученную заморскими магами пиара и агитации. Российские СМИ, идя на поводу стереотипа, не удосужились приглядеться к «пацанам» и сразу сосредоточились на фигурах заказчиков и дирижеров. Получился прямо-таки «коллективный Флобер», мучающийся желудком после литературного отравления мадам Бовари. Как еще объяснить залповую серию публикаций, содержащих единственный посыл — отсечь оппозиционных политиков от студенческих протестных движений?

Не балованная вниманием российская молодежь сильно удивилась, когда обнаружила, что за ее гражданской позицией ухаживают с нездешней силой.

Джемс Розенквист. Пережати-поле. 1963–1966

Взамен прожорливых и бестолковых «Идущих вместе» с помпой стартовал «антифашистский» проект «Наши». Его костяк составили футбольные фанаты. Они, как истинные борцы с ксенофобией, искренне обрадовались перспективе помахать кулаками с государственным, национал-патриотическим смыслом. Из той же серии – правда, в режиме пародии на пародию – движение «Ура!», учрежденное «Родиной».

Левая оппозиция в очередной раз принялась отстраивать отношения со своими молодыми и беспокойными соседями по флангу: Молодежным левым фронтом, Авангардом коммунистической молодежи, многочисленными анархистскими и антиглобалистскими группами, молодежными контр- и субкультурами, генетически восходящим к антибуржуазным 60-м. Оппозиция правая, в лице вытесненных из Госдумы либеральных сил, всерьез задумалась, как мобилизовать деполитизированное generation «Р» и запустила несколько удачных просветительских проектов. В разы возросла активность молодого «Яблока». СПС заявил о создании молодежного отделения. Растут

«Идущие без Путина». Как на ксероксе множатся группы, конкурирующие за право наследования бренда «Поры». Довершая картину, по просторам протестной активности городскими сумасшедшими носятся национал-большевики.

Телевизионная тишь да гладь маскирует протестные настроения. Народ притих как перед бурей. Инвесторы бегут с рынков. Интеллигенты разложили бумаги под летописи. За чередой пенсионерских бунтов назревают студенческие протесты против отмены отсрочек, ограничения доступа к образованию, коррупционных «тромбов» на пути личных карьер в бизнесе и политике. Слышно даже глухим, как в двери мнимого застоя стучится История.

Цветные революции на постсоветском пространстве задали сюжетный каркас. Активисты политических и гражданских организаций и все, кому не безразлично происходящее, оказываются в условиях выбора ситуативной идентичности. Набор ролей скуден, как собрания былой эпохи: «за», «против», «воздержался». Этот дефицит настораживает и сам по себе вызывает протест.

VII.

Переформулирую тему и на время «выведу за скобки» политические эффекты молодежных «оранжевых технологий». Что бы там ни говорили отечественные борцы с революцией, «Отпор», «Кхмара», «Пора!» не были политическими структурами и не захватывали власть. Их феномен — в открытии языка (символов, жестов, манеры общения), возвращающего молодежь в дискредитированные области политической и гражданской активности.

Профессор А. Аузан (см. публичные лекции на www.polit.ru и www.ctj.ru) показывает, что новый стиль — не предмет импорта. Он вполне самостоятельно развивался в РФ и прошел обкатку. Более того, по мнению наиболее продвинутых неправительственных организаций, он прекрасно сочетается с «гражданской классикой» (митинг, шествие, пикет, демонстрация, забастовка и др.).

Во избежание путаницы и для приближения к сути различий, я буду называть старый стиль «практикой *гражданского активизма*», а новый — в память о его исторических корнях (футуризм, ситуационизм, концептуализм и др.) — «*гражданским акционизмом*».

Перечислю отличия.

Гражданские акции всегда «*направлены*». В них публично заявлен субъект действия (инициативная группа, организация). Действие обращено к четко определенной аудитории и предполагает, наряду со сценарием, какую-то конкретную цель-результат. Тогда как наиболее известные акционистские практики — *перформанс*, *хепенинг*, *инсталляция* — вполне могут обойтись без этих компонентов, хотя и не исключают их.

Перформанс (performance — представление, спектакль) — это, по сути, мини-спектакль, вынесенный «на улицу». Его участники держат в голове свои роли, двигаются в продуманных мизансценах. Они закладываются на активность зрителей, на их право вносить какие-то коррективы, но главным в перформансе остается все-таки сам участник и его высказывание. К примеру, весной 2004 года питерский ОМОН дубинками откорректировал перформанс Молодежного Левого фронта, во время которого ребята шли по Нев-

скому в масках Путина с табличками: «Вова, домой!». Но перформанс состоялся. Из той же оперы — эпопея «Эко-защиты!», «Молодой Европы» и Молодежного правозащитного движения, когда акционисты, одетые в белые комбинезоны со знаками радиационной опасности, ползком «стекались» к Сухаревской башне Кремля. Люди в штатском недолго были зрителями. Не дожидаясь «ввоза ядерных отходов» в святая святых, они с озорными криками

*Российское общество сильно
фрагментизировано, разбито на почти
не перекликающиеся группы*

и элегантным повреждением телекамер прекратили спектакль. Но поздно. В повестку дня был вброшен вопрос об оценке лоббистских усилий Минатома.

Хепенинг (happening — случайное событие) — акт

свободного самовыражения, лишенный цели и «режиссируемой» драматургии. Он ориентирован на чувства, мысли, тела непосредственных участников действия. Допустим, если вы выйдете на городскую площадь со здоровущей доской на плечах и кульком гвоздей в кармане, а затем предложите прохожим поучаствовать в опросе под названием «Загвоздка-2007» со слоганом «Забей!» — это вполне подходит под определение хепенинга. Равно как и «похоронный» флэш-моб владимирских акционистов накануне президентских выборов ВВП. Он замыслился как перформанс, а получился как хепенинг, благодаря смекалке безымянного, но заслуженно повышенного позднее на одну звезду сотрудника милиции: оный выхватил из круга акционистов картонный гроб с могильным крестом и надписью «Демократия» и... сбежал под вспышки фотоаппаратов и хохот прохожих. Журналисты местных СМИ легко адаптировали сюжет к редакционной политике своих изданий: желтая пресса стебалась над «молодой богемой», жаждущей нетрадиционных развлечений; оппозиционные газеты сочувствовали «молодым диссидентам», отважившимся на публичное выражение протеста; официозные издания рычали на «безответственную молодежь», попавшую в лапы платных провокаторов. Столь же разнообразен был образ события в интерпретации самих участников: кто-то «давил в себе раба», кто-то призывал к бойкоту запрограммированных выборов, кто-то «шел за компанию», а кто-то хотел показать, что в городе есть силы сопротивления.

Инсталляция (installation — установка, размещение) — это, если не вдаваться в подробности, использование обычных предметов и обычного пространства в художественных целях. Они как бы изымаются из обыденного оборота, «перекодируются» и вовлекаются в символическую игру. Так, здание Басманного суда обречено на то, чтобы со временем стать музеем судебной несправедливости; апельсины, врученные Глебу Павловскому, теряют природные свойства; «Золотая кувалда», доставшаяся от коалиции «За демократическую АГС» полковнику пермского облвоенкомата, ценна в качестве антирекламного артефакта. Представьте теперь, как молодежная организация под названием «Жареный петух» распространяет по столице леденцы и листовки с бодрим слоганом «Мы клоном!». А «бабы» с пустыми ведрами из Женского антимилитаристского батальона (ЖАБа) под окнами Министерства обороны? А февральские марши «пустых кастрюль», напоминающие версальский поход разъяренных французских женщин в 1789-м году?

VIII.

Акция хочет, чтобы ее услышали. Причем, чтобы в ней услышали именно то, что она хочет сказать. Оттого-то ее язык (лозунги, визуальное оформление, действия) стремится к предельной ясности, лаконизму. Перформанс, хеппинг, инсталляция всего лишь организуют пространство, экраняющее мысли, чувства, желания зрителей и участников.

Что, черт возьми, может означать «БЫ-ЫТЬ!»?! Что имели ввиду стадно-мычащие дети? В чем смысл провокации «Радека»?

Почему нельзя без кучерявостей и клоунады рубить правду-матку?

Давайте попробуем разобраться:

- Дети, кабы могли, произнесли бы примерно следующее: «Дорогая учительница, знаете ли вы про права, некогда зафиксированные еще в Женевской Декларации 1924 года и развитые в Ооновской конвенции о правах ребенка 1989 года? Не стоит ли вам освежить в памяти основные положения Федерального закона № 124 от 24 июля 1998 года? Вы отрицаете нашу индивидуальность. Вы ставите под сомнение нашу способность быть творцами, а не потребителями истории. Что ж, мы докажем, насколько не боги обжигают горшки».
- Антиглобалисты из новосибирской «САТ» выставили напоказ свое отношение к «обществу спектакля», сделали видимыми виртуальные клетки современных нравов, норм политкорректности и стереотипов обывательского мышления. Они предвидели, что в головах сотрудников милиции произойдут сложные химические реакции: на их глазах происходило нечто явно неправильное, возмутительное, но как юридически обосновать свой порыв к запрету и наказанию? Как увязать «БЫ-ЫТЬ!» и «угрозу общественной безопасности»?
- Левацкие художники из «Радека», превращая в демонстрацию случайную толпу прохожих, на самом деле профанируют и делают доступной для понимания технику манипулирования общественным сознанием. Ведь если «снять картинку» с события и тиражировать ее в масс-медиа — получается абсолютно правдоподобный продукт. Чем, скажите на милость, их «шалость» отличается от того, что творят режиссеры, микширующие сюжеты о протестах пенсионеров против монетизации льгот?
- И наконец, картонная стена-баррикада с языком вражды, особенно если ею перегородить какой-либо вход, символизирует барьеры, мешающие жить в мире взаимопонимания, уважения и отсутствия дискриминации. Все, что нужно, — снести эту стену к чертовой матери, сжечь, разорвать на куски. В надежде, что журналисты опомнятся и станут более внимательны к достоинству своих читателей.

Эти «пояснения» легко заменить на любые другие. В акционизме «производители» событий и их наблюдатели уравнины в правах: ни у кого нет монополии на «истинное» истолкование.

IX.

Российское общество сильно фрагментизировано, разбито на почти не перекликающиеся группы. Они, в сущности, мало знают друг о друге. Это становится почвой для проецирования на «соседей» собственных ожиданий, страхов, разочарований. Институты (органы государственной власти, партии,

система образования, церковь, масс-медиа), которые, по идее, должны бы выступать в роли медиаторов и выражать различные политические, социокультурные, национальные идентичности, подчас сами выступают в качестве трансляторов коллективных фобий и агрессивности.

В этих условиях гражданские акции воспринимаются обществом и в особенности молодежью как попытки мобилизации в пользу каких-то темных, скрывающих тайную корысть, сил. Что говорить, если тех же многострадальных пенсионеров кто только не пытался «накрыть своим флагом», приписав стихийную активность действию партийно-пропагандистских машин. Как следствие — тотальное отчуждение и недоверие к любым формам публичного жеста. Обыватель бежит в свою «нору» (дом, работа, ближний круг), вверяется «честному обману» индустрии развлечений, уходит в экстравагантные хобби. Он не хочет, чтобы им манипулировали. Ему надоело разгадывать ребусы политического рынка и разбираться в миражах, выдаваемых за реальность. Им движет противоречие: жажда подлинности и страх, что подлинная картина «раздраенного» мира невыносима. Как нормальный человек, он не может не реагировать. И как человек частно живущий, наделенный остаточной аллергией на «совковую коллективность», — он хочет, чтобы его действие было *только его* действием.

Этому запросу отвечают именно акционистские практики (если не брать их радикальные варианты). Они, как правило, *анонимны* (нет нужды опасаться, что кто-то переприсвоит сигнал), *ироничны* (расколдовывают демонизированный мир диктатуры, олигархии, международного терроризма и «пятых колонн»), *эмоционально солнечны* (снимают напряжение, дают почувствовать присутствие «близких незнакомцев») и *безопасны* (основаны на принципе активного ненасилия).

Х.

В публичном пространстве последних лет молодежь была представлена играющей в КВН, «клубящейся» на дискотеках, воюющей в Чечне, сверкающей запонками на фоне электронных офисов. Молодежные организации не признавались самостоятельной политической силой. «Молодыми политиками» называли клерков из штабов избирательных кампаний. Ни одна из партий не делала серьезной ставки на молодежь как электоральную группу со специфическими интересами.

Ситуацию изменили акции прямого действия. Набив руку на яйцах и майонезе, в августе прошлого года национал-большевики произвели захват кабинета министра Зурабова. Они же в декабре оккупировали одну из общественных приемных президентской администрации. Молодые «яблочники» залили краской мемориальную табличку в честь Андропова на Лубянке. Юные розогинцы пытались протащить кого-то в медвежьей шкуре на съезд «ЕдРа». Акции было много. Их объектами, как правило, становились «знаки режима»: лик ВВП, официозные празднества вроде 300-летия СПб, «Михалковы» и т.д. Действия активистов разрушали символическое поле властного дискурса и работали позывными для потенциальных сторонников.

Слов нет, «ходящего вместе» с «нашими» Якименко ждет свой «сугроб». Придет срок и его шефы получат счет от избирателей и будут списаны за негодностью. Вопрос не в том, *когда* это произойдет; вопрос — *как* это будет? В его кон-

Ханс Хеммерт. Глупый дом. Инсталляция с двумя надувными шарами и тремя зеркалами. 1992

тексте стиль поведения молодежных лидеров – индикатор серьезный. Нет никаких гарантий, что грядущие события пойдут по образцу бархатных революций. Куда вероятней пугачевская вольница с баварским пивом, греческими рубашками, песьими головами, притороченными на капоты «лендроверов». Этот сценарий с радостью обеспечат парни из обоза правящей элиты. Не где-нибудь, а на проправительственном www.krem1.org появляется статья А. Дугина с такими словами: «У людей должен быть определенный боевой настрой. Человек должен понимать, что, во-первых, он смертен и рано или поздно умрет. Во-вторых, он должен помнить, что у него есть Родина и он ей обязан всем. И в третьих, если он мужчина, то должен за свои идеи сражаться, получать и наносить травмы. Это жизнь, а жизнь – всегда борьба» и т.д. Не стоит уподобляться верховному опричнику всея Руси. Оппозиция авторитарной власти должна предлагать людям другие методы. Их подсказывает знаменитый «коан» Григория Померанца: «»Группа людей заперта в клетке вмес-

те со стадом агрессивных обезьян. Ключи в руках обезьян. Тот, кто пытается захватить ключи силой, сам становится обезьяной. Как выйти из клетки?»

XI.

Сербский «Отпор» получил в России репутацию мотора государственного переворота, свергнувшего Милошевича и «открывшего ворота» натовской оккупации. Как сенсационный компромат российские СМИ подавали открытые сведения о поддержке «Отпора» организацией *Freedom House*, фондами Сороса, Фридриха Эберта и Конрада Аденауэра. Позже, во время грузинской «революции роз» и «помаранчевой» революции в Украине, зрителям в детективном ключе сообщали, что сербские активисты — Станко Лазендич, Александар Марич, Иван Марович — работали тренерами «Кхмары» и «Поры». Общественное мнение россиян готовилось к логичному выводу: спасение государства и устранение угрозы территориальной целостности страны зависит от того, насколько жестко власть сумеет прижать к ногтю «пятую колонну».

Чары политтехнологов разрушают факты. «Отпор» не был лоялен структурам НАТО. Он не являлся инструментом в руках политической оппозиции. Он был массовым студенческим движением, чьих участников объединял протест против любых форм насилия и милитаризма. С чьей бы стороны они ни происходили. Отстаивая открытость страны, студенты не кидались штурмовать парламент, не противились арестам и репрессиям. Они просто выходили на площадь и несли с собой флаги Германии, Великобритании, Новой Зеландии, гоночной команды «Феррари»... В ответ их обвиняли в отсутствии патриотизма, в отказе сомкнуть ряды перед «врагом у ворот». Однако, и этот упрек не действовал. Белградцы видели, кто вывел молодежь к мостам над Савой и Дунаем во время первой натовской бомбардировки. Даже в той драматической ситуации студенты не изменили себе и помогли переживать страх через юмор: одевали майки с надписью «Target» (мишень), посылали противнику телеграммы после того, как был сбит самолет F-117 («невидимка»). Писали: «Простите, мы не знали, что вы не видимы».

У движения не было иерархии, не было формального лидера. Были коллективные символы, общая информационная сеть и навыки автономной координации микрогрупп, была программа, знакомая каждому, кто когда-либо интересовался жизненным путем Льва Толстого, Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга и др. Зайдите на сайт «Поры» — там те же идеи. Может быть российским борцам с оранжевым настроением запретить Ганди? Он же ужас что себе позволял: «Революция без применения насилия — не программа захвата власти. Это программа преобразования взаимоотношений между людьми, ведущая к передаче власти».

Медитации над «коаном» Померанца дают только один рецепт: получить ключи и выйти из клетки можно только очеловечив обезьян.

XII.

Недовольных путинским проектом авторитарной модернизации — пруд пруди. Но их недовольство автоматически не зачислишь на баланс оппозиционных партий. Новый закон о выборах, повысивший барьер прохождения в Гос-

думу, требует от них изменения качества работы с избирателями. Обменом лояльности на дольку админресурса и телеэфир эту проблему не решишь. Виртуальные контакты должны быть заменены хлопотными прямыми коммуникациями и переговорами с очень неудобным, но отрезвляющим партнером — с неправительственными организациями (НПО).

Первый шаг в эту сторону — Гражданский Конгресс 12 декабря 2004 года. Увы, для партий он оказался неудачным. Присутствовавшие на Конгрессе политики авансом сочли делегатов естественными союзниками и пытались наэлектризовать зал мобилизационной риторикой. С ее пафосом все были согласны. Однако никто не торопился подписывать «общественный договор» без подробного обсуждения его условий и гарантий со стороны «тираноборцев». Как показалось, лидеры «Комитета-2008», СПС, «Яблока» и КПРФ ушли несколько разочарованными «катакомбными» установками «третьего сектора». По сути, они получили тот же ответ, что и власть, проталкивающая идею Общественной палаты. Лидеры гражданских организаций отказались «торговать» позицией своих активистов.

ХІІІ.

Есть сомнения, что оппозиция и ее «комсомолы» создадут нечто похожее на массовые протестные движения. Даже если сделают кадровый апгрейд и начнут общаться с избирателями. Причин для сомнений как минимум две:

- Оппозиция — участник политического процесса и, следовательно, заинтересованная сторона. Ее призыв к мобилизации активизирует убежденную часть электората, но не население в целом. Ошибочно принимать мнение оппозиции за голос всех россиян, противостоящий одинокому диктатору и его свите. Запрос на авторитаризм исходит не только от бюрократии, но и от значительной части общества, отказывающейся быть совершеннолетней и ищущей, кому передоверить заботу о себе, любимой;
- Публичная оппозиционность при нынешнем раскладе — удел героев. Однако сейчас не XIX век. Этика героизма и исторической пассионарности противоречит ценностям общества потребления. Это, собственно, демонстрирует пример «вышедших на улицу» молодежных политических организаций. Образы НБП, «Обороны», Авангарда коммунистической молодежи при всей своей идеологической непохожести сблизилась по радикальности эмоционального настроя, драйву противостояния, энергетике прямого действия. Никто не отрицает их самоотверженность. За символические атаки на режим ребята получают реальные сроки и побои. К сожалению или к счастью, но их поведение не становится образцом для подражания сверстников.

Пора признать: революционный пыл пугает обывателей не меньше, чем произвол бюрократии, рост национализма и агрессивности. Все хотят жить: не выживать, не переживать, а проживать — себе в удовольствие и, желательно, в ладу с другими. Без крови, потрясений, политического аларма, зашкаливающих эмоций. Даже молодежь, ищущую лекарство от пресной обыденности и «бесперспективняка», не возбуждает ампула благородной жертвы и баррикадного мученика. Одно дело — купить майку с Че Геварой, субкоманданте Маркосом или Эбби Хоффманом, совсем другое — быть ими. Иные, конечно, не прочь возложить гвоздичку на постамент и отвести страничку в энциклопедии для бессребреников, безумцев и глашатаев утопий, но для себя, как прави-

ло, избирается мечта о личной карьере и профессиональной состоятельности. Это не значит, что молодежь заражена вирусом тотального конформизма. Чай, не слепые. Просто это поколение отчаянно не хочет стлать себя навозом для потомков.

XIV.

Пожалуй, неправительственные организации и их лидеры более адекватно видят свою роль в текущем процессе. Насколько могу судить, большинство из них отказалось от участия в набирающей обороты политической схватке на чьей-либо стороне. Что это — трусость, забота о сохранении инфраструктуры гражданского общества, развернутой с таким трудом и старанием?

Ни то, ни другое. Когда Александр Даниэль из «Мемориала» пишет, что «смысл правозащитной активности, всегда и везде, — в несовпадении со стилистикой поведения, задаваемой эпохой» (www.hro.org 31.12.2004), он отнюдь не оправдывает гражданскую пассивность или малодушие. И не претендует на нишу нейтрального наблюдателя, судьи или «отшельника». Скорее, он защищает ценности, которые собрали людей в «третий сектор» — ценности, до сих пор не слишком уясненные политиками и предпринимателями.

Общество по инерции видит в «общественниках» наследников диссидентской поры. Отчасти это оправдано: в числе лидеров НПО много людей, чья репутация сложилась в эпоху противостояния тоталитаризму. Естественно, что они по-прежнему задают тон и пользуются авторитетом. Их идентичность а priori предполагает некий элитарный ригоризм, то есть — бескомпромиссность в отстаивании ценностей достоинства и прав человека, не зависящих от смены политических режимов, колебаний общественного мнения и экономической конъюнктуры. В этом смысле очень показателен эпизод, произошедший на правозащитной конференции в Покровском (декабрь, 2004). Ведущая сессии «Равно на известность» — Лена Тополева из Агентства социальной информации — пригласила в качестве внешних экспертов людей, которые относительно современной правозащиты — ни в зуб ногой, зато — доки по части репутационного капитала, сегментации целевых аудиторий, позиционирования товаров. Надо было видеть, как зал реагировал на вопросы вроде «Что вы продаете?» и «Какие дефициты на вашем рынке?». Кончилось тем, что встал Борис Крейндель из Томска и заявил, что он отказывается анализировать миссию правозащитника в категориях рынка. И вообще, мол, честному человеку никакой «пиар» не нужен.

Эксперты неуклюже изобразили смущение, хотя заочно подозревали правозащитников в «извлечении символической ренты из статуса штатной оппозиции всему и вся». Зал погрузился в созерцание дилемм, известных со времен выпуска сборника «Вехи». «Пиарщики» отчалили, вежливо кланяясь и чуть ли не цитируя хрестоматийное «страшно далеки вы от народа».

На самом деле причина взаимоотношения была не в отказе экс-диссидентов переводить Декларацию прав человека на язык коммунистов и либералов, бюрократов и тинэйджеров, яппи и киберпанков. И не в заикленности на сизифовой практике «малых дел», противопоставляемой «чего изволите?» рынка и глобальной политической инженерии. Просто у собравшихся была другая точка отсчета. А именно — права и достоинство человека. Их ценность нельзя внедрить ни рекламой, ни пропагандой. Если они и рождаются, то только в индивидуальном самосознании. И по наследству не передаются.

XV.

Нельзя ставить знак равенства между проектом оппозиции авторитаризму и судьбой оппозиционных партий. Последние не вправе рассчитывать на общественную поддержку лишь оттого, что они противопоставляют себя Кремлю. Даже вернувшись в парламент, они не дадут гарантий изменения качества самой системы.

*Обыватель не хочет, чтобы им
манипулировали*

В этом смысле проект ненавязчивой революции, как способ восстановить политическую конкуренцию, обновить элиты, гуманизировать общество, немыслим без массового гражданского участия, без критической переоценки привлекательной ныне идентичности социального робота («мой офис — моя крепость») и укрепления ценности образа гражданского активиста. Потому-то проблема замены гражданского стиля — не вопрос эстетики или дизайнера протестных акций. Это вообще не «косметическая» задача.

Для оппозиции новый гражданский стиль — средство коммуникации с обществом в условиях цензуры и общественной аллергии на политику. Для самого же общества новый стиль — приемлемый способ выражения неангажированной гражданской позиции, которую следует воспринимать не как присягу в пользу той или иной партии, а как избирательский наказ, который в равной степени обращен и к оппозиции, и к властям, и к тем новым политическим силам, которые готовы выйти на арену.

Известно только, чего в этом заказе нет — запроса на гражданскую, классовую, межэтническую и любую другую войну.

XVI.

Не «Отпор», «Кхмара» и «Пора» сметали коррумпированную элиту. У них совершенно другие заслуги. Главная из них — контроль над прозрачностью выборной процедуры и отказ противоборствующих политических элит от вооруженного насилия. Именно молодежь при помощи профессионалов из гражданских организаций заставила политиков выяснять отношения там, где им это положено делать по закону, — в парламентах, во время избирательных кампаний, телевизионных ток-шоу.

Секрет бархатных революций, как ни бейся, не раскрывается при анализе «политических технологий». Технологии «бесполы» и доступны для использования любой из сторон. Выигрывает тот, кто первым признает истинность слов, некогда произнесенных Вацлавом Гавелом: *«Любовь и правда одолеют ложь и ненависть»*. Это может сделать власть. Или оппозиция. Или — и те, и другие под нажимом уставшего врать и ненавидеть народа.

XVII.

Нельзя от студента-первокурсника требовать глубоких суждений по Налоговому кодексу, административной реформе и пенсионному страхованию. Он — не

специалист. Но и его гражданской квалификации хватит, чтобы оценить последствия гражданской войны на Кавказе, изменения Конституции, ликвидации федерализма, ограничения свободы СМИ. И тем более он в силах понять, что сулят ему лично тотальная коммерциализация и ограничение доступа к образованию, милитаризация, марши в составе «наших» бригад.

Слава богу, продвинутые студенты из мегаполисов, в которых решится судьба «оранжевого проекта», не подпадают под описание среднестатистического взрослого, данное И. Дзялошинским (президент правозащитного фонда «Комиссия по доступу к информации»): *«Раньше люди строили свою личность на основе непосредственно практического опыта и сведений, полученных в ходе личных контактов, – от бабушки, от дедушки, от мамы, от папы, от друзей во дворе – именно там мы получали жизненные стандарты, образцы поведения, учились жить. Сейчас наш с вами личный контакт ограничивается очень узким сегментом, а именно: встал утром, почистил зубы, побежал на работу, на работе в минимальном окружении провел 8 часов, прибежал домой, поел и сел к телевизору. Это весь твой жизненный опыт. В отпуск съездил куда-то на две недели. Что ты еще в жизни видишь?»*.

Студенты не зажаты между стенками работы и телеэкрана. У них есть окно в Интернет. Есть более широкие горизонты межкультурного обзора. Гипнотические пассы строителей «потемкинских деревень» лишь по касательной задевают их глаза и уши. Они еще не встроены в машину круговой поруки, страха и лицемерия, хотя, как правило, еще не имеют «стержня» и внутренней веры, чтобы вставить палку в ее колеса.

«Сватовство» этого слоя под знамена политических сил, скорее всего, закончится ничем. Голодные парни из общежитий привычно дождутся избирательной страды и заработают на пельмени, клея листовки. Они же ухмыльнутся, глядя на кулаки радикалов, выброшенные в небо.

Не стоит недооценивать подобные вещи. Та же польская «Солидарность» тоже начиналась с «ерунды» и «стёба». Марек Новицкий любил вспоминать на лекциях, как лихорадочные приказы Ярузельского, изданные с намерением «подморозить» страну, пародировались в идиотских воззваниях вымышленного генерала Пумперника. Варшавяне читали лозунги вроде «Объединенные оперативные штабы войск НАТО и Варшавского Договора объявляют предстоящее 9 мая Всемирным днем гонки вооружений!» и давились от смеха. Смех освобождал от страха, учил видеть власть «голой». Тот же эффект — у мартовского марша балалаечников в Перми, играющих в честь министра обороны и его идеи отмены отсрочек. Балалайки не вызовут злобы, не призвуют к оружию, не побудят играть на опережение электорального цикла.

XVIII.

Самое смешное — все это очень серьезно.

Перспективы становления и развития института коллективных прав

На данном этапе существования мировой, а как ее составляющей – и отечественной правовой науки все больший интерес в теории права вызывает институт коллективных прав. Этот интерес обусловлен не только новизной и непроработанностью данной области, но и тем, что позиция ученых, как теоретиков, так и практиков, здесь не сформирована однозначно: от различного понимания сути коллективных прав до их полного непризнания и отрицания. Далеко не каждый научный труд по проблематике теории права или прав человека содержит упоминание о них. Хотя в то же время в юридической науке все чаще употребляются такие термины, как «права наций», «права женщин», «права трудовых коллективов» и т.п., а многие развитые страны признают коллективные права (например, коренных народов) в своем законодательстве, и многие международные нормативно-правовые акты посвящены правам народов и групп. Это и дало основание отдельным ученым-правоведам предложить дополнить классическое разделение субъективных прав на права человека и права гражданина в теории права термином «коллективные права».

Общеизвестно, что отсутствие теоретических наработок в той или иной области права неизбежно влечет за собой трудности в практическом совершенствовании национального законодательства. При дальнейшем игнорировании коллективных прав, отсутствии единой позиции в правовой науке по данной проблеме неминуемы негативные тенденции не только в научной сфере, но и в правотворческом процессе.

В русле вышеизложенного целесообразно привести цитату из труда Пьера Сандеуара «Введение в право» (М.: Интра-тэк-Р, 1994. – С. 302): «Чтобы построить действительно полезное и оперативное право, необходимо, таким образом, обладать набором качественных составляющих: групповым сознанием, духом социальной слитности, чувством коллективной жизни и всеобщей взаимозависимости в крупном обществе».

Некоторые авторы научных трудов называют коллективные права «правами человека третьего поколения» или «правами солидарности». Мне же представляется более правильным не относить коллективные права к так называемым правам человека третьего поколения. Ведь речь идет именно о коллективных правах, то есть правах коллектива как отдельно взятого субъекта, а не отдельного человека.

*Виктор Федосенко,
помощник депутата
Государственной думы РФ
(г. Новокузнецк)*

Можно предложить несколько иную классификацию видов субъективных прав в теории права, где, с одной стороны, будут выступать индивидуальные права (права человека и права гражданина), а с другой — коллективные права. И было бы правильным вообще выделять коллективные права в самостоятельный институт теории права. В подкрепление верности такого утверждения можно заметить, что в юридической науке еще не производились попытки понять природу, сущность коллективных прав, выделить субъекты, комплекс их прав и обязанностей, вообще сколь-нибудь глубоко исследовать этот правовой институт.

Упомянутая же выше теория о трех поколениях субъективных прав человека видится наиболее верно изложенной у Франсуа Люшера в его труде «Конституционная защита прав и свобод личности» (М.: «Прогресс-Универс», 1993. — С. 372-373). Она представлена следующим образом: «Первое поколение — это принципы 1789 г., обеспечивающие индивиду формальные свободы и дополненные свободами, которые люди осуществляют сообща (собрания, ассоциации, образовательный процесс и т.п.). ...Второе поколение прав и свобод делает основной упор на материальную обеспеченность индивида. ...Третье поколение прав и свобод рождалось по мере эволюции самого общества, в частности по мере развития научно-технического прогресса. У индивида появились совершенно новые потребности (таков, например, сектор аудиовизуальных средств информации) или новые способы удовлетворения потребностей, которые приобрели куда более важное значение и распространение, чем это было в недавнем прошлом (информация, культура, установление прожиточного минимума, создание достойных жилищных условий...). Некоторые из названных потребностей повлекли за собой международное признание соответствующих прав...». Французскому ученому удалось наиболее оптимально разделить субъективные права человека на три поколения, не примешивая сюда совершенно неуместные в данном случае коллективные права. Ведь, как говорилось выше, у индивидуальных и коллективных прав совершенно разная природа, разные субъекты.

Особенность коллективных прав заключается в том, что они принадлежат не отдельным лицам, а коллективам, объединенным по принципу солидарности в силу своей природы. Коллективные права не могут осуществляться отдельным индивидом. Он может принять участие в их реализации лишь на положении члена коллектива (то есть здесь не будет учитываться личный статус индивида). К примеру, отдельно взятый представитель коренного малочисленного народа не может индивидуально использовать право на самоопределение. Но в то же время он пользуется установленными государством определенными льготами, имея право на самоопределение совместно с другими представителями своего народа.

Еще в конце XIX века М.И. Свешников в «Очерке общей теории государственного права» (СПб., 1896. — С.147-148, 164) писал: «...человек для осуществления своих целей желает не только довольствоваться признанием своих прав в области личной неприкосновенности, в области экономических и духовных интересов, он желает признания его права свободно соединяться с другими людьми для достижения различных общественных целей. Этот вид свободы может быть назван общественной свободой, и в него входит понятие собраний, сходок, петиций. ...Название «общественная свобода» может быть приложено к ним потому, что они осуществляются большим количеством лиц, ибо все они имеют в виду удовлетворение интересов с помощью соединения с другими людьми». Эти строки есть не что иное, как первые шаги к научно обоснованному разделению субъективных прав на индивидуальные и коллективные.

Коллективные права нельзя относить к естественным, поскольку они формулируются и укрепляются по мере становления интересов того или иного коллектива. Вообще понятие «естественные права» целесообразно употреблять лишь в отношении прав индивидуальных. На мой взгляд, основываясь на классическом изложении теории естественных прав, употребление этого термина к коллективным правам было бы более чем некорректно.

Не являются коллективные права и простой

суммой индивидуальных прав лиц, входящих в коллектив, так как они имеют качественно новые свойства, определенные целями и интересами каждого отдельного коллективного образования. Если рассматривать данный вопрос с философской точки зрения, то необходимо раскрыть взаимосвязи категорий «целое» и «часть». При этом ясно видно, что целое не есть простая сумма частей. Целое характеризуется новыми качествами и свойствами, возникающими в результате взаимодействия частей в рамках определенной системы социальных связей. Достаточно вспомнить известный тезис Ж.-Ж. Руссо о том, что «общая воля» и «воля всех» — понятия не совпадающие: «общая воля» не является простой (механической) суммой желаний отдельных индивидов.

Здесь важно выделять коллективный элемент. Так, если индивидуальный элемент предполагает права и свободы конкретного индивида, то коллективный предполагает их принадлежность конкретной группе людей. Так как, будучи объединены в различные группы, совокупности индивидов должны обладать качественно новым (дополненным, расширенным) комплексом прав и свобод, которые будут способствовать достижению не противоречащих закону целей данной группы, ее функционированию и прогрессивному развитию. Следует особо подчеркнуть, что коллективный элемент не должен противопоставляться индивидуальному (любая группа, общность состоит из отдельных индивидов), но должен дополнять комплекс тех прав, которыми уже обладает индивид, в целях более гармоничного развития общества. Общие цели, интересы, носящие постоянный и объективный характер, выступают здесь определяющим фактором.

Именно коллективный элемент, проявившись в сфере определенной группы лиц, превращает ее в качественно новое образование — коллективный субъект права. Коллективный элемент в данном случае привносит некие общие цели, задачи, интересы, объединяющие эту группу.

Таким образом, можно выделить предмет регулирования данного института в теории права: это специфическая группа общественных отношений, урегулированная пра-

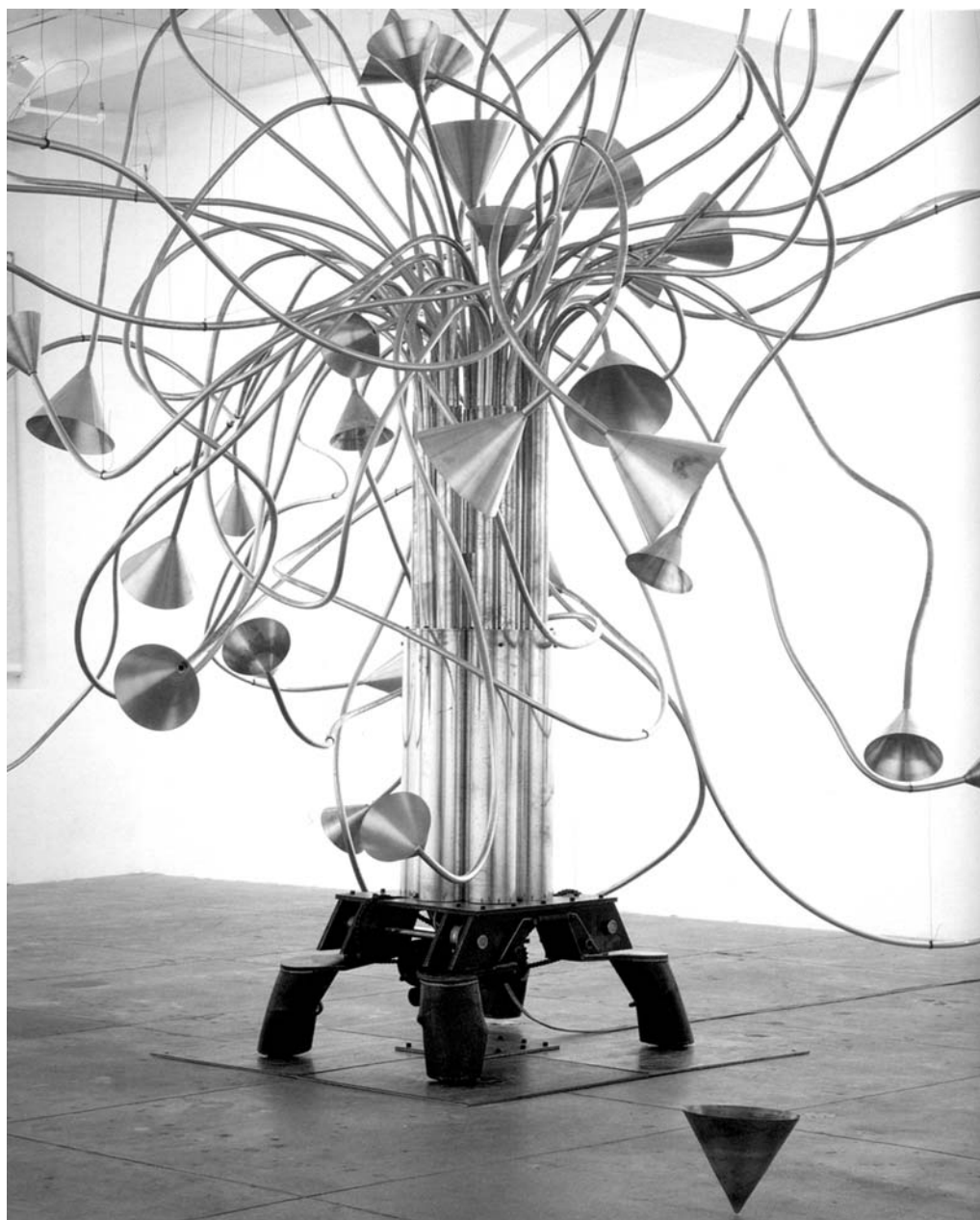
вом, характеризующаяся наличием коллективного элемента.

Исходя из правовой природы коллективных прав, их можно условно подразделить на собственно коллективные права (то есть те, которые могут принадлежать исключительно коллективам) и коллективные права с двойственной или смешанной природой (такие, которые могут одновременно принадлежать и коллективам, и отдельным индивидам). В качестве примера к первой группе можно отнести такие права, как право наций на самоопределение, на создание национально-культурных автономий, на проведение шествий, пикетов, референдумов и т.д. Ко второй группе можно отнести право на благоприятную окружающую среду, на мир, на международное общение и т.д.

В сфере коллективных прав можно выделить три уровня субъектов (коллективные субъекты): общность, общество и мировое сообщество. Соответственно можно говорить о правах и правосубъектности общности, общества и мирового сообщества.

Общность можно определить как совокупность людей (и более мелких общностей — в отдельных случаях), ограниченную определенной территорией, профессией, религией, национальной принадлежностью и т.д. Права общности закрепляются в национальном законодательстве, актах органов местного самоуправления, договорах, судебных прецедентах, обычаях, традициях, собственных правилах и предписаниях. Следует отметить, что общности могут быть как большие, так и малые. Например, общностью можно назвать как жителей одного подъезда, двора, работников трудового коллектива, так и жителей города, региона, представителей определенной социальной группы. Большие общности могут включать в себя не только отдельных индивидов, но и более мелкие общности.

Общество выступает как совокупность индивидов, наделенных волей и сознанием, имеющих общие интересы, носящие постоянный и объективный характер, которые на основе общих интересов взаимодействуют и сотрудничают, регулируют свои интересы на основании общеобязательных правил поведения. Общество включает в себя как ин-

Ребекка Хорн. *Дерево*. 1994

дивидов, так и общности. Права общества закреплены в национальном законодательстве, договорах, судебных прецедентах, обычаях и традициях. В основном общество представляется как население отдельного государства или образования, подобного государству (союз, конфедерация), тогда как более мелкие совокупности целесообразнее относить к большим общностям.

Мировое сообщество представляет собой совокупность отдельных обществ, все человечество как сущностное целое. Права здесь устанавливаются международными правовыми актами, международными обычаями, решениями международных судебных инстанций и международных организаций, то есть нормами международного публичного права.

Равно как и права, за субъектами коллективных прав закрепляются и обязанности; каждому праву непременно должна соответствовать обязанность, как это проистекает из теории права. Также можно говорить и о существовании коллективной ответственности.

Говоря о коллективной правосубъектности, необходимо отметить специфичность ее у каждого из субъектов. Она складывается из правосубъектности в различных отраслях права и для каждого субъекта в каждой области различна. Она носит комплексный характер.

У общности она возникает с момента признания таковой государством (иногда и местным самоуправлением). Оканчивается, соответственно, с прекращением такого признания.

Правосубъектность общества постоянна, устойчива, не имеет ни момента возникновения, ни окончания, так как государство по своей природе производно от общества, оно — своеобразный инструмент для достижения целей общества (хотя бы потому, что государственный аппарат существует на деньги, собираемые с общества в качестве налогов). Хотя истории известно достаточное количество случаев, когда права общества попирались аппаратом управления. Нельзя, например, говорить о том, что права общества соблюдались в феодальной России или в фашистской Германии, так как там уделялось внимание лишь узкой прослойке общества, имеющей непосредственное отношение к аппарату власти и управления. Но общество в то же время всегда стремилось к осуществлению своих, пусть и не провозглашенных государством, коллективных прав. «Объективно же нельзя не видеть стихийного проявления коллективного права на свободу от эксплуатации и порабощения в могучем спартаковском восстании рабов, крестьянских восстаниях средневековья и т.д». (Права человека. История, теория и практика. Учебное пособие. / Отв. ред. Б.П. Назаров — М.: Русслит, 1995. — С. 42).

Правосубъектность мирового сообщества берет начало с момента признания его существования как такового (понимание необходимости интеграции в единое целое, заключение международных договоров, возникно-

вание международных организаций и т.п.). Наиболее полно она оказалась сформированной с момента создания ООН, когда стали интенсивнее проявляться интеграционные процессы на международной арене. Правосубъектность мирового сообщества постоянна, не может иметь момента окончания.

Необходимо отметить, что весьма острой может стать проблема злоупотребления коллективными правами. Причем оно гораздо опаснее, нежели злоупотребление индивидуальными правами. Достаточно интересное обоснование этому приводится в труде уже упоминавшегося Пьера Сандеуара «Введение в право», где он говорит о том, что злоупотребление коллективными правами представляется гораздо более серьезным, чем злоупотребление индивидуальными правами, «...поскольку оно проявляется обычно в контексте соотношения сил, даже открытого конфликта, возможно, сопровождаемого шантажом государственных властей» (с. 302–303). И выход в данном случае может быть найден только «в органическом единстве индивидуального и коллективного» (Л.Д. Воеводин. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. — М.: Издательство МГУ, Издательская группа Инфра М-Норма, 1997. — С.185).

Таким образом, можно говорить о качественно новом взгляде на классификацию субъективных прав в теории права. Нельзя утверждать, что коллективные права — несуществующая либо несамостоятельная группа прав. Необходимо согласиться с тем, что «крайностью является абсолютизация прав отдельного человека и отрицание общих, коллективных прав людей». (Права человека. Учебное пособие. / Под общей редакцией А.Д. Гусева, Я.С. Ясевич. — Минск: «Тетра Системс», 2002. — С. 144). Более того, можно с уверенностью утверждать, что теорию права необходимо дополнить качественно новым институтом — институтом коллективных прав, который *de facto* существует уже довольно продолжительное время, но до сих пор не нашел своего однозначно определенного закрепления в теории. И, конечно же, нельзя рассматривать коллективные права как некую разновидность прав человека, их так называемое третье поколение.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Роберт Скидельски. Джон Мейнард Кейнс. Экономист, философ, государственный деятель.

В 2-х книгах. Перевод с англ. языка.

Этот двухтомник – первая на русском языке масштабная биография выдающегося английского экономиста XX века, разработавшего макроэкономические принципы регулирования капиталистической экономики, которые известны как «кейнсианство». В своей доктрине, совершившей в годы Великой депрессии (1929–1933 гг.) переворот в «классической» экономической теории, Кейнс установил количественные закономерности в соотношении макроэкономических величин, принципы и допустимые пределы государственного регулирования рыночных процессов. При этом экономический рост Кейнс видел в неразрывной связи с решением нравственной задачи – повышением благосостояния большинства населения, а решение экономических проблем необходимым, но не достаточным условием существования цивилизации.

Биография Кейнса, за которую Роберту Скидельски был пожалован титул пэра, сочетает жанры основательного научного исследования и увлекательного многопланового романа, где около пятисот действующих лиц. С огромным тактом автор повествует о личной жизни Кейнса, человека нетрадиционной сексуальной ориентации, о счастливых годах брака с русской балериной Лидией Лопуховой, о связях ученого с Россией.

Неоспоримое достоинство биографии – ее блестящий перевод на русский язык.

Первая книга охватывает период жизни Дж.М. Кейнса с 1883 по 1931 г., вторая – с 1931 по 1946 г.

ТРЕБУЕТСЯ ЛИ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ?

В 1924 году Кейнс написал несколько статей и прочитал серию лекций, представлявших собой вариации на три взаимосвязанные темы: непригодность *laisser-faire** как политической философии, недопустимость применения прин-

* попустительство, невмешательство, пассивная позиция (франц.)

ципа *laissez-faire* к иностранным инвестициям и незаменимая роль государства в мобилизации внутренних сбережений, в настоящее время направляемых в инвестиции за рубежом. Общее его наступление на *laissez-faire* будет рассмотрено в следующей главе, но темы вторая и третья заложили основу его выступлений в пользу общественных работ как лекарства от безработицы.

В ряде лекций и статей, посвященных «государственным и зарубежным инвестициям», Кейнс отвергал сложившееся представление, что вложения капитала за рубежом непременно служат либо разумно понятому частному интересу, либо максимизации национального дохода. Скорее они отражают установившееся предвзятое мнение в пользу зарубежных и имперских вложений капитала: финансовые гаранты в Сити обнаружили, что им легче всего иметь дело с крупными правительственными займами, а законы о доверительных фондах создали «искусственный» стимул для вложений в колонии. В XIX столетии частные инвесторы не только постоянно теряли свои деньги в Южной Америке, но еще при этом дело обстояло вот как: «Если заем на вложение капитала в Южной Америке оказывался потерянными, нам не оставалось ничего. Если сгорали деньги, пошедшие на финансирование домостроительной программы, у нас... по крайней мере остаются дома». Кейнс подсчитал, что половина доступных сбережений все еще уходит за рубеж. Преобладающая их часть могла бы быть с пользой инвестирована дома, «и этого надлежит добиться, если нашим национальным производственным мощностям следует расти с той же скоростью, с какой растет население».

Следующим шагом Кейнса было приложение этого анализа к текущей британской ситуации. Поскольку безработица, несмотря на возрождение торговли, упорно держалась на уровне 10 процентов охваченной страховкой рабочей силы, его ум обратился к поиску сильнодействующих средств. В таких обстоятельствах «нам нужен импульс, толчок, ускорение», чтобы вызвать «кумулятивное процветание». Импульс был под рукой: отвлечение британских сбережений от инвестиций за рубежом в пользу капиталовложений на родине. Столкнувшись с такими структурными препятствиями, как жесткие позиции профсоюзов, отсутствие мобильности рабочей силы, твердые ставки заработной платы, предприниматели не имеют стимула вкладывать капитал внутри страны. Поэтому сбережения уходят за границу. Он предложил, чтобы правительство использовало свои ограниченные инвестиционные ресурсы не на выплату лежащего мертвым грузом долга, а на выполнение большой, объемом в 100 миллионов фунтов, программы строительства жилья, прокладки дорог и электрификации. Он не считал, что правительство обязательно должно само строить дома или добывать потребные финансы полностью за счет налогообложения. «Политэкономическая эволюция» зовет к «сотрудничеству частной инициативы с государственной казной». Кейнс писал, что «истинный социализм будущего явится... из бесконечного разнообразия экспериментов, направленных на обнаружение подходящих сфер деятельности соответственно для индивидуума и для общества...»

Теоретическая часть аргументации была неполной. Что плохого, если британские сбережения инвестируются за границей, а не дома? Кейнс пояснял, что выданный за границу заем «не создает... автоматически соответствующего потока экспорта». Для увеличения своего экспорта стране-кредитору может понадобиться значительное обесценение своей валюты. Сопряженное с этим сокращение реальной заработной платы в «защищенных» отраслях неминуемо предполагает борьбу представленных в промышленности социальных сил. «Наша экономическая структура далеко не эластична, и может быть потеряно много времени, много косвенных утрат могут иметь место из-за тех напряжений и срывов, которые будут возникать по ходу дела». Вложение капитала дома, а не за границей намного сокращает путь возвращения к полной занятости. Кейнс не признавал возможности, что перемещение за границу некоторой покупательной способности автоматически поднимет спрос на британские экспортные товары по существующим ценам.

Не пора ли нам наконец понять, что же такое демократия?

Сергей Егоров, доктор юридических наук, профессор
Ефим Смулянский, независимый обозреватель (Санкт-Петербург)

Оглушительное поражение, которое потерпели так называемые правые на последних выборах в Госдуму, ставит перед равнодушными и самостоятельно думающими людьми нелегкую проблему адекватного объяснения происшедшего.

Конечно, нельзя забывать при этом и об использовании против «правых» административного ресурса, как в центре, так и в еще большей степени на местном уровне, и о массивной атаке средств масс-медиа, и о позорной для любой цивилизованной страны роли почти всех избирательных комиссий, включая Центризбирком, и о, мягко говоря, ангажированности судебной власти.

Все это так, но справедливо будет напомнить, что те политические силы, которые сами себя называли «либералами» и «демократами» (и которые, по нашему глубокому убеждению, таковыми отнюдь не являются) вот уже много лет в избирательных кампаниях балансировали у опасной черты. Многие аналитики (и мы, в том числе) неоднократно не только в частных беседах с их функционерами, но и публично обращали внимание на грядущие неприятности. Однако сейчас речь не об этом. На наш взгляд, случившееся должно заставить нас, наконец, попытаться разобраться с основополагающими понятиями, ибо, как считал классик, разруха (читай: неразбериха) в наших головах имеет самые печальные последствия. Попробуем более четко и ясно сформулировать, что такое демократия.

Это тем более необходимо сделать, ибо единого общепризнанного определения понятия «демократия» в полисемичном

русском языке на сегодня не существует, разные толкователи вкладывают в это понятие совершенно разный смысл. Когда такая разногласия бытует в обиходном языке — ничего страшного не происходит, но когда ученые мужи в своих штудиях понимают и трактуют этот термин совершенно по-разному, причем весьма часто противореча себе же... Перевод этого слова с греческого тоже мало что дает, а буквальный перевод на латынь — *res publica* — запутывает все окончательно. Немалую роль в предельно широком толковании этого термина в русском языке сыграло не имеющее никакого отношения к государственному устройству переносное значение слова «демократичный», употребляющееся в смысле «простецкий», «терпимый», «считающийся с чужим мнением» и т.п. Справедливости ради надо сказать, что и придумавшие это слово мудрецы Древней Греции тоже по-разному понимали и применяли его. Но в одном они были единодушны, понимая демократию только как один из способов управления делами государства и справедливо считая ее *инструментом*, который сам по себе ничего ни хорошего, ни плохого не гарантирует, поскольку может быть по-разному использован. Однако уже тогда они отмечали, что в ряду «монархия (тирания)», «аристократия (олигархия)», «демократия (охлократия)» последовательно возрастает доля участвующих в управлении общими для всех государственными делами. Именно этот относительный показатель мы предлагаем принять в качестве критерия степени демократичности государственного устройства. Согласно Аристотелю «демократическим началом является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демокра-

тия и стремится». То есть чем большее число граждан принимает участие в управлении государством, тем выше степень его демократичности.

Следовательно, демократия — это такая форма государственного устройства, при которой *все граждане* имеют реальную возможность пользоваться *равными правами* на управление своим государством.

Чтобы прочувствовать всю важность этого определения, вспомним, что всего лишь полтора века назад в парламенте Франции бурно обсуждалась идея о *всеобщем* праве голоса. Еще и ста лет не прошло с тех пор, как в 1920 (!) году в США был принят запрет на ограничение избирательных прав женщин. В Бельгии, Франции и Швейцарии — таких высокodemократичных ныне странах — женщины тоже добились этого только немногим более полувека назад.

Чего греха таить, и сегодня многие сторонники элитарного подхода придерживаются такой точки зрения, что, мол, демократия — это, конечно, здорово, но вот народ наш еще не дорос до нее, не созрел для понимания всех ее достоинств, и что пока еще рано об этом даже говорить, а не то чтобы в нашем обществе пропагандировать и внедрять идеалы демократии и демократические институты. Пока наш народ патерналистски, по преимуществу, настроен, пока свобода с обязательно сопровождающей ее ответственностью обременительна для него или даже невыносима, отдавать ему на откуп принятие решений государственной важности, то есть управление государством, просто неразумно и нецелесообразно.

На это можно возразить, что, во-первых, уж свою-то пользу народ всегда понимает, другой разговор, что люди (народ, толпа) представляют собой удобнейший объект для манипулирования, ибо не всегда могут разобраться, какие политики лгут, а кому можно хоть как-то доверять. Но, с другой стороны, полезно было бы подумать, а что представляют собой те, кто считает народ несозревшим для демократии. Совершенно очевидно, что такой аргумент могут выдвигать никак не демократы по убеждениям. Ибо если ты демократ, то это значит, что ты убежден — власть должна принадлежать

народу независимо от того, созрел (по твоему или чьему-нибудь иному мнению) этот народ до чего-то или не созрел. Демократическая форма правления предполагает, что качества народа как целого никак не могут умалять необходимость того, чтобы власть принадлежала народу, а не деспоту в том или ином обличье — просвещенному монарху или кровавому диктатору.

Эти соображения дают возможность сделать еще один совершенно неожиданный вывод о том, что представляет собой человек настоящих демократических убеждений. Для него аргумент — народ всегда прав, и, следовательно, это всегда человек терпимый к иному мнению, толерантный, ибо если даже его точка зрения не совпадает с общепринятой, с «мнением народа» (а это случается достаточно часто со всяким), то надо с этим мириться — а что делать? И при этом он обязательно «законник» — убежденный сторонник правовых решений, не мыслящий ни малейшей возможности поступать не по закону (ибо законы принимают представители народа), регламенту, не по «договору на берегу».

Сегодня возможность для всех граждан, начиная с определенного возраста, принимать участие в опросах по государственным делам практически никем не ставится под сомнение. Это совершенно необходимое условие демократии, хотя и совсем не достаточное.

Управлять государством — значит принимать решения. За прошедшие тысячелетия своей истории человечество выработало два варианта принятия общих решений: один — поручить принятие таких решений кому-то одному (старейшине, вождю, царю и т.д.) или нескольким (совету старейшин, триумвирату, ГКЧП и т.п.) облеченным властью людям; и второй — принимать решения по общему согласию. *Различные способы принятия решений по общему согласию и объединяются понятием, которое мы называем «демократией».*

Если решения принимает не один человек (а при демократии так и должно происходить), то в результате процедура всегда сводится к голосованию, то есть к определению того, какой вариант решения устраивает большее количество голосующих. Значит, *демократия — это форма правления большинства.*

Зафиксировав это, мы тут же сталкиваемся с проблемами. Во-первых, неустранимыми издержками этой формы правления является то, что принимаемые большинством решения не всегда являются наилучшими из возможных, и это лишь отчасти компенсируется тем, что большинство практически никогда не принимает и самых худших решений. Во-вторых, большинство, которое *«всегда право»*, может вполне демократично принять решение, прямо ущемляющее права меньшинства. Например, закон, по которому имущество рыжеволосых отнимается у них и распределяется среди остальных. Одной из наиболее традиционных и, заметим, при этом совершенно законной формой подавления меньшинства большинством является *всенародное избрание единоличного руководителя исполнительной власти*. Понятно, что все граждане, голосовавшие не за него, составляют подавленное меньшинство и вынуждены с этим жить.

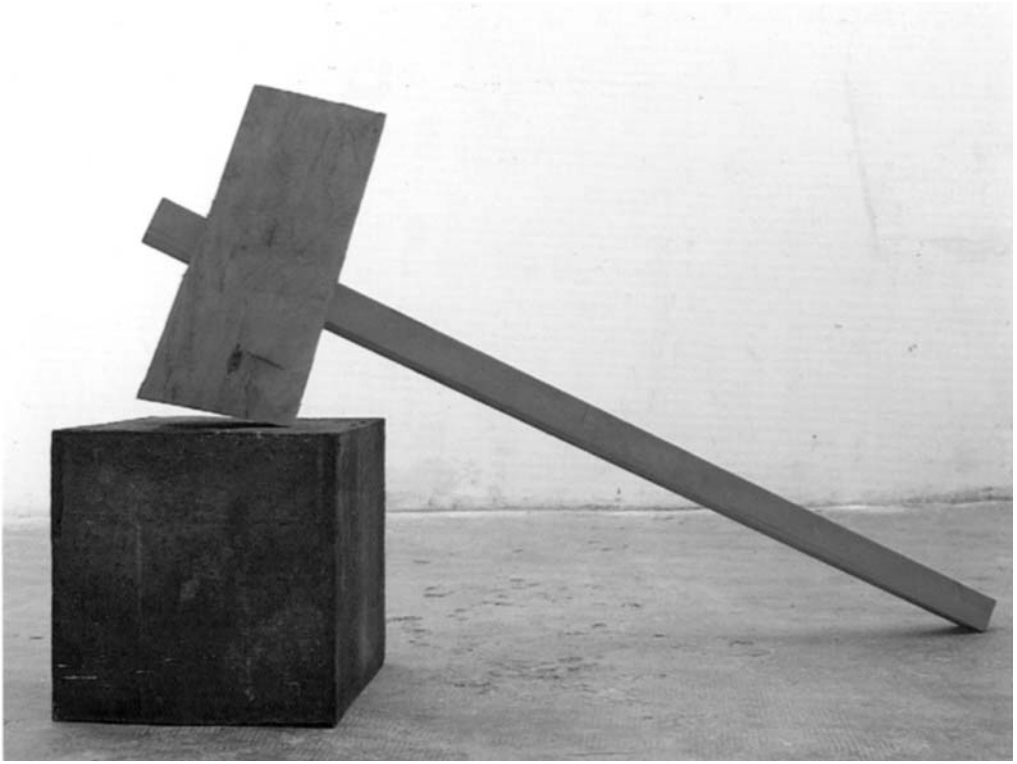
Эта последняя проблема настолько бросается в глаза, что политологи, естественно, не могли пройти мимо, не пытаясь ее разрешить. Наиболее часто встречающийся способ ее решения — попытка включить в определение демократии, кроме количественной характеристики пользующихся правом участвовать в принятии решений, еще что-то, имеющее, в действительности, косвенное к ней отношение (например, принцип разделения властей, свободу СМИ и т.п.). Ниже мы покажем, что пути решения этой проблемы лежат совсем в иной области.

Но сначала попробуем разобраться, каким образом граждане могут осуществить свои права на практике.

Исторически первая и наиболее очевидная форма демократии — *демократия непосредственная*, при которой все напрямую участвуют в принятии решений. Понятно, что прежде для осуществления этой формы гражданам приходилось собираться всем вместе. Сегодня это делать уже не обязательно, можно участвовать в принятии решения при помощи голосования бюллетенями. Однако у непосредственной демократии имеется весьма существенный недостаток — принятие решений по многим вопросам управления государственными делами требует профессио-

нализма: наличия специальных знаний, которыми не обладает подавляющее число обычных граждан. Тем не менее принимать решения надо, а у всех граждан, независимо от их владения знаниями, имеются равные права на участие в принятии любых решений. Видимо, единственным способом устранения этого недостатка непосредственной демократии является внедрение *демократии представительной* — такого государственного устройства, при котором *каждый* гражданин поручает принятие решений государственной важности *своему* представителю, обладающему необходимыми, как он полагает, знаниями и навыками. При этом любой гражданин вполне осознанно может оценивать качество его работы в соответствующем *представительном органе*, сформированном из представителей всех граждан, и ему достаточно часто предоставляется возможность на регулярно проводящихся выборах либо одобрить эту работу, переизбрав своего представителя на новый срок, либо сменить его более подходящим. Надо понимать, что представитель может называться *«своим»* только в том случае, если именно его выдвинул тот избиратель, чьим представителем он является, или этот же избиратель добровольно присоединился к другим избирателям, которые выдвинули этого же представителя.

Естественно, при выборе представительным органом наилучшего решения любой представитель может оказаться в меньшинстве, как мог бы в каком-то случае оказаться и сам гражданин, направивший туда этого представителя. Но если этот представитель имел возможность участвовать в обсуждении вопроса и голосовать при принятии решения, то, можно считать, и сам гражданин через него имел возможность так же полноправно участвовать в этом процессе. Это означает, что при правильной организации избирательного процесса, то есть процесса формирования представительного органа власти *все граждане имеют равные права на управление государством непосредственно или через своих представителей*. Более того, избирательное законодательство должно быть таким, чтобы обеспечивать возможность как можно большему числу избирателей иметь именно *своих* представителей в

Кезеберг (Томас Фрёбель). Молот и наковальня. 1993

представительных органах всех уровней. Применяя ранее введенный нами *критерий степени демократичности* к представительной демократии, можно утверждать, что степень демократичности государства в этом случае тем выше, чем больше граждан имеют своего настоящего представителя в представительном органе власти.

Весьма существенным нам представляется принятие основного закона каждой страны — конституции. Во всем мире конституцию государства принимают на *референдуме* — поголовном опросе всех граждан. Это как раз тот случай, когда должна применяться *только* непосредственная демократия. Более того, если существенные изменения окружающей действительности вынуждают нас внести в уже принятую конституцию какие-либо изменения, то нам снова придется прибегнуть к референдуму. Правда, вряд ли это будет происходить слишком часто. Куда чаще основным способом используется на другом референдуме — по хорошо всем знакомому вопросу: «Согласны ли Вы с тем, чтобы Вашим

представителем в таком-то органе власти был такой-то (Ф.И.О.)?», то есть при периодических выборах либо представительных органов власти, либо местного самоуправления, либо отдельных должностных лиц (президента, губернаторов, мэров).

Число избираемых в представительный (законодательный) орган власти должно быть определено заранее, исходя из здравого смысла. Общепринятая теория дает нам простую формулу: количество депутатов должно быть близко к корню кубическому из числа избирателей. Но точное число не так уж важно, важно другое: когда число представителей в органе определено и получилось, что каждый из них представляет, к примеру, одну тысячу избирателей, то было бы правильным, чтобы избирательный закон гарантировал *любой* тысяче человек возможность *самостоятельно* определить своего представителя и направить его в соответствующий орган. Несколько десятков лет в нашей стране мы выбирали наших представителей, голосуя бюллетенями, в

которых значилась *только одна кандидатура*, причем появившаяся там фактически без нашего участия. Тогда всем было понятно, кого представлял в избираемом органе этот представитель. Сегодня картина формально изменилась — в наших избирательных бюллетенях большой выбор фамилий, но по сути это ничего не меняет. Чем больше в бюллетене кандидатур, тем меньше шансов обрести именно своего представителя у каждого из голосующих, поскольку все голосовавшие за неизбранных кандидатов своего представителя в избираемом органе иметь не будут. Спрашивается, а возможно ли технически построить разумную и справедливую избирательную систему, при которой максимальное число граждан будут иметь своих представителей в избираемых органах? Ведь при отсутствии такого механизма от демократии остается только название...

Вернемся к самой сути демократии и попробуем разобраться, что надо делать, чтобы не позволить использовать демократию для подавления личности, для угнетения меньшинства большинством. Многие теоретики, глубоко исследовавшие этот непростой вопрос, отмечали: совсем не исключено, *что большинство может вести себя как настоящий тиран*. Все разговоры доброхотов от демократии об уважении и учете прав меньшинства — не более чем сладкая оболочка довольно горькой пилюли. Необходимо честно признать: для того, чтобы разумно разрешить эту проблему, механизмов одной демократии недостаточно.

Прежде всего, по примеру великих древних греков надо отдавать себе отчет в том, что демократия — это только форма, которую может принимать наш основной инструмент — *государство*. Как молоток или топор. Никому в здравом уме не придет в голову сказать, что топор — это плохой инструмент, потому что им можно отрубить человеку голову. А тем более, предложить конфисковать все топоры и уничтожить их. Но совершенно естественным представляется запретить рубить головы, в том числе и топором.

Векторы человеческой мысли и коллективного сознания общества вот уже много ве-

ков, начиная с мечты античного раба Эзопа через Великую хартию вольностей 1215 года и Билля о правах 1689-го, направлены в сторону постоянного расширения области *внешней свободы* людей — возможности для них поступать в соответствии с их свободным самостоятельным выбором. Всякий юридический акт, хоть в какой-то мере фиксирующий права людей и ограничивающий произвол властей, расширяет эту область свободы. Наивысшим достижением на этом пути нам представляется *Всеобщая декларация прав человека*, принятая в 1948 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Именно в ней в наиболее полном объеме сформулированы те решения, которые должны быть запрещены к принятию большинством в любом органе власти, в том числе и в представительном (законодательном), как направленные на ограничение возможностей осуществления равных с другими людьми прав человека. То есть большинство не может принять ни одного такого решения, которое нарушало бы фундаментальные основы *равноправия* и отнимало бы у меньшинства хоть какое-нибудь принадлежащее *всем* право.

Подведем итоги: **мерой демократичности** того или иного государственного устройства служит только доля граждан, участвующих в управлении делами государства самостоятельно или через своих настоящих представителей: чем эта доля больше, тем демократичнее государственное устройство. Демократия как таковая может работать не во вред отдельному гражданину только в условиях абсолютного *равноправия* всех граждан и их максимальной *внешней свободы*, которая может быть ограничена лишь требованиями обеспечения внешней свободы других людей. Только эта триада в гармоничной совокупности обеспечивает в полной мере нормальное развитие человеческого общества. Пренебрежение любым из этих трех компонентов рано или поздно приводит к деградации и власти, и общественного устройства.

Алеся Кармалинская: «Перешагнуть через страх быть собой»

Что там ни говорите, а Россия — женская страна. Да, почти все наши президенты, министры, губернаторы, мэры, депутаты и прочие «большие шишки» — мужчины. Когда Ирина Хакамада выставила свою кандидатуру на президентских выборах, среди аргументов против нее деловые и политические соображения занимали третье и четвертое места, во вторую очередь называлась национальность, а в первую — пол. Но все это наше мужское громыхание титулами и статусами держится на женщинах. Внешне слабых, но внутренне сильных. Бесконечно терпеливых и обаятельных. Способных перенести все — даже нас, мужчин. Всегда уступающих нам места на виду, но берущих на себя самые главные заботы. «За каждым великим мужчиной стоит великая женщина», — гласит английская пословица. Так же как за каждым настоящим делом — такие как Алеся Кармалинская.

В детстве и юности Алеся не думала, что когда-нибудь станет журналистом. Ее готовили к танцевальной карьере, и если бы все шло, как задумали родители и как полагала сама Алеся, быть бы ей сейчас звездой балетной сцены... Но, как говорится, «хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах на завтра». Семейными неурядицами и конфликтами у нас никого не удивишь, но для юной Алеся семейная катастрофа обернулась тяжелейшим нервным потрясением, из-за которого она на целый год выпала из нормальной жизни. А когда пришла в себя, то поняла: так, как думалось раньше, жить не получится.

Тогда Алеся приняла первое в своей жизни самостоятельное решение: менять все. Она решила выбрать профессию, которая помогала бы другим избегать того, что пришлось пережить ей самой, и поступила в Московский гуманитарный лицей имени А.С. Пушкина на специальность «детский психолог». Получив новую профессию, Алеся переезжает в Октябрьский — небольшой индустриальный город в Башкирии.

Алеся Кармалинская проработала детским психологом пять лет. Все пять лет она неустанно боролась со стереотипными подходами к детям, которые и по сей день применяют педагоги — сторонники авторитарных методик. Ей было непонятно, зачем на каждом ребенке сразу ставить штамп — «отличник» или

«двоечник», «правильный» или «неправильный». С детьми надо общаться, научиться их понимать, чтобы различить и развить их лучшие задатки. Я никогда не был в Октябрьском и не говорил ни с кем, кто знает Алесю по ее педагогической работе, но убежден: она была прекрасным детским психологом, потому что увлечена своим делом, равнодушна к людям. Эти черты позволили Алесе реализоваться и в журналистике.

Журналистика для Алеси началась с рассказов бабушки о ее поразительной биографии. Партизанка в Великую Отечественную войну, потом пятнадцать лет прослужившая в КГБ и сохранившая чистую совесть... Для Алеси откровения бабушки были сильным потрясением. И однажды пришло решение об этом написать.

Первый свой очерк Алеся принесла в газету «Городские вести» и его сразу напечатали. И попросили писать еще — только, по возможности, не касаясь политики. Да Алеся тогда и не собиралась влезать в политические дела — это ей казалось чужим и неинтересным. Было опубликовано несколько ее материалов, и вскоре она стала ведущим автором газеты, хотя и оставалась вне штата.

Новый поворот в судьбе случился, как водится, внезапно. Основатель и редактор газеты эмигрировал в Германию. Новые владельцы сохранили штат и спросили у журналистов: кого они хотели бы видеть новым главным? Те ответили единодушно: Кармалинскую! Так в 26 лет детский психолог и журналист-любитель Алеся Кармалинская стала медиа-менеджером.

Сомнений у Алеси не было: ей оказали доверие, надо его оправдывать. Возглавив газету, она столкнулась с горой проблем, от которых у многих опустились бы руки. У газеты не было ни концепции развития, ни бизнес-плана, ни заделов, ни сколько-нибудь грамотного менеджмента, ни маркетинговой политики... Жили сегодняшним днем: набрали материал для номера, выпустили — начинаем думать над следующим. Кармалинскую, для которой дело всегда Дело, такое положение вещей не устраивало.

Она начала с определения того, для кого и о чем делается газета: «о себе и о людях». Занялась подготовкой собственных кадров — стала приглашать на работу совсем юных мальчишек и девчонок и учить их не по учебникам, а по жизни. Выстроила отношения с городскими властями: «Мы — не оппозиция, но мы даем людям другой взгляд». Алеся не воюет ради войны, ей чужд взгляд «чиновник всегда враг». Среди городского начальства есть люди, которыми она искренне по-человечески восхищается, но она всегда самостоятельна, ею невозможно помыкать.

Алеся Кармалинская единственный в Октябрьском журналист частного СМИ, имеющий аккредитацию в администрации и городском корпусе депутатов. Когда один из обиженных газетой депутатов попытался ее этой аккредитации лишить, Кармалинская заняла жесткую позицию: «Только через суд». И отстояла свою правоту. «Есть закон, и если ставить его во главу угла, то все получается», — эти слова могут показаться наивными, но она в них верит а потому выходит именно так. Ее пытались прижать и другими методами. Например, почтовая служба вдруг отказалась распространять «Вести» по своим каналам. Кармалинская отреагировала просто: «Ладно, буду создавать собственную службу доставки».

Понятно, что остаться в стороне от политики главному редактору самой популярной городской газеты невозможно. Кроме того, Алеся по-прежнему придерживается принципа: «Нельзя не написать о том, о чем ты не можешь молчать». Поэтому она писала и про новый закон о местном самоуправлении, и о деле Ходорковского, и многом другом, что не нравится обладателям высоких

кресел. Но заставить ее замолчать нельзя. Как-то незаметно эта маленькая женщина стала в Октябрьском большой и постоянной величиной. Как? «Все складывалось из маленьких шагов вперед», — говорит Алеся.

Для успеха Дела нужно было не только учить других, но и совершенствоваться самой. Еще до газеты Алеся постоянно участвовала во многих психологических тренингах, направленных на личностный рост; училась строить отношения и сохранять внутреннюю «самость» в разных обстоятельствах. Затем были журналистские семинары, на которых она постигала механику своей новой профессии. И наконец — Школа.

Впервые Алеся попала в Московскую школу политических исследований в январе 2004 года — на региональный семинар в Зеленогорске. Первое впечатление было шоковым: «Такой большой и холодный зал, а я такая маленькая». Шок был и интеллектуальным («стали раздвигаться границы... было ощущение, что в голове прорублена дыра»), и психологическим («все такое мое, родное, но как много надо менять в себе и в окружающем!»). На третий день семинара Алеся закрылась в номере гостиницы и ревела от беспомощности...

Многим из нас, выпускников Школы, знакомы такие ощущения. И многие подтвердят, что этот первоначальный шок почти всегда ведет не к отторжению, а наоборот рождает потребность вернуться и разобраться. Так случилось и с Алесей Кармалинской. В декабре 2004-го она приехала на журналистский семинар Школы в Голицыно и почувствовала, что находится среди своих. «Было так тепло, — говорит Алеся, — не было зависти к тем, кто больше знает и умеет; не было чувства конкуренции, было ощущение партнерства и семьи... Школа излечила меня от позиции «все плохо, мне ничего не нравится», научила стремлению к толерантности. Ты понимаешь игру и стремишься остаться в ней собой. Не сломаться, не сбежать. Не раздражаться попусту, а видеть возможные последствия. Смотреть на ситуацию и искать возможности изменить ее к лучшему».

Алеся Кармалинская не только сама учится этому, но и учит других: своих сотрудников, друзей, партнеров по общественной деятельности. Она видит главную проблему в том, что «всегда страшно встретиться с самой собой — такой, как ты есть».

— И тебе это удается? — спрашиваю я.

— Я пытаюсь, — отвечает Алеся. — Всегда есть выбор: мимикрировать или быть собой. Второе — страшно. Но надо перешагнуть через этот страх. Перешагнуть через страх быть собой. Тогда тебя не засосет рутина, ты сможешь сделать то, что считаешь правильным.

В марте 2005 года Алесе Кармалинской предложили участвовать в конкурсе на должность исполнительного директора общественной организации «Союз предпринимателей г. Октябрьского». Алеся прошла конкурс и сегодня основную свою миссию видит в создании условий для развития бизнеса в своем городе.

*Юрий Гиренко,
выпускник Школы 1998 года*

Модернизация

Модернизация как политическая проблема

Обширный вопрос о соотношении развития и отсталости включает в качестве своей составной части проблему модернизации. Уже более полувека *теория социальной модернизации* находится в центре внимания сравнительной политологии, в последние десятилетия жестко конкурируя с противостоящей ей *теорией зависимости*. Первая из названных теорий исходит из возможности стимулируемого и целенаправленного общественного обновления в соответствии с определенным цивилизационным стандартом, вторая постулирует наличие таких социально-политических ситуаций, в которых подобные усилия заведомо обречены на провал.

Утвердившееся на Западе иудео-христианское понимание прогресса предполагает линейную смену стадий общественного развития. Причем, начиная с XIX столетия, представители европейской культуры были убеждены в том, что собственная причастность к «прогрессу» позволяет западному миру приобщать к цивилизации другие, менее передовые регионы, распространяя и утверждая там близкие ему ценности. При этом ценностная составляющая рассматривалась в качестве центрального элемента данного процесса, ибо сам термин *modernity* всегда был связан с культурными аспектами общественного развития. Противопоставление традиционного и современного социумов стало, начиная с Макса Вебера, общим местом социологической науки. Вытекающее из этой дихотомии понимание модернизации можно назвать ортодоксальным; оно предполагало, в первую очередь, механическое уподобление жизни иных народов и культур европейским нормам.

Концептуальное оформление теории модернизации состоялось после Второй ми-

ровой войны под влиянием трех политических факторов: возвышения Соединенных Штатов Америки в качестве сверхдержавы, широкой экспансии коммунистического движения и начавшейся деколонизации Азии и Африки. В основу ее построений легли классическая эволюционная теория и постулаты структурно-функционального анализа, касающиеся общественных институтов. Согласно сторонникам рассматриваемого взгляда, социальная модернизация вытекает из универсальной логики общественного развития, а потому является неизбежной. В этом смысле ее фатальность уподобляется линейности технического прогресса: считается, что достижения либеральной демократии и свободного рынка так же невозможно игнорировать, как и изобретение колеса или электричества, тем более что адаптация к внешней среде является одним из ключевых признаков социальных институтов. В результате этого процесса обновляющийся социум с большим или меньшим успехом осваивает культурные основания современности, включая чрезмерный антропоцентризм, установку на покорение природы, стремление к непрерывному наращиванию материального богатства, веру в безграничные возможности разума. В политическом отношении проблема модернизации сводится к обзаведению институтами стабильно функционирующей демократии западноевропейского или американского образца. Обязательным условием выступает внедрение соответствующих политических практик, включая уважение государством основных гражданских прав и свобод, регулярное обновление властных структур путем выборов и т.п.

Различные мыслители по-разному выстраивали последовательность этапов, обеспечивающих модернизацию. Особую популярность такого рода типологии получили в

1960-е годы. Согласно одной из самых известных концепций, выдвинутой Уолтом Ростоу в книге «*Стадии экономического роста: некоммунистический манифест*» (1960), каждый модернизационный проект проходит пять стадий. По мнению этого автора, «любое общество можно подвести под одну из пяти категорий, или стадий, экономического роста». Начальную ступень занимает *традиционное общество*, которому присущи неразвитая и аграрная экономика, иерархическая социальная структура, донаучное мировоззрение и сопутствующие ему «фаталистические» ценности. На следующем этапе вызревают *предпосылки сдвига*; под влиянием внешних факторов экономика делается менее локализованной, совершенствуются коммуникации и торговля, происходит формирование социальной элиты нового типа. В обществе возникает противостояние старого и нового укладов. Затем наступает черед *сдвига*. На этой стадии сельское хозяйство становится коммерческим, инвестиции достигают не менее 10 процентов от валового внутреннего продукта, а политические силы и социальные институты приспособляются к задачам роста. Далее начинается *движение к зрелости*, что означает развитие науки и технологии, наращивание инвестиций, вхождение национальной экономики в мировой рынок, демократизацию общественной жизни. Наконец, в заключительной фазе модернизирующийся социум достигает самой *зрелости*, сопровождаемой дальнейшим прогрессом экономической сферы, политической консолидацией, становлением общества массового потребления. Ведущим сектором экономики становится производство услуг и товаров длительного пользования, рассчитанных на массового потребителя. Несмотря на всю критику, которой ее подвергали, описанная выше концепция и сегодня остается классическим изложением теории модернизации. В ее многочисленных вариациях зачастую предлагались иное количество и другое наименование стадий, но общая логика оставалась неизменной.

Соответственно, стадийный подход к модернизации тоже критиковали, как правило, по одним и тем же основаниям: во-первых, история предстает здесь в виде сугубо однолинейного процесса; во-вторых, обновление стимулируется извне; в-третьих,

Теперь приоритет отдается этическим принципам и ценностям, преобразующим поведение людей

единственным видом прогресса признается капиталистическое развитие. Иными словами, согласно скептикам, бесспорное упрощенчество, отличавшее классическую интерпретацию данной теории, не позволяло ей вместить все богатство обновленческих практик.

Институты и ценности в процессе модернизации

Провалившиеся в 1960-е и 1970-е годы попытки провести модернизацию в целом ряде стран «третьего мира» заставили специалистов отойти от однолинейных схем. В 1970-е годы на первый план вышли не столько *логика*, сколько *условия* для осуществления модернизации. Кроме того, стало очевидно, что наиболее актуальной задачей для жителей освободившихся стран выступает отнюдь не достижение социальных и потребительских стандартов передовых государств, но обеспечение элементарного физического выживания. В связи с этим теперь многократно подчеркивалась роль политической стабильности в проведении модернизации, а регулирование реформаторских усилий предлагалось осуществлять, принципиально ограничивая участие масс в политической жизни. В целом в рассматриваемый период укрепились позиции тех исследователей, которые полагали, что *проведение модернизации без институциональной стабильности подвергает общество серьезному риску*. Развивая эту линию рассуждений, ее сторонники неизменно обращали внимание на элитарный и верхушечный ха-

Маурицио Каттелан. Баллада о Троице. 1996

рактер успешных модернизационных проектов. Интересно, что спустя сорок лет теоретические выкладки, применявшиеся в отношении молодых государств Азии и Африки, оказались востребованы в России.

Недостатки классической модернизационной теории побудили Самюэля Хантингтона подвергнуть ее радикальному пересмотру. В работе «*Политический порядок в меняющихся обществах*» (1968) он обратил внима-

ние на то, что при определенных условиях модернизация способна привести социум к политической деградации. Подобное происходит из-за несовпадения темпов перестройки политических институтов и экономического обновления. Следовательно, успешная модернизация не может идти «сама собой»; этот процесс нуждается в тщательном регулировании и контроле со стороны реформаторов, а также в специально подготовленной социальной среде.

По мнению Дэвида Эптера, изучавшего в 1960-е годы преобразования в бывших колониях, для модернизации как особого типа развития нужны три условия: а) социальная система, способная обновляться и при этом не распадаться; б) достаточно сложные и гибкие социальные структуры; в) навыки и знания, необходимые в технологически передовом мире. Именно этот автор в своей работе «*Политика модернизации*» (1965) описал два классических стиля внедрения новшеств — плюралистский («секулярно-либертарианский») и мобилизационный («духовно-коллективистский»). В основе первой парадигмы лежат компромисс и рассредоточение власти, в то время как второй присущи персонифицированное руководство, политическая нетерпимость и доминирование массовой партии. Причем Эптер одним из первых обратил внимание на неприменимость и неэффективность западных подходов к модернизации в развивающихся странах.

Современная литература по модернизации чрезвычайно обширна. В последние десятилетия в изучении этой темы прослеживается все более заметное смещение акцентов: если на первых порах основное значение приписывалось благотворному влиянию переносимых на новую почву государственных институтов и правовых установлений, то теперь приоритет отдается этическим принципам и ценностям, преобразующим поведение людей. При этом не менее важным считается выявление тех коллективных установок, которые в процессе модернизации хронически не усваиваются и отторгаются преобразуемым обществом. В итоге данным направлением сравнительной политологии был накоплен значительный и конкретный мате-

риал, касающийся реакции различных культур и этнических групп на социальные нововведения.

В 1970-е годы, когда Африка в силу своей кажущейся безнадежности на время вышла из моды, большинство теорий модернизации развивалось на базе азиатского и латиноамериканского опыта. Крушение коммунистической системы, отметившее конец 1980-х — начало 1990-х годов, послужило стимулом для пересмотра многих теоретических предпосылок, ранее казавшихся незыблемыми. Привычная для 1970-х годов типология стадий модернизации — «либерализация — демократизация — консолидация» — во многих странах, отказавшихся от коммунизма, была нарушена. В связи с этим некоторые исследователи вполне обоснованно предвидели рост числа «анократий», то есть режимов, сочетающих элементы анархии и авторитаризма. Действительно, на пространствах бывшего СССР появилось довольно много образований подобного рода. Кроме того, не имеющая аналогов одновременная трансформация экономических и политических оснований общества заставила специалистов отказаться от представлений, согласно которым политическая демократизация возможна только при наличии прочного экономического фундамента.

Из новой ситуации были сделаны несколько выводов. Во-первых, падение коммунизма более не позволяло говорить об альтернативных и конкурирующих между собой способах приобщения к современности. Это обстоятельство не могло хотя бы на время не укрепить позиции сторонников модернизационной парадигмы. Во-вторых, эффективность авторитарных и тоталитарных версий модернизации все чаще ставилась под сомнение, поскольку они практически оставляли без внимания ценностные аспекты обновленческой практики, предпочитая действовать сугубо в институциональном поле. В-третьих, было отмечено, что переходные общества в основном движутся в направлении демократизации, хотя данный процесс едва ли увенчается, как предполагалось, оформлением полноценной демократии в скором будущем.

«Эшелоны модернизации»

Особенности социального обновления в различных регионах мира позволяют выделить — впрочем, весьма условно — три эшелона модернизации. *Первый эшелон* составили большинство государств Западной Европы, а также страны, основанные европейскими поселенцами. Модернизация здесь осуществлялась, прежде всего, за счет внутренних источников, а преобразования в различных сферах социальной жизни шли естественным путем и были синхронизированы друг с другом. Основой социального прогресса повсеместно выступали непоколебимое право частной собственности и обусловленная им экономическая и политическая культура, причем данные ценности не ставились под сомнение в ходе даже самых ожесточенных политических конфликтов.

В странах *второго эшелона* внутренние предпосылки модернизации вызревали с большим трудом и в разное время, что в приобщении к современности заведомо обрекало их на роль отстающих. К ним принято относить государства Центральной и Восточной Европы, Грецию, Португалию, Испанию, в каком-то отношении Пруссию, а также Турцию, Японию и Россию. В XX веке этот список дополнили наиболее передовые латиноамериканские страны: Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай. Для перечисленной здесь группы государств типичным было то, что потребность в модернизации в каждом из них осознавалась элитами быстрее, нежели складывались условия для ее проведения, ибо новый уклад политической и экономической жизни постоянно сталкивался с противодействием старых, более архаических укладов. Обновление, осуществляемое в подобных условиях, могло внедряться только рывками и сверху. Данный факт одновременно обуславливал и радикализм, и непоследовательность модернизационных преобразований во многих странах второго эшелона.

Наконец, в *третий эшелон* модернизации входят бывшие колониальные и зависимые государства Африки и Азии, в которых внутренние предпосылки капитализма вовсе

отсутствовали. Вхождение этой части мира в современность происходит исключительно под внешним давлением и сопровождается острыми конфликтами, провалами, откатами назад. В свое время значительную роль в социальном обновлении мировой периферии сыграла колониальная система, в результате краха которой многие районы планеты заметно деградировали как в экономическом, так и в политическом плане. В этой связи в последнее время специалисты все более широко обсуждают варианты установления той или иной разновидности новой опеки государств-лидеров над зоной социального бедствия, охватывающей большую часть «третьего мира».

Модернизация в России

Несмотря на то что Россия встала на путь модернизации позже многих своих соседей, отечественный опыт не слишком отличался от обновленческих процессов в других европейских странах. Это обстоятельство позволило специалистам говорить о том, что русская модернизация стала одним из наиболее ярких примеров так называемой догоняющей модернизации. Прежде всего, сходной была сама логика перехода к современности, то есть, начиная с XVIII столетия, Россия постепенно и довольно последовательно осуществляла внедрение тех же самых стандартов *modernity*, которые утверждались в Европе. Пережив в имперский период своей истории несколько волн модернизации, наша страна к началу XX века добилась в этом деле неплохих результатов. В национальной экономике довольно быстро расширялась доля промышленного производства, система правления становилась все более представительной, формализованные правовые нормы вытесняли обычное право, общество постепенно осознавало ценность гражданских прав и свобод. Можно предположить, что в идеальных условиях, то есть без фундаментальных потрясений, обусловленных двумя изнурительными войнами и тремя революциями, Россия завершила бы данный процесс лишь на десятилетия позже западных государств.

Вместе с тем проблемы российской модернизации не ограничивались рамками неблагоприятного стечения внутренних обстоятельств и негативного воздействия внешних факторов. Главным ее дефектом, по мнению ряда исследователей, оставалось то, что она всегда, от Петра Великого до наших дней, проводилась по так называемой «имперской» модели. В частности, Владимир Хорос видит ее особенности в следующем:

- а) техническое заимствование достижений более передовых стран осуществлялось выборочно, главным образом для военных целей и в обмен на сырьевые ресурсы;
- б) с наращиванием темпов преобразований усиливалась эксплуатация собственного народа, осуществляемая при этом самыми архаическими способами;
- в) реформы обеспечивались, прежде всего, бюрократией, ради верховенства которой постоянно поддерживался высокий уровень централизации государственного управления.

Такое положение вещей имело свои причины. Различные общественные и социальные слои были затронуты обновленческими процессами в разной степени; к началу XX века, когда в Европе модернизация в основном завершилась, а общество консолидировалось, наша страна продолжала жить в несоответствующих исторических возрастах и эпохах, на что обращали внимание многие наблюдатели. Путь от традиции к современности повсюду протекал болезненно, но, как отмечает Борис Миронов, «в России, где темпы перехода к модернизму опережали возможности и готовность широких масс к переменам, болезненность перехода увеличивалась. Форсирование социальных изменений привело, в конечном счете, к социальной напряженности такой степени, что общественный порядок, не выдержав ее, рухнул».

Особой темой научных дискуссий по-прежнему остаются модернизационные проекты большевиков. Основные споры ведутся вокруг вопроса о том, можно ли считать большевистскую революцию 1917 года прорывом

к современному обществу или же, напротив, она явилась традиционалистской реакцией на ускоренное обновление. У каждой из этих крайних позиций есть свои сторонники; однако в данном случае, как представляется, истину следует искать посередине.

Проведение модернизации без институциональной стабильности подвергает общество серьезному риску

С одной стороны, октябрьский переворот стал бесспорным свидетельством неуспеха имперской модернизации. Ликвидацию частной собственности, зачатков гражданского общества, правового государства, народного представительства можно рассматривать в качестве *консервативной реакции на прорыв к современности*. В этом смысле следует согласиться с теми авторами, которые отмечают: в послереволюционной России жизнь, как городская, так и сельская, начала строиться на основаниях, ранее *отличавших крестьянскую общину*. Но, с другой стороны, коммунистические преобразования не сводимы лишь к этому аспекту. Хроническое отставание страны от основных конкурентов вынуждало новых правителей модернизировать экономику. Как и прежде, нововведения внедрялись с помощью «имперской» модели, то есть сверху и при минимальном учете человеческих издержек. В итоге к концу коммунистического периода российское государство выглядело относительно современным. По уровню урбанизации и индустриализации страна оказалась в одном ряду с основными европейскими державами, принудительно-тотальная секуляризация сознания сформировала квазирациональную систему ценностей и мотиваций, повысилась социальная мобильность, радикально видоизменились семейные отношения. Отставание России от Запада во многих аспектах решительно сократилось, хотя и не было ликвидировано полностью.

Формула советской модернизации, по словам Бориса Миронова, сводилась к «технологическому и материальному прогрессу на

основе традиционных социальных институтов». Именно поэтому ряд специалистов парадоксальным образом именуют ее «консервативной модернизацией». Однако к середине 1980-х годов созидательный потенциал коллективизма был практически полностью исчерпан, и страна вступила в длительный и тяжелый период посткоммунистического обновления, продолжающийся и после распада СССР. Главной его особенностью остается то, что модернизация так и не стала для России органичной, то есть ее проведение по-прежнему навязывается обществу государственной властью, причем институты гражданского общества и народного представительства от выработки обновленческих стратегий практически полностью отстранены. Далее, обновление материальной сферы рассматривается теоретиками модернизации в отрыве от реконструкции политической системы и духовных ценностей, потребность в которой становится все более ощутимой. Наконец, несмотря на общепризнанную неэффективность авторитарного подхода к модернизации, в XX веке не оправдавшего себя в целом ряде стран Европы, Латинской Америки, Африки, ее главным политическим инструментом в России остается именно авторитаризм.

В условиях глобализации, решительно повышающей спрос на рассредоточение власти и способность управленческих институтов принимать безошибочные «точечные» решения, подобная тактика едва ли принесет ожидаемые от нее результаты. Как не раз уже бывало в отечественной истории, обновленческие задачи будут решаться непоследовательно и не полностью, снова обрекая страну на бесконечную гонку подстегиваемой властью «догоняющей» модернизации.

Критика теории модернизации

Одно из наиболее распространенных замечаний в адрес теории модернизации сводится к тому, что политика трактуется в ней как отражение экономики. Критикуя ту роль, которую их соперники отводили институтам и, прежде всего, государству, теоретики модернизации впадали в противоположную

крайность, порой полностью игнорируя институциональную составляющую социальной жизни. Концептуальные проблемы возникают и с жестким противопоставлением западного общества традиционному обществу. В данной связи не раз отмечалось, что, во-первых, ни одно общество, независимо от степени его развития, нельзя рассматривать как полностью гомогенное, хотя теория модернизации исходит именно из такой предпосылки. Во-вторых, само понятие традиционного общества слишком абстрактно, в нем нет исторической специфики, «портреты» конкретных социальных общностей размываются. Впрочем, по мнению критиков, самый главный недостаток теории модернизации заключается в том, что она недопустимо оптимистична. За последние полвека мир не раз становился свидетелем того, как попытки форсированного обновления той или иной системы заканчивались не прорывом к прогрессу, а социальным крахом.

Критика теории модернизации стала еще более последовательной с выходом на интеллектуальную авансцену концептуально новой, постмодернистской картины мира. Представители постмодернизма решительно отказались от логики «линейного» прогресса и восприятия одной части мира (в данном случае — Запада) как образца для других его частей. Дихотомия традиционализма как синонима отсталости и модернизма как символа прогресса сменилась более сложной картиной, в которой западные страны перестали восприниматься в роли исключительного носителя прогресса. Конец утопий и идеологий — своей иронией постмодернисты их просто обесценили — означал способность личности идти своим собственным путем; мир представал перед ними не как «дерево» прогресса, но как «трава», каждый фрагмент которой самоценен. Постмодернизм отказался от противопоставления *modernity* и *tradition*, отдавая предпочтение местному, локальному, частному перед глобальным, универсальным, общим.

С наступлением нового тысячелетия тематика, связанная с модернизацией, постепенно отходит на периферию исследовательских

Брюс Науман. Без названия. 1967

интересов. Обусловлено это двумя причинами. С одной стороны, в ходе обновления стран «третьего мира» состоялась довольно строгая селекция лидеров и неудачников модернизации. Все страны, способные к внедрению принципов *modernity*, уже сделали это; а неспособные, напротив, столь же эффективно и последовательно губили все надежды специалистов. С другой стороны, для наиболее развитой части мира проблема модернизации также перестает быть актуальной: в их повестке дня стоит переход к экономике, политике, культуре принципиально нового, постмодернистского типа.

Литература

А. Вишневецкий. *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. — М.: ОГИ, 1998.
 В. Красильщиков. *Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*. — М.: РОССПЭН, 1998.
Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.
 А. Каменский. *Российская империя в XVIII веке:*

традиции и модернизация. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Б. Льюис. *Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм*. — М.: Олимп — Бизнес, 2003.

Б.Н. Миронов. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. — Санкт-Петербург: Дмитрий Булганин, 1999.

В.И. Пантин. *Циклы и волны модернизации как феномен социального развития*. — М.: Московский философский фонд, 1997.

В.Г. Хорос. *Русская история в сравнительном освещении*. — М.: Центр гуманитарного образования, 1996.

D.E. Apter. *The Politics of Modernization*. — Chicago: University of Chicago Press, 1965.

D.E. Apter. *Rethinking Development: Modernization, Development, and Postmodern Politics*. — Newbury Park: Sage Publications, 1987.

A. Giddens. *Sociology: A Brief but Critical Introduction*. — London: Macmillan, 1982.

S.B. Huntington. *Political Order in Changing Societies*. — New Haven: Yale University Press, 1965.

W.W. Rostow. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров

Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования Института
социологии РАН

Макиавелли и открытие политического успеха

В истории политических учений традиционно считалось, что центральным сюжетом философского поиска Макиавелли была проблема эффективности политической власти. Это, безусловно, так. Однако более вдумчивое прочтение его политических трактатов подводит к некоторому смещению акцентов — Никколо Макиавелли* в канун Нового времени открыл принципиально новое понимание политики, а главное, на более полно и последовательно разработал современную концепцию *политического успеха*.

Из европейской истории Макиавелли вдохновенно черпал примеры удачного и неудачного правления и показывал, как, собственно, должна осуществляться политика. Его советы — практичны и были предназначены лишь для такого правителя, который хочет добиться власти *не ради славы*.

В VIII главе своего самого знаменитого трактата «Государь» («Il Principe») он так определил природу политика: человек «без веры, без благочестия, без религии». Неужели эти понятия представлялись ему лишёнными смысла? Конечно же, нет. Просто в пространстве практической политики он не обнаруживал для них места, адекватного культуре.

Главным фактором политического успеха Макиавелли полагал пересечение двух величин: «свойств времени» (*le qualita del tempo*) и «способа вести себя» в политике (*el modo del procedere*). Нет ничего постоянного в мире политики, нет никаких универсальных рецептов, есть лишь постоянство установки на политический успех (и именно эта установка

* Подробнее о жизни и политической философии Макиавелли, о судьбе его идей в России см.: Баткин Л.М. *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. — М.: «Наука», 1989. — Гл. 5; Баткин Л.М. *Европейский человек наедине с собой*. — М.: РГГУ, 2000. — Ч. 4; Бурлацкий Ф.М. *Загадка и урок Никколо Макиавелли*. — М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1978; Рутенбург В.И. *Титаны Возрождения*. — М.: «Наука», 1976; Хлодовский Р.И. *Кризис в ренессансной Италии и гуманизм Макиавелли: трагедия «Государя»*. // *Из истории социальных движений и общественной мысли*. — М.: «Наука», 1981; Юсим М.А. *Этика Макиавелли*. — М.: «Наука», 1990; Юсим М.А. *Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий*. — М.: Институт всеобщей истории, 1998; *Никколо Макиавелли: pro et contra*. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. Все цитаты приводятся по изданию: *Макьявелли Н. Государь*. // *Жизнь Никколо Макьявелли (СПб: Лениздат, 1993)* и откорректированы в соответствии с текстом оригинала: *Machiavelli N. Il Principe*. — Bussolengo: Demetra, 1995.

была впоследствии принята и развернута в классической европейской философии политики XIX века в концепции «ответственной политики»).

Макиавелли еще в начале XVI века стал, по сути, первым европейцем, который преодолевает противоречие, заложенное в концепции «универсального человека». Он изобретает такого индивида, универсальность которого обслуживает его самого в модели успешного (удачливого) Государя и этим намечает кардинальный разрыв с «духом» античного классицизма и его идеалом homo politicus.

Разнообразие свойств и качеств модельной личности при этом работают не на личность государя, а на политические цели, которые находятся вне его, — власть, государство, родина. От-

чуждение дела от его носителя, бесспорно, важнейшая инновация Макиавелли-успеховеда. Во имя власти, а не славы — рефрен, который становится самым частым в его политических рассуждениях.

Макиавелли развивает ренессансное понимание человека как личности, творщей самой себя. Но его ориентированность на индивидуализм в политике носит уже совершенно иной характер. У человека власти нет присущих гуманистам внутренних духовных проблем, конфликта духовных исканий, поскольку все его проблемы во внешнем мире.

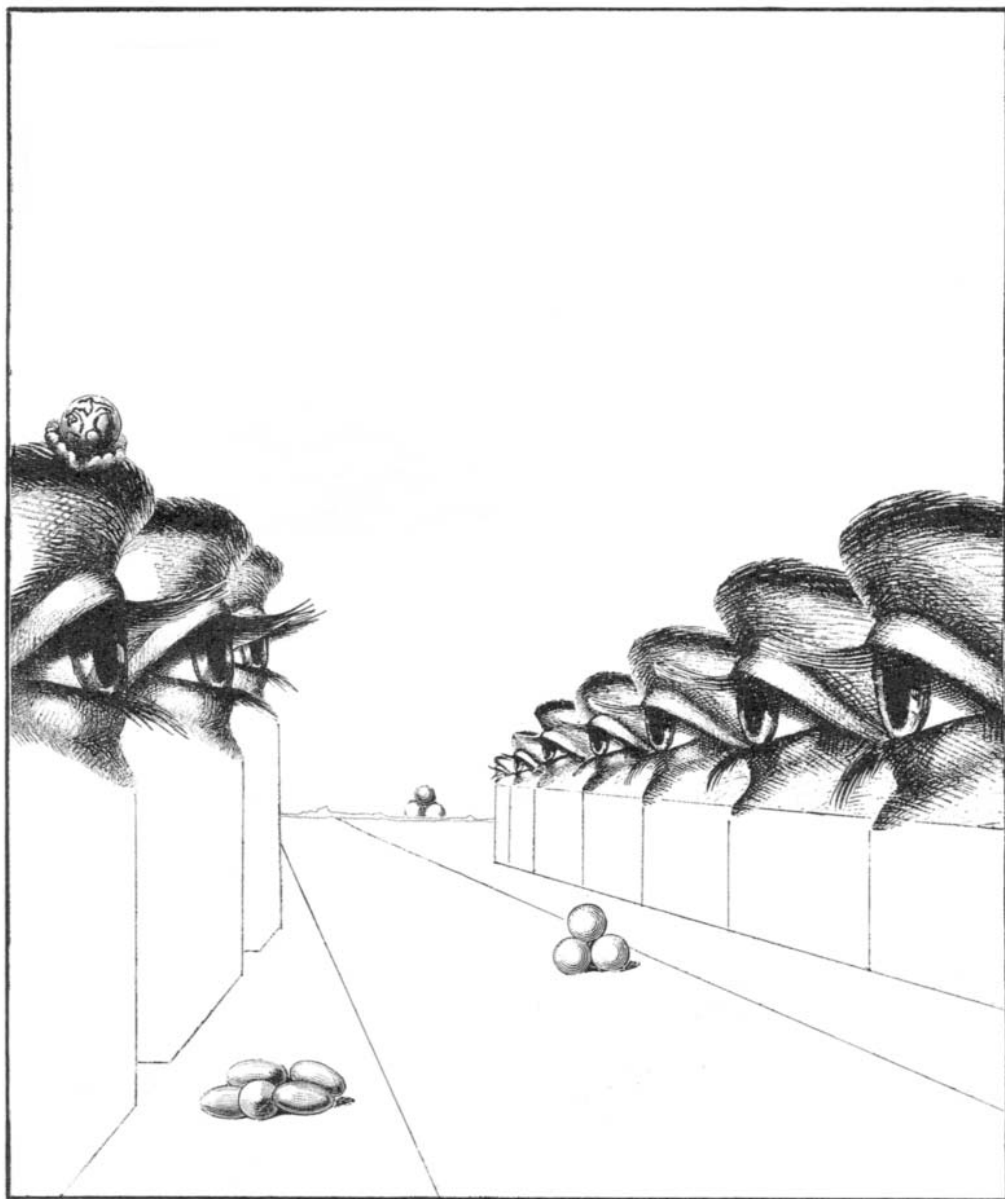
Успешный государь бросает вызов судьбе, фортуне и, преодолевая в своей политике внешнюю заданность, становится успешным. Макиавелли двойственно относится к фактору судьбы («судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям»). С одной стороны, он словно отказывает судьбе в символической значимости, концентрируясь на принципиально ином наборе заданных свойств — свойств времени. С другой — по-прежнему увязывает удачливость с изменчивой фортуной, но она не видится ему такой уж грозной силой, всецело детерминирующей жизненные траектории индивидов*. Фортуну можно обойти, направить в нужное политическое русло, короче, успешно противостоять ей.

Макиавелли-технолог радикально универсализирует успех. Успех материализован, объективен, а посему отделен от его субъективных трактовок и личностных переживаний. Отсюда — обретение политического успеха возможно с помощью разных стратегий. «... Я думаю, что удачлив (felice) тот, чей способ поведения отвечает свойствам времени, и точно так же неудачлив (infelice) тот, кто своим поведением оказывается в раздоре со временем... люди ведут себя по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой натиском; один силой, другой искусством; один терпением, другой противоположным способом, и каждый — при различии способов — может преуспеть. Но иной раз мы видим, что, хотя оба дейст-

*«Я думаю, нет худшего примера
для республики, чем, принимая законы,
не выполнять их. Но хуже всего, если сами
законодатели не чтят закон».*

Макиавелли

* «Я совершенно уверен в том, что лучше быть напористым, чем осторожным, потому что фортуна — женщина; и чтобы подмять ее под себя, необходимо колотить ее и пинать. Ведь известно, что она позволяет победить себя скорее таким, чем тем, кто ведет себя с ней с прохладцей» («Государь»: XXV).

Макс Эрст. Из книги «Неделя доброты». Пятница. 1934

вовали одинаково осторожно, один осуществляет свои желания, а другой – нет; и подобным образом, хотя один осторожен, а другой напорист, оба равно преуспевают посредством двух разных усилий. Зависит же это ни от чего иного, как от свойств времени, которым соответствует или не соответствует их поведение»*. Хотя Макиавелли и не оригинален в обосновании необходимых свойств политического успеха, им совершен громадный прорыв в понимании правил его

* Цитата приведена в уточненном переводе Л.М. Баткина. (Баткин Л.М. *Итальянское Возрождение*. – С. 174-175). Не случайно современные итальянские комментаторы Макиавелли переводят его понятие «удачливого» (*felice*) политика на обновленный лад как «политика, могущего обладать успехом». См.: *Machiavelli N. Il Principe*. – P. 168-169.

достижения. Для него успех — понятие *внекультурное*, а посему и стратегии его достижения — чрезвычайно разнообразны.

У Макиавелли успех политика последовательно сведен к внешним знакам, ибо сам успех предопределен его целерациональным пониманием и оценкой в категориях «ответственности-и-эффективности». Но меняются времена*, соответственно, должна меняться и политика; а там, где оба процесса пересекаются, мы видим, по Макиавелли, политический успех, а там, где этого пересечения не случается, — политический проигрыш, неуспех.

Доблесть правителя при этом не есть его собственный политический успех, как принято было судить прежде. Успех у Макиавелли навсегда отчужден от личности политика. Аутентично лишь происхождение политического успеха, точнее — его этос. Макиавелли утверждает, что главное в политике — *поиск адекватных методов и средств его достижения (el modo)*.

А отсюда становится ясным, что в политике вполне допустимо наличие «правил» достижения успеха. Следуешь правилам — достигаешь успеха, отступаешь от правил — тебя ждет неудача. Однако эти правила отныне отделены от тех культурных норм, которыми руководствовались правители до Макиавелли. Ни один досовременный *homo politicus* не мог бы стать правителем «без веры, без благочестия, без религии». У Макиавелли же подлинным объектом политической рефлексии становятся лишь «правила успеха», а не его культурно-нравственный контекст.

На передний план он выносит иную политическую стратегию — *использование в разных обстоятельствах разных средств достижения успеха*. «Разнообразие» мира вне личности политика может противостоять лишь «разнообразию» внутри него, то есть — универсальность самого правителя. Не открыл своего индивидуального политического метода — вини самого себя!

Макиавелли подводит черту под всеми предшествующими нравственными исканиями в политике. В XV книге «Государя» читаем: «... государю, если он хочет удержаться у власти, необходимо научиться отступать от добра и пользоваться или не пользоваться этим умением, смотря по надобности». Как отмечает Л. Баткин, такого до Макиавелли «не говорил никто**», поскольку сокровенный смысл этого откровения Макиавелли заключен не столько в начале фразы («научиться отступать от добра»), сколько в ее конце — «пользоваться или не пользоваться этим умением, *смотря по надобности*» (курсив мой — А. С.).

Правитель и политик могут быть наделены разными качествами, заслуживающими «хвалы или порицания». Главное в политическом процессе — избирательно этими качествами пользоваться. По надобности. И в этом смысле *главным в фигуре современного политика становятся его «воображаемые свойства»*. Или имидж, как сказали бы мы сегодня***.

* Многие риторические формулы современности, так или иначе, восходят к этим макиавеллевским идеям. К примеру: «У нас нет постоянных партнеров, есть только постоянные интересы». Но поскольку «постоянные интересы» в этой формуле — не более чем гипербола, ибо «интересы» как раз постоянными быть не могут, то и вся формула может читаться в буквальном смысле по-макиавеллевски: мир меняется — меняется и наша политика (вне всяких оговорок культурно-нравственного смысла!).

** Баткин Л.М. *Европейский человек наедине с собой*. — С. 845.

*** У Макиавелли, при всем его прагматическом интересе к политической дилемме «быть или казаться», идентичность Государя отчуждена от оценок его окружения и общественно-го мнения.

Правитель должен избегать тех нравственных черт, которые мешают ему бороться за власть, будь то добродетели или пороки — не суть важно. Нужны ли здесь какие-либо советы правителю со стороны политтехнолога? Вряд ли. Реальные качества личности для политика куда более бесполезны, чем те, которыми он, как кажется, обладает, ибо казаться для политика и есть его политическое бытие. «Каждый видит то, чем ты кажешься, немногие осязают то, что ты есть... Так пусть же государь побеждает и удерживает власть, а средства всегда сочтут при этом достойными и одобряют» («Государь»: XVIII)*.

«Мудрый Государь, в модели идеального правителя Макиавелли, целиком сводится к своему политическому делу, подчинен ему. Несмотря на то, что само Дело собственно и является продуктом его политического действия, Детище — превыше своего творца. Ежели ты хочешь и можешь действовать только «по характеру» (то есть сообразно культуре), а не по обстоятельствам, то не вмешивайся в политику. Культурно в политике не достичь успеха, успех возможен только «внутри реального порядка вещей», — пишет по этому поводу Л. Баткин**. И, рассуждая далее о неиндивидуалистической природе политической философии Макиавелли, вопреки принятой в специальной литературе точке зрения, замечает: «... при вытеснении прочих интересов и мотивов деловым, прагматическим интересом — в его рамках, — а также в силу объективной логики исторических событий, индивидуализм вряд ли совместим с занятиями политикой. Настоящий правитель даже слишком не индивидуалист... Индивидуализм (который не стоит путать с корыстью, эгоизмом и т.п.) нуждается в естественном и вольном — в каждый данный момент — выборе пути и судьбы, в игре человеческих сил индивида. Но политик у Макиавелли слишком серьезный человек, чтобы позволить себе все эти гуманистические благоглупости. ...Тот «мудрый правитель», к которому он взывает, должен воспользоваться наставлениями Макиавелли во имя Италии — о, да, но чем более значительно возносится над индивидом его цель, тем его личность становится более функциональной. То есть безличной, поскольку выполнение функции можно переложить на другого индивида. Политическая мудрость незаменима; но незаменимых государей нет»***.

Макиавелли, преодолевая ренессансные ценностные искания и предлагая свою *формулу успеха*, утверждает, что: (1) если неудачу подчас можно отнести на счет неблагоприятной фортуны (хотя подобный ход мысли несколько противоречит его логике), (2) то успех всегда свидетельствует только о хорошем соответствии индивида и условий времени. Корысть и честолюбие гуманистов у Макиавелли сменяются подчинением личности интересам дела, политическим интересом как таковым. Конкретные казусы принуждают личность к поиску «из самой себя». Универсальность у Макиавелли более не означает возврата к раннегуманистической идее всесторонности личности. «Точней: это всесторонность только в жестких пределах того, что нужно для политического успеха»****.

* И далее в одной из следующих глав: «... те, кто умел пудрить людям мозги, в конечном счете брали верх над теми, кто основывался на честности». Эти циничные заявления Макиавелли лягут впоследствии в основание того, что до сих пор именуется *целе-средственной дилеммой*. Широко приписываемой ему фразы «цель оправдывает средства» Макиавелли, однако, никогда не писал и не говорил.

** Баткин Л.М. *Итальянское Возрождение*. — С. 214.

*** Там же. С. 214-215.

**** Там же. С. 212.

Именно этим открытием Макиавелли наносит сокрушительный удар по всему ренессансному сознанию и тем самым закладывает основы современной политики. Той политики, которая делается не во имя славы, денег, прочих наград, а во имя собственно власти. Политики, осуществляемой не в рамках культуры, ее традиций, норм и ценностей, а — внекультурно. Политики — аутентичного и корректного выбора средств и методов во имя политического успеха. Политики — ответственной и эффективной. Политики — примата интересов и беззаветного служения политическому призванию*. Словом, ненавистной для Гамлета политики — «не быть, а казаться».

*Во второй половине XX века
примат гражданского участия людей
в процессах принятия решений
обесмысливает саму норму отчуждения
политики от морали*

Для современной цивилизации эти откровения Ма-

киавелли стали настолько незыблемыми в своей логичности и последовательности, что выступили своего рода провозвестником политической философии модерна. Политика и политические процессы в новой и новейшей истории — в рамках либеральной, авторитарной, демократической, тоталитарной парадигм, не суть важно, — конструировались именно в соответствии с заветами Макиавелли-политаналитика и рекомендациями Макиавелли-политтехнолога.

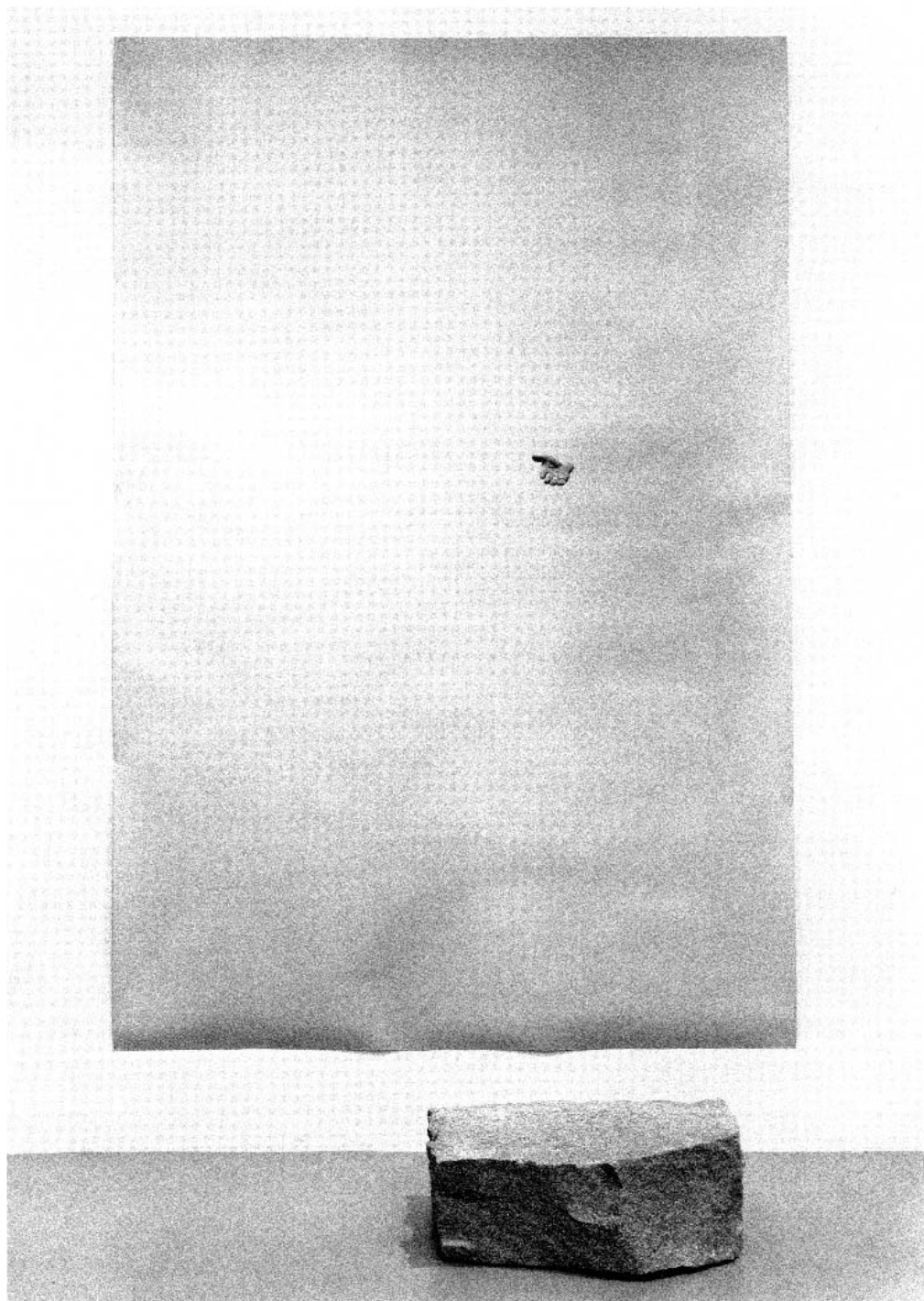
Политика в этом проекте обрела подлинно современные контуры *автономности*. А сам политик уже устремлен в иную культуру успеха, иные «картины мира», где социальная роль отчуждаема от личности, а функциональный критерий политических достижений преобразует все ценностное пространство жизненного успеха индивида.

Максима Макиавелли проста и легко запоминается: *поступая нравственно, ты рано или поздно терпишь политическое поражение*. Но подтверждает ли она репутацию флорентийского канцлера, вошедшего в современную историю в качестве «сокрушителя» морали. Не хотелось бы сейчас вновь возвращаться к этому ключевому предмету многовековой дискуссии «pro и contra Макиавелли»**. Впрочем, обойти его совсем мы также вряд ли сможем, поскольку формула «вначале успех, а уж затем мораль» действительно аутентично макиавеллиевская***. Потомки — в том числе и среди выдающихся мыслителей современ-

* Немецкий социолог Макс Вебер приблизительно через четыре столетия после Макиавелли красиво назовет такую философскую трактовку политики «призванием» и буквально (вплоть до стилистического плагиата) повторит большую часть аргументации великого флорентинца. Впрочем, сделает это путано и куда более туманно по сравнению с ясностью и прозрачностью мысли Макиавелли. См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Избранные произведения. — М.: «Прогресс», 1990. — С. 644–706.

** Этот сюжет достаточно подробно разобран в отечественной и зарубежной литературе. См.: Юсим М.А. Этика Макиавелли. — С. 45–70; Риклин А. Никколо Макиавелли: искусство властвовать. — СПб.: Изд-во «Алетейа», 2002. В этих работах можно обнаружить много интересного о судьбах идей Макиавелли в новое и новейшее время.

*** Те, кто поступает нравственно — по убеждению и в соответствии с принципами — по Макиавелли, рано или поздно оказываются в проигрыше. Этот «обратный» тезис «доказан» всей современной историей и, возможно по сей день, по крайней мере в России, остается «святой святых» политической философии власти.

Джованни Ансельмо. Панорама с рукой. 1984

ности — не могли простить великому флорентинцу этого прагматичного аморализма, хотя чаще... все-таки прислушивались к его советам.

В самом деле, политическая польза у Макиавелли «перевесила» добропорядочность. Но глубоко заблуждались — и по-прежнему заблуждаются — те, кто понимает эту максиму буквально. Макиавелли не создавал своего труда для политических менеджеров нового времени. Его «Il Principe» — отнюдь не технологическое руководство для политических карьеристов современности.

Вне морали у Макиавелли только стратегия служения общему благу, а не личному интересу и обогащению, не приращению персональной власти. Его политические цели и задачи вне индивидуальной сферы. Он всегда советует выбирать «лучшее» среди возможного, ориентируясь на политические результаты. Высшей пользой для него выступает лишь «общее благо» и только в этом смысле — как высшая ценность — она стоит над моралью.

Формула политической гениальности у Макиавелли предельно ясна: скрывай свои намерения, лиши своих врагов оружия, прикрывшись личиной дружбы, наконец, сокруши их отнятым оружием — и все это делай в свое время*.

Так поступали десятки и сотни прославленных политиков современности, доведя эти «технологии» в XX веке до крайнего политического аморализма, пока на исходе прошлого столетия, вступая в век глобализации, не стали ощущать в макиавеллистской политической модели не что иное, как *дефицит этики*.

Преувеличение значения общего блага, абсолютизация общественных интересов, одномерное понимание политической пользы, поклонение государству — все это, как полагает А. Риклин, оказалось «ловушкой», сотворенной современной политикой для самой же себя, современного общества и, не в последнюю очередь, — для современного человека. Ведь в такой модели личность рано или поздно перестает быть «ценностью», равно как становятся вторичными и «общественные блага» твоих соседей и всего остального мира в целом. Глобальный мир, похоже, по необходимости приступает сегодня к новому прочтению Макиавелли.

Ранее откровения Макиавелли понимались, прежде всего, как *политическая этика, ориентированная на результат*. А отсюда и принцип отчуждения морали от политики, и формула «вначале успех, а уж затем мораль». Многие поколения политиков жили этими ценностями, нормами и «правилами игры». Для них «Il Principe» заключал в себе и этос, и «высокий дух» всей современной политики, сколь бы часто и публично они от него ни отрешивались. Но их прочтение Макиавелли было узким и сектантским, что неудивительно, поскольку сама «каста» политиков являлась небольшим, сословно привилегированным сообществом «профессионалов», боровшихся за власть в нациях-государствах (в рамках автономной политики).

Впрочем, все эти суждения в нынешних условиях перестают, говоря языком самого же Макиавелли, отвечать «свойствам времени». Точнее сказать: вырванные из контекста политической философии Макиавелли его отдельные мысли и идеи перестают быть адекватными сегодняшним «*le qualità del tempo*».

Политика во второй половине XX века перестает быть делом «избранных». Примат гражданского участия людей в политическом пространстве, включая и более активную вовлеченность их в процессы принятия решений, обес-

* Подробнее об этом см.: Риклин А. *Никколо Макиавелли*. — С. 110.

смысливает саму норму отчуждения политики от морали. И чем больше рекрутируется политиков из гражданского общества, в том числе обретающих статус «профессионалов», тем менее этому обществу близок принцип «вначале успех, а уж затем мораль».

Более того, собственно политическая *эффективность* (результативность) все чаще оказывается *подчиненной* принципу максимального включения людей в обсуждение и принятие политических решений. Меняются и требования к фигуре Политика: от него все чаще ожидается «образцовое» — с нравственной точки зрения — поведение.

Иными словами, базовые установки классической политики перестают удовлетворять глобальное гражданское общество. Такие, как диктатура «общего блага» над ценностью отдельной личности (в виде доктрины «национального» или «государственного» интереса), разведение сфер «политики» и «морали», примат политического успеха и многое другое, что ранее... вполне корректно выводилось из учения Макиавелли.

Нельзя сказать при этом, что технологически все эти составляющие старой — макиавеллистской — эпохи в политике не утратили своей силы и эффективности. Однако, похоже, обман, хитрость, манипулирование сознанием людей и т.д., что не просто допускал, но и настойчиво советовал своему Государю Макиавелли, остаются *приемлемыми правилами только для удержания власти*; для тех же, кто ищет участия (или соучастия) в сфере публичной политики, среди этих «правил» становится тесно и неуютно. Политик и гражданин нашего времени стремится скорее *быть* в политике, а не просто «казаться».

Но как в таком случае поступать политику в условиях изменившегося времени? Отвергнуть Макиавелли, как он сам, наверное, заметил бы по этому поводу, — за ненадобностью? Или искусственно примирить Гамлета и Макиавелли, то есть стремиться к тому, чтобы «и быть, и казаться» одновременно? Или же все-таки выстроить политическую этику в духе *нового прочтения* Макиавелли?

Для Макиавелли-политаналитика не менее значимой (чем этика, ориентированная на результат), была *этика, ориентированная на общественные институты*. Он искренне верил в то, что «хорошими» людей делают лишь общественные институты, среди которых главную роль отводил религии, армии и законам. Если закрыть глаза на нравы и эпоху, в которую жил и творил Макиавелли, то его твердое убеждение в том, что Государь нужен лишь для того, чтобы создать в государстве республику, сохранность которой в полной мере предопределяет сам народ, действительно испытало все проверки временем*. На это, собственно, и должны быть направлены все действия современных политиков, что в свою очередь не противоречит макиавеллиевскому кредо.

Впрочем, для политиков Макиавелли все-таки выстраивает одно фундаментальное ограничение. Это — право**. Но спрашивается, каким образом принципы «аморальной» политики сочетаются с жестким требованием следования нормам верховенства права? Как утверждают знатоки Макиавелли, ни в

* *Гражданское самоуправление, по мнению Макиавелли, — не просто важный общественный институт, но и гарант «сохранения установлений», данных народу политиками.*

** *В своих «Рассуждениях о первой декаде Ливия» Макиавелли неоднократно подчеркивал недопустимость нарушения принципа верховенства права. «Я думаю, нет худшего примера для республики, чем, принимая законы, не выполнять их. Но хуже всего, если сами законодатели не чтят закон» (I).*

одном из своих произведений он не считал полезным «поступать против закона». Более того, Макиавелли-политтехнолог в принципе не допускал применения аморальных средств — пусть даже политически целесообразных — вопреки закону; они, по его мнению, возможны либо «в рамках закона», либо «вне закона».

Безусловно, Макиавелли считал *соблюдение верховенства права высшей общественной ценностью*, как и гражданское самоуправление, и республиканский строй в целом. Хотя он и не употреблял понятие «призвание», но, видимо, его имел в виду, когда предписывал политикам «служить» интересам общего блага, которые он понимал не «плоско», и уж,

Обман, хитрость, манипулирование сознанием людей и т.д., что настойчиво советовал своему Государю Макиавелли, остаются приемлемыми правилами только для удержания власти

тем более, не просто как внешние, «национальные» интересы родины.

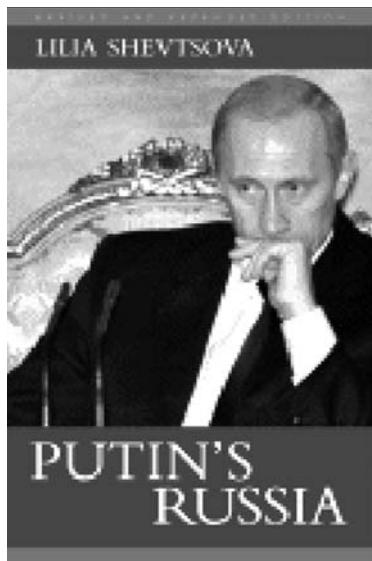
Для Макиавелли чрезвычайно важна была *внутренняя убежденность* политика — его *позиция*, ориентированная в равной мере как на политические результаты, так и на укрепление общественных институтов*. В этом ракурсе псевдомакиавеллистская дилемма «быть или казаться» для сегодняшней политики обретает совершенно новое, более аутентичное мышление и убеждения самого Макиавелли звучание: «быть, чтобы казаться».

Возможно, именно так он и сформулировал бы свой базовый принцип, наблюдай он за сегодняшними изменениями в мире политики. В век, когда политическая ответственность становится глобальной, когда динамика общественных институтов обретает непредсказуемый характер, когда локальная жизнь (в разных формах гражданского самоуправления) предполагает массовое участие граждан в формировании политических решений, когда политики перестают быть членами закрытых профессиональных «сект», а политические элиты все активнее рекрутируются из гражданского общества, именно в этот век политическая этика, да и в целом политическая практика будет «по надобности» выстраиваться в отчетливо моральной модальности нового прочтения Никколо Макиавелли.

Европейские политики сегодня все чаще говорят о том, что историческое время так называемой *Realpolitik* безвозвратно уходит в прошлое. На смену приходит «моральная политика». При этом такой поворот в европейской политике они объясняют не только «духом» времени, но и политическим опытом «реал-политики», которая по сути не решала социальные проблемы, а лишь загоняла их в «политические тупики».

* В 1-й книге «Рассуждений» он пишет: «Так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели» (выделено мной. — А.С.).

«Русская система»?

Lilia Shevtsova. Putin's Russia. — 2nd ed. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. — xvi, 457 p.

Писать историю современности — занятие парадоксальное, ибо стремление уловить время, которое еще не умерло, вполне можно уподобить пресловутой погоне грека за черепахой. И осязаемо до крайности, и не ухватишь никак. Но, вместе с тем, такое дело не безнадежно. Иногда наиболее удачливым авторам удается добиться нужной фокусировки, выбрать тот угол зрения, который гарантирует должную беспристрастность проникновения в ткань текущих событий. Одним из новейших подтверждений этого стала книга Лилии Шевцовой «Россия Путина», совсем недавно вышедшая вторым изданием. Пока, к сожалению, только по-английски.

Весьма многим моим знакомым повседневность страны, выходящей из-под реза нынешних ваятелей российской политики, кажется не слишком симпатичной. Из всех щелей высовывается советское прошлое. И без того не богатый российский политический огород окончательно закатали в асфальт. Официальное телевидение невозможно смотреть без зевоты. Наконец, у значительного числа наших сограждан как не было, так и нет даже слабой уверенности в завтрашнем дне — ни для страны, ни для себя лично. Что особенно удручает, так это практически полное отсутствие желания общества разобраться в происходящем. На таком фоне появление второго (первое вышло в 2004 г.), расширенного издания книги Шевцовой — в нее включены четыре новые главы, в которых анализируются парламентские и президентские выборы 2004 года, а также перипетии последнего времени, — не могло не стать заметным интеллектуальным событием. Объективистская невозмутимость, с которой автор подходит к предмету своего исследования — выстроенному Владимиром Путиным политическому режиму, — позволяет спокойно и ровно, без патетики писать о вещах неприятных и даже пугающих.

Согласно Шевцовой, нынешний этап эволюции российской «выборной монархии» явил очередную редакцию того неистребимого структурного феномена, который автор именуется «Русской Системой», — модели персонифицированной власти одного человека, возвышающегося над обществом и обществу неподконтрольного, олицетворяющего и даже подменяющего собой государство. Кстати, руководствуясь именно такой логикой, действующий президент склонен рассматривать своих критиков как «врагов государства и, следова-

тельно, как своих персональных врагов, ибо он всегда идентифицировал государство с президентом — то есть с самим собой» (с. 106).

По мнению автора, путинская Россия одновременно является и продолжением, и отрицанием России ельцинской. С одной стороны, стараясь выглядеть современным, нынешний режим освоил новые способы легитимации, регулярно призывая население к избирательным урнам и соблюдая прочие общепринятые политические условности, введенные Ельциным. С другой стороны, второй президент страны решительно упростил конструкцию власти, полученную в наследство от своего предшественника, в результате чего Кремль низвел к нулю иные общественные и политические институты — парламент, суд, прессу, гражданские организации. Главная проблема здесь заключается в том, что, подобно всем «жестким» системам, путинская «вертикаль власти», замкнутая на одного человека, крайне хрупка. В случае внешних или внутренних потрясений, полагает автор, лидер не справится с бременем ответственности — ему одному придется отвечать за все, при этом поправить или предостеречь главного игрока будет некому. В итоге «рано или поздно новая версия «Русской Системы», основанная на принципе приводных ремней, но лишенная при этом эффективного репрессивного аппарата, рухнет под собственной тяжестью» (с. 96).

Не исключено, впрочем, что благодаря заоблачным ценам на нефть путинский режим на какой-то период преуспеет в деле воспроизводства в нашей стране моноцентричной модели власти. Но будет ли современная Россия готова столь же успешно отвечать на вызовы глобализации? У многих это вызывает большие сомнения. «Российский лидер дает вчерашние ответы на сегодняшние вопросы», — вторя им, утверждает Шевцова (с. 146). И это проявляется практически во всех сферах общественной жизни. У шахматистов есть понятие «потеря темпа» — игрок делает ходы, но позитивной динамики в его положении на доске, несмотря на всю активность, добиться не удастся. В нашем случае причиной такого рода затруднения выступает то, что задачи политического выживания и императивы обновления страны не слишком совместимы друг с другом, причем далее эта несовместимость будет становиться все более отчаянной. Лидеру же, хочет он того или нет, в подобных ситуациях приходится делать выбор. Но сможет ли президент взять на себя столь тягостное бремя, тем более что смелость может стоить ему политической карьеры? И в какой роли он останется в отечественной истории — как политик, упустивший свой шанс, или как бесстрашный реформатор, сумевший порвать с отвратительными привычками прошлого? В книге нет — да и не может быть — ответов на подобные вопросы. Но возможность поразмышлять на эти интригующие темы работа Лилии Шевцовой, безусловно, предоставляет.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Панорама исследований политики Прикамья. Выпуск 2. — Пермь, 2004. — 233 с.

Настоящее издание осуществляется в рамках «Областной целевой программы развития политической и правовой культуры населения Пермской области», финансируемой администрацией области из областного бюджета. Более того, то место в книге, где обычно располагается аннотация, содержит информацию о том, что оно осуществлено при содействии начальника Управления внутренней политики и взаимодействия с территориями администрации области. К тому же один из редакторов сборника Сергей Неганов работает именно в этой администрации.

Казалось бы, после таких обескураживающих откровений читателя должно охватить ожидание разочарования. Известно ведь, к чему обычно приводит курирование общественной мысли на уровне федеральной власти. К счастью, Перми в этом смысле повезло чуть больше. Может быть оттого, что Сергей Неганов — выпускник Московской школы политических исследований.

Показательно, что автор одной из статей сборника И. Ионин — участник леворадикального движения Пермской области. Между тем в краткой характеристике левого политического крыла в Прикамье ему удалось избежать жестких идеологических оценок. Следуя общей логике построения «панорамы», автор попытался изложить материал с почти научной старательностью и беспристрастностью.

Определенная наукообразность находит объяснение в участии в подготовке сборника пермского ученого-политолога Олега Подвинцева, а еще в том, что большинство авторов — его коллеги. Это и плюс, и минус издания, и, наверно, неизбежность.

Плюс, потому что помещенные в нем материалы сразу задают уровень и вызывают безусловное доверие к анализу описываемых

явлений. Минус, так как усложненность, насыщенность и наукообразность некоторых публикаций наводит на мысль, что ряд авторов рассматривали свое участие в сборнике как возможность дополнительных публикаций в русле собственных сугубо научных изысканий. Неизбежность... А кто же еще в сегодняшней действительности способен объективно и непредвзято исследовать провинциальную политическую палитру? Местные журналисты? Увы, как правило, их материалы, по крайней мере появляющиеся в СМИ, достаточно поверхностны, если не сказать — ангажированы.

Спектр предлагаемых читателю статей достаточно разнообразен. Здесь и анализ этносоциальной эволюции азербайджанской диаспоры в Прикамье. Тема весьма актуальная, если учесть, что азербайджанская община — одна из крупнейших в Пермской области, причем около 80 процентов ее — это так называемые новые иммигранты. Здесь и исследования традиционных политических сил и традиционных конфессий, и попытки разобраться в механизмах влияния на политику «новых религий».

Безусловно, одна из самых неожиданных публикаций — перевод фрагмента большого исследования оксфордского ученого Фредерико Варезе «Мафия в России». (Варезе изучал ее, в том числе, и на материале Прикамья.) Как утверждают авторы рецензии на эту книгу (рецензия также опубликована в сборнике), автор исследовал российскую мафию, пользуясь открытыми источниками, и фактических ошибок в книге немного, зато фактического материала — масса. Вплоть до схемы расположения киосков, обкладывавшихся данью, или графика, показывающего место советской элиты в Перми.

Похоже, пермский опыт политических исследований региона — явление уникальное. Учитывая, что некоторые темы, представленные в «панораме», находят свое продол-

жение. В частности, один из героев упомянутой книги Ф. Варезе, «авторитетный бизнесмен» с уголовным прошлым Владимир Плотников, несмотря на демонстративное противостояние областных властей, недавно стал депутатом прикамского парламента и пытается оказывать влияние на политическую жизнь Пермской области, которую изучает и описывает рецензируемый сборник.

Андрей Никитин

«Железный век» русской мысли. Памяти репрессированных. Сост. Б.В. Емельянов. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. — 96 с.

В эпоху, когда, казалось бы, уже нет секретов, когда открыты спецархивы, вопросов о прошлом страны тем не менее достаточно много. Трактовка истории ныне столь волезна и неоднозначна, что приходится настороженно относиться к прочитанному, увиденному, услышанному.

Очередную волну повышенного интереса переживает в настоящее время тема политических репрессий. Очевидно оттого, что процессы, происходящие в нашей стране, не стыкуются с либеральными посылами президента и правительства, многие решения и действия идут вразрез с демократическими нормами, за решеткой оказываются люди, непосредственно принимающие участие в строительстве гражданского общества.

Волей-неволей иной раз проводишь параллели с прошлым, сравнивая современную действительность с событиями первой половины прошлого века, отмеченного массовыми арестами в рамках антирелигиозных кампаний, громкими делами «врагов народа».

Трактовка истории — дело неблагодарное. Хотя бы потому, что у всякой эпохи, как у медали, две стороны. Сегодня редко встретишь историческое издание, свободное от оценок. Тем ценнее небольшая по объему книга профессора кафедры истории философии Уральского государственного университета Б.Емельянова ««Железный век» русской мысли. Памяти репрессированных».

Это своеобразная книга памяти, подобная тем, что издаются во многих российских регионах накануне практически каждой годовщины Великой Отечественной войны. Однако уникальна она тем, что содержит, пожалуй, единственный в своем роде, самый большой список русских мыслителей, ученых и философов, пострадавших в лютые годы сталинских репрессий.

Автор считает, что без серьезного изучения политических судеб российской науки и философии история страны будет неполной и малопонятной. Первую половину XX века, по сути, можно назвать «геноцидом» отечественной мысли. Емельянов называет это время «железным веком».

«Я понимал, — пишет автор, обозначив свою исследовательскую позицию, — что именам Флоренского, Шпета, Бухарина, Лосева и некоторых других известных русских философов забвение в истории русской мысли не грозит, и поэтому поиск пострадавших вел «широким фронтом», включая в список «рядовых» философов, ученых, деятелей культуры, общественных деятелей, богословов, занимавшихся мировоззренческими проблемами, на которых обрушился меч репрессий и которые должны занять свое место в этом скорбном списке... В этот список репрессированных мыслителей, погибших в тюрьмах и концлагерях, сосланных в различные уголки страны, высланных за ее пределы, вошли также и те, кто сумел бежать от большевистского тоталитарного режима, спасая себя и семьи от неизбежного ареста» (с.5).

Б.В. Емельяновым проделана действительно уникальная работа. В книге более 300 персонажей с кратким описанием последних лет их жизни. До этого столь подробные реестры не составлялись.

Как сложилась бы судьба России, если бы не были уничтожены многие тысячи «золотых голов» той эпохи? Стала бы она процветающей и сильной державой, обществом свободных граждан, живущих в цивилизованном правовом пространстве и ответственных за будущее своей страны? Книга заставляет задуматься именно над этими вопросами.

Евгения Иванкова

Александр Архангельский,
«Известия» – специально
для «Общей тетради»

Контрапункт

ЛЮДИ, СОЗДАЮЩИЕ ИДЕИ

Российский либерализм: идеи и люди. Под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. – М.: Новое издательство, 2004. – 616 с. (Серия «Исследования фонда «Либеральная миссия»»).

Главный довод большинства противников реформаторских перемен в России – не политический, не социальный и даже не экономический, а чисто исторический: либеральная идея не укоренена в нашей традиции, есть внутренняя логика русской истории и нельзя вторгаться в нее с западным идейным инструментарием. Звучит красиво. Недаром в последнее время эту формулу, слегка ее видоизменяя, охотно используют правящие элиты: расхожее противопоставление «внутреннего суверените-

та» «внешнему управлению», бесконечные рассуждения о соответствии уровня демократии уровню развития общества, что это как не инобытие триединого лозунга «традиции – укорененность – естественность»?

Казалось бы, с чем тут спорить? Вторгаться вообще ни во что не следует, поскольку жизнь органична; органика при вторжении распадается; спонтанное вторжение уже содержит в себе потенциальное отторжение. Укорененность, напротив того, вещь важная; чтобы дожидаться от некоей важной идеи обильных общественных всходов, необходимо для начала прорастить ее корневую систему, вживить в родную почву. Но! Во-первых, сами традиции либо медленно обновляются, либо очень быстро «усыхают» и гибнут. А новации либо неспешно превращаются в традиции, либо скоростно отмирают. Во-вторых, что значит «западный инструментарий»? Ясная логика и правосознание? Но тогда за что же мы обижаем соотечественников, лишая их этих общечеловеческих свойств? Подчеркнутая сердечность русской природы – не замена логике, а дополнительное ее преимущество. Наконец, в третьих и в главных. Мы

плохо знаем родную историю. Мы ориентируемся на искусственно созданную большевиками историческую мифологию. А реальный исторический опыт России куда объемнее, куда интереснее. И либеральные ценности выстраданы ею в полной мере. Самостоятельно. Незаменно. Они выношены и ярко оформлены выдающимися людьми, которых мы, как Иваны, не помнящие родства, попытались предать забвению.

Инициатор рецензируемой книги, философ и политик Алексей Кара-Мурза уже не первый год ездит по всей России и открывает памятные доски на исторических зданиях, связанных с жизнью и творчеством русских либералов. Самых разных — славянофилов и западников, умеренных монархистов и социал-демократов. Главное, что умных, ответственных и свобододолюбивых. Этот проект трудно переоценить; важность наглядной пропаганды лучше всех сознавали большевики, именно поэтому они сразу после революции, в 1918 году, составили список тех, кому следует установить памятники, и Ленин лично вычеркивал имена неугодных ему деятелей российской истории и культуры. Так *конструировалось* зримое представление об отечественной интеллектуальной традиции. Разрушить эту ложную конструкцию можно единственным способом: насытить Россию реальной информацией о выдающихся людях, тво-

ривших ее традицию; выбить клин клином. Чем Кара-Мурза и занимается, причем весьма успешно.

Но этого мало. Потому что символическая перекодировка провинциального пространства, «смена вех» исторической памяти, демонстрация масштаба и размаха русского либерального наследия — сама по себе проблему не решит. Пространственной перекодировке будет упорно сопротивляться закодированное сознание. Ей будет препятствовать элементарная неграмотность — главная закваска дешевого мифологизма. С недавних пор политики охотно цитируют, например, философа Ивана Ильина, причем в официальных документах; но кто из них помнит, что этот пафосный отечестволюбец был европейски образованным и европейски ориентированным мыслителем и в его устах слова о специфике русского пути к демократии значили нечто иное, нежели в их речах?

И вот ясинский фонд «Либеральная миссия» выпустил книгу кратких очерков о тех, кому — среди прочих — устанавливает памятные доски г-н Кара-Мурза; о тех, кто взращивал либеральные ценности на отечественной интеллектуальной почве. От страдальца и вельможи Сперанского до убежденного противника крепостного права Александра Тургенева, от западника Тимофея Грановского до славянофила Ивана Аксакова, от Александра Головина до Дмит-

рия Замятнина, от Михаила Стасюлевича до Дмитрия Шаховского... Многие из этих славных имен на слуху, но многие — их, увы, гораздо больше — находятся в энциклопедической тени. Милюкова знают все, Ивана Петрункевича и Николая Езерского сегодня знают только специалисты.

Наверняка мы услышим недовольные голоса: не знают и не надо, их истинный масштаб именно таков, не нужно создавать задним числом искусственные репутации, притягивать за уши либеральную традицию. На самом деле это довод от лукавого; Петр Долгоруков и Николай Щепкин, Николай Виссарионович Некрасов и Николай Парамонов неизвестны не потому, что этой известности не заслуживают, а исключительно потому, что потеснены дутыми, но раскрученными фигурами, которыми охотно занималась советская и постсоветская историография, советское и постсоветское искусство, прежде всего кино. Неужто мы решимся сказать, что дешевый материалистический мистик Урицкий или даже неплохой публицист Плеханов, полубезумный охранитель Михаил Меньшиков или двусмысленный граф Алексей Толстой — действительно важнее для истории русской мысли (а главное, для современного ее состояния!), чем Федор Степун, Александр Кизеветтер или Михаил Стахович? И если Урицкого с Плехановым знают лучше, чем Петра

Струве с Максимом Ковалевским, то это свидетельствует об успехах советской пропаганды, а не о неудачах отечественного либерального движения.

Замысел книги, составленной Алексеем Кара-Мурзой, — подчеркнуто персональный. Здесь важна не глубина анализа, не полнота приводимых сведений, а наглядность изображения, контрастность «картинки». Когда-то в разговоре с одним из родоначальников русской либеральной бюрократии Александр I трижды пожаловался: «Людей нет! Людей не хватает! Не видно людей, способных осуществить либеральные реформы». С тех пор это лейтмотив всех властных рассуждений о необходимости и возможности внутрироссийских преобразований. Составитель сборника словно пытается наглядно опровергнуть этот тезис: вот же, вот они, эти незамеченные властью (или отторгнутые ею, или надолго попавшие в опалу) лица! Ему важно создать портретную галерею тех, кто создавал русскую либеральную традицию; разбираться в деталях самой традиции — задача следующего уровня, и ее решение пока впереди.

ИДЕИ, СОЗДАЮЩИЕ ЛЮДЕЙ*

Юрий Сенокосов. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. — М.: Московская школа политических исследований, 2005. — 182 с.

В своей книге Юрий Сенокосов, напротив, сознательно отрешается от лиц; для решения его смысловой задачи принципиально важно выйти за пределы наглядных образов и заглянуть в скрытые глубины поставленной проблемы. Цель — понять внутреннюю форму русской либеральной, правовой, гражданской идеи (а может, и отчасти заново создать ее), погрузиться в пространство чистой мысли, без которой невозможна никакая реальная политика.

Так, для Алексея Кара-Мурзы веховец Кистяковский мог бы стать (а может, когда-нибудь и станет) *олицетворением* либерально-правовой идеи; для Юрия Сенокосова куда важнее сквозная интенция Кистяковского, энергия его суждений о природе права, их драматическая связь с нашей современностью и протяженным временем европейской истории.

Вообще, сенокосовский замысел, если я верно его понял, заключен не в том, чтобы в очередной раз написать краткий очерк российского либерализма (вослед В. Леонтовичу), не в том, чтобы уличить историю отечественной мысли в недостатке рационально-критического начала (вослед Г. Шпету), но угадать «внутреннюю форму» русской либеральной идеи как таковой, выявить ее общеевропейскую природу и тем самым философски обосновать творческую либерализацию России, возможность ее мирного перехода из эры тотального государственничества в эпоху ответственно-свободного гражданского общества. И потому он ставит в центр своего краткого и предельно емкого «рассмотрения» ту роковую проблему, которую западная интеллектуальная традиция со времен Аристотеля привык-

* Редактор «Общей тетради» Ю. Сенокосов возражал против намерения отрецензировать его книгу на страницах издаваемого им журнала. Однако согласно заранее оговоренным правилам выбор книг для рецензирования является прерогативой ведущего рубрики. Я считаю исследование «Власть как проблема» принципиально важным для сегодняшней интеллектуально-политической жизни, отзыв о нем необходимым для «Общей тетради» и полностью принимаю все неизбежные моральные издержки такого решения на себя. — А. А.

ла рассматривать в чистом виде, а наши мыслители и писатели предельно психологизировали, — проблему власти. Не власти как предмета политического обладания, а власти как ступки исторических полномочий, имеющей свой источник за пределами себя самой. Не в абстрактном «народе», а в деятельном гражданском сознании. Не в бесстрастных законах, а в живом правосознании. Не в произволе элит, а в общественном договоре. Не в произвольном желании вождя быть добрым или злым, а в деятельных институциях.

Зайти на русский двор с европейского хода. Войти в европейские интеллектуальные пределы со своим неповторимым словом и своим незаемным лицом... Юрий Сенокосов пытается осуществить, казалось бы, неосуществимую, обоюдострую задачу. С одной стороны, он использует наработанные «западные» философские средства, чтобы разобраться в конкретной природе русской власти. С другой, описывает аристотелианскую проблему власти на языке отечественной мысли, укореняя (именно *укореняя*) эту проблему в родной языковой стихии. Ради этого он расслаивает идеологему власти на множество составляющих; парадоксально противопоставляет и сталкивает полюса «права» и «закона», которые в сознании многих, слишком многих российских политиков являются абсолютными синонимами; разбирает,

расслаивает до атомарного уровня ту самую идею «суверенитета», которая стала масонским паролем для нынешних политтехнологов, угрожающим заклинанием для их политических клиентов... Недаром Сенокосов так внимателен к этимологии и так бескомпромиссно восстает против стершихся клише («политика есть искусство возможного» и проч.) Он видит главную опасность нашего сознания (до сих пор советского, а не русского!) в привычке проглатывать навязанные формулы, не вдумываясь в их содержание. Неважно, какова окраска этих формул: консервативная, государственническая, или либеральная, диссидентская. Идет ли речь о бремени величия или о правах человека...

Результат более чем важен и более чем актуален. В небольшой и достаточно (для философского труда) легко написанной книге Юрия Сенокосова конкретная историческая реальность современной России выведена на «космический» уровень обобщения, поставлена в контекст ключевых европейских дискуссий. (Чего стоит хотя бы остроумно реконструированный автором философский диалог Эразма Роттердамского и Мартина Лютера!) И наоборот, классические работы Монтескье, Макиавелли, принципы оппонентов Иоанна Безземельного и сегодняшние рассуждения Р. Дарендорфа «спущены» на нашу грешную землю, «обработаны» публицистическим

раствором. И в результате получается работа, аналогов которой я на сегодняшний день не могу найти; размышление, отдельные пассажи которого хочется перечитывать по нескольку раз. А главное — использовать в практической деятельности по органичному преобразованию России в современное общество и современное государство, не похожее на дантовского грешника, идущего вперед с лицом, обращенным назад. Власть должна стать сложной, многосоставной проблемой, подлежащей постоянному философскому осмыслению. Иначе все будет по-прежнему: где власть, там проблема.

В апреле 1890 года Антон Павлович Чехов (1860–1904) предпринял поездку на остров Сахалин. По словам его брата Михаила, эта поездка была им задумана совершенно случайно. «Собрался Антон П-ч на Дальний Восток как-то вдруг, неожиданно, так что в первое время трудно было понять, серьезно ли он говорит об этом или шутит. В то время... младший брат кончал курс юридического факультета в Московском университете и учил лекции по уголовному праву, судопроизводству и тюремоведению. Эти лекции заинтересовали писателя, он прочитал их и вдруг засуматошился, засбирался. Начались подготовительные работы к поездке. Ему не хотелось ехать на Сахалин с пустыми руками, и он стал собирать материалы. Сестра и знакомые барышни делали для него выписки в Румянцевской библиотеке, он доставал откуда-то редкие фолианты о Сахалине. Работа кипела. Но его озабочивало то, что его, как писателя, после разоблачений известного Кеннана не пустят на каторгу или же покажут ему не все, а только то, что можно показать, и он отправился в январе 1890 г. в Петербург хлопотать о том, чтобы ему дан был свободный пропуск повсюду. С другой стороны, его беспокоило то, что его поездке могут придать официальный характер. Обращение к стоявшему тогда во главе Главного тюремного управления Н.М. Галкину-Враскому не принесло никакой пользы, и без всяких рекомендаций, а только с корреспондентским бланком в кармане, он двинулся, наконец, на Дальний Восток».*

(Письма А.П. Чехова. Под ред. М.П. Чеховой. Том III (1890–1891).
Изд. второе. — Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — С. III.)

Ниже публикуются — по указанному тому — выдержки из писем А.П. Чехова родственникам и друзьям накануне и во время поездки на Сахалин.

Из писем А.П. Чехова

*М.П. Чехову***, 28 января 1890 г.

Миша, <...> Маршрут: река Кама, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Амур, Сахалин, Япония, Китай, Коломбо, Порт-Саид, Константинополь и Одесса. Буду и в Маниле. Выеду из Москвы в начале апреля.

*А.С. Суворину****, февраль

День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу. Чем больше читаю, тем сильнее мое убеждение, что в два месяца я не успею сделать и четверти того, что задумал... Работа разнообразная, но нудная. Приходится быть и геологом, и метеорологом, и этнографом, а к этому я не привык и мне скучно. Читать буду о Сахалине до марта, пока есть деньги, а потом сяду за рассказы.

*Н.М. Линтваревой*****, 5 марта

Этим летом у Вас не буду, так как в апреле по своим надобностям уезжаю на остров Сахалин, откуда вернусь в декабре. Туда еду через Сибирь (11 тысяч верст), а оттуда морем. Миша, кажется, писал Вам, что меня будто кто-то ко-

* Речь идет о двухтомном труде Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.)», впервые в полном объеме вышедшем на русском языке в 1999 году в Санкт-Петербурге.

** Чехов Михаил Павлович (1865–1936), брат А.П. Чехова.

*** Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель, публицист, театральный критик.

**** Линтварева Наталья Михайловна (1863–1943), учительница, дочь владелицы усадьбы в Сумах Харьковской губернии.

мандирует туда, но это вздор. *Я сам себя командирую, на собственный счет.* (Курс. ред.) На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом.

А.С. Суворину, 9 марта

Насчет Сахалина ошибаемся мы оба... Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдских, ни даже кенановских. Я хочу написать хоть 100-200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей... Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это не интересно. Прославленные шестидесятые годы не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации. В наше время для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюремоведение совершенно не интересует наших юристов. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен...

Ему же, 22 марта

Только ту молодость можно признать здоровую, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними — так хочет природа и на этом зиждется прогресс, а А.А. (сын Суворина. — Прим. ред.) вяло и лениво протестует, скоро понижает голос, скоро соглашается, и в общем получается такое впечатление, как будто он совсем не заинтересован в борьбе, т.е. участвует в петушином бою как зритель, не имея собственного петуха. А своего петуха иметь надо, иначе неинтересно жить.

Ему же, 11 апреля

Еду я 18-го апреля.

Ему же, 15 апреля

Купил себе полушубок, офицерское непромокаемое пальто из кожи, большие сапоги и большой ножик для резания колбасы и охоты на тигров. Вооружен с головы до ног.

М.П. Чеховой, 24 апреля (с парохода)*

Друзья мои тунгусы! Кама прескучнейшая река... Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть

* Чехова Мария Павловна (1863–1957), сестра А.П. Чехова.

так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода — событие.

*М.В. Кисилевой**, 7 мая, берег Иртыша

Еду по сибирскому тракту на вольных. Проехал уже 715 верст. Обратился в великомученика с головы до пяток... Надо заметить, что в Сибири весны еще нет: земля бурая, деревья голые и куда ни взглянешь, всюду белеют полосы снега; день и ночь еду в полушубке и в валенках. Ну-с, подул с утра ветер. Тяжелые свинцовые облака, бурая земля, грязь, дождь, ветер... Бррр! Еду, еду... Без конца еду, а погода не унимается, Перед вечером на станции мне говорят, что ехать дальше нельзя, так как все залило, мосты разнесло и проч.

М.П. Чеховой, 14 мая, в 45 верстах от Томска

Холодно ехать... На мне полушубок. Телу ничего, хорошо, но ногам зябко. Кутаю их в кожаное пальто — не помогает. На мне двое брюк. Ну-с, едешь едешь... Мелькают верстовые столбы, лужи, березнячки. Вот перегнали переселенцев, потом этап. Встретили бродяг с котелками на спинах; эти господа прогуливаются по всему сибирскому тракту... Вообще в разбойничьем отношении езда здесь совершенно безопасна. От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой... Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями. Комнаты у них убраны просто, но чисто, с претензией на роскошь; постели мягкие, все пуховики и большие подушки, полы выкрашены или устланы самодельковыми холщовыми коврами. Это объясняется, конечно, зажиточностью, тем, что семья имеет надел из 16 десятин чернозема и что на этом черноземе растет хорошая пшеница... Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно уделить кое-что и манере жить. Когда ночьюходишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни спирали, ни русского духа. Правда, одна старуха, подавая мне чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато вас не посадят пить чай без скатерти, при вас не отгрыгивают, не ищут в голове; когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен, как пиво, — вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могут только мечтать, а ведь хохлы куда чистоплотнее кацапов! Хлеб пекут здесь превкуснейший; я в первые дни объедался им. Вкусны и пироги, и блины, и оладьи, и калачи, напоминающие хохлацкие ноздреватые бублики. Блины тонки... Зато все остальное не по европейскому желудку...

Томск 16 мая

...Пьешь чай и разговариваешь с бабами, которые здесь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они так же высоки, и сильны, и умны, как их повелители; они, когда мужей нет дома, ямщикуют, любят каламбурить. Детей не держат в

* *Кислева Мария Владимировна (1850–1921), детская писательница.*

строгости... Дифтерита нет. Царит здесь черная оспа, но странно, она здесь не так заразительна, как в других местах: двое-трое заболеют, умрут, и конец эпидемии. Больниц и врачей нет. Лечат фельдшера. Кровопускание и кровососные банки в грандиозных, зверских размерах. Я по дороге осматривал одного еврея, больного раком печени. Еврей истощен, еле дышит, но это не помешало фельдшеру поставить ему 12 кровососных банок. Кстати, об евреях. Здесь они пашут, ямщикуют, держат перевозки, торгуют и называются крестьянами, потому что они, в самом деле, и *de jure* и *de facto* крестьяне. Пользуются они всеобщим уважением и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты... Кстати уж о поляках. Попадают ссыльные, присланные сюда из Польши в 1864 г. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях. Первые после амнистии уезжали к себе на родину, но скоро вернулись назад в Сибирь — здесь богаче, вторые мечтают о родине... Быть может, и про татар написать Вам? Извольте. Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губ. о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они «лучше русских» — так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием. Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей.

*А.Н. Плещееву**, 5 июня, Иркутск

Ну-с, о чем Вам написать? Все так длинно и широко, что не знаешь, с чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я делю на три эпохи: 1) от Тюмени до Томска 1500 верст, страшный холодище днем и ночью, полшубок, валенки, холодные дожди, ветры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война с разливами рек; реки заливали луга и дороги, а я то и дело менял экипаж на ладью и плавал, как венецианец на гондоле... 2) От Томска до Красноярска 500 верст, невылазная грязь; моя повозка и я грузли в грязи, как мухи в густом варенье; сколько раз я ломал повозку (она у меня собственная), сколько верст прошел пешком, сколько клякс было на моей физиономии и на платье! Я не ехал, а полоскался в грязи. Зато и ругался же я! Мозг мой не мыслил, а только ругался. Замучился я до изнеможенья и был очень рад, попав на Красноярскую почтовую станцию. 3) От Красноярска до Иркутска 1566 верст, жара, дым от лесных пожаров и пыль; пыль во рту, в носу, в карманах; поглядишь на себя в зеркало и кажется, что заgrimировался. Когда по приезде в Иркутск я мылся в бане, то с головы моей текла мыльная пена не белого, а пепельно-гнедого цвета, точно я лошадь мыл.

М.П. Чеховой, 13 июня, на берегу Байкала

Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары... Горы, леса, зеркальность Байкала — все отравляется мыслью, что нам придется сидеть здесь до пятницы... Вдобавок еще не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы; молока нам не дали, а только обещали... Весь вечер искали по деревне, не продаст ли кто курицу, и не нашли... Зато водка есть! Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т.п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А

* Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893), поэт, за участие в кружке М.В. Петрашевского отбывал ссылку в 1849–1859 гг.

между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче... Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот.

М.П. Чеховой, 23 июня, станция Покровская

Амур чрезвычайно интересный край. До чертиков оригинален. Жизнь здесь кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т.е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. Последние строчки пишу уже 25 июня... Опять плывем...

Я осматриваю берега в бинокль и вижу чертову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. Вот бы где дачу нанять!

Деревни здесь такие же, как на Дону; разница есть в постройках, но не важная. Жители не исполняют постов и едят мясо даже в Страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки — это так принято. Странно бывает видеть мужичек с папиросами. Ах, какой либерализм!

На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и сослать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой... Доносы не приняты... Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?

Телеграмма Е.Я. Чеховой (матери. — Прим. ред.), Сахалин. Июль 11

Приехал здоров, телеграфируйте Сахалин. Чехов.

А.С. Суворину, 11 сентября. Пароход «Байкал»

Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу из Северного Сахалина в южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдет до Вас... Прожил я на Сев. Сахалине ровно два месяца. Принят я был местной администрацией чрезвычайно любезно, хотя Галкин не писал обо мне ни слова... пришлось действовать на собственный страх...

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.

Ему же, 9 декабря, Москва, Малая Дмитровка

Здравствуйте, мой драгоценнейший! Ура! Ну вот, наконец я опять сижу у себя за столом... Вот Вам кратчайший отчет. Пробыл я на Сахалине... 3 (месяца) плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел *все*, кроме смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вам целый сундук всякой каторжной всячины, которая как сырой материал стоит чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от помянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Саха-

лин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава небесам, холера прекратилась, и 13 октября пароход увез меня из Сахалина. Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя... Японию мы миновали, ибо в ней холера... Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады... Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон — место, где был рай... Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к чорту. Главное — надо быть справедливым, а остальное все приложится.

А.Ф. Кони, 26 января 1891 г. СПб.*

Милостивый государь Анатолий Федорович!

...Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать...

Положение сахалинских детей и подростков я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. Проституцией начинают заниматься девочки с 12 лет. Церковь и школа существуют только на бумаге, воспитывают же детей среда и каторжная обстановка...

Решать детского вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно делать. Но мне кажется, что благотворительностью и остатками от тюремных и иных сумм тут ничего не поделаешь; по-моему, ставить важное в зависимость от благотворительности, которая в России носит случайный характер, и от остатков, которых не бывает, — вредно. Я предпочел бы государственное казначейство.

За полгода до поездки на Сахалин (в октябре 1889 г.) в одном из писем А.Н. Плещееву А.П. Чехов писал:

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником — и только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выразались».

* Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист и общественный деятель.

CONTENTS

To our reader	5
Seminar	
EU-Russia Relations: Development of Partnership Based on Trust <i>Marc Franco</i>	7
Discussion	12
Notes from the Seminar <i>Marina Chepikova</i>	21
Theme of the Issue	
Geopolitical and Goeconomic Position of Russia in mid-XXI st century <i>Serguei Vasiliev</i>	25
XXI century: Challenges and Threats	
Dynamics of Relations between the Centre and the Periphery <i>Dmitri Gorin</i>	37
Revolution for Bureaucrats. New Opportunities for the Civil Society <i>Mikhail Savva</i>	43
Discussion	
Electoral System and Spirit of Federalism <i>Andrei Zakharov</i>	59
In Search of Value Guidelines and Growth Points <i>Alexei Chernyshov</i>	65
Historicity and the New Style of Civil Actions <i>Artem Marchenkov</i>	79
Spirit of Laws	
Outlook for the Establishment and Development of Collective Rights <i>Victor Fedosenko</i>	84
Announcement	
John Maynard Keynes. Economist, Philosopher, Statesman. 1883-1946. <i>Robert Skidelsky</i>	86
Freedom and Culture	
Is it not the high time for us to realize what democracy is all about? <i>Serguei Egorov, Efim Smulyanski</i>	91
An Individual Experience	
Alesya Karmalinskaya: "To step over the Fear of Being Oneself" <i>Yuri Girenko</i>	94
Ideas and Notions	
Modernization <i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	102
Horizons of Understanding	
Machiavelli and Discovery of Political Success <i>Aleksander Sogomonov</i>	112
Books	
«Russian System»?	114
<i>Andrei Zakharov</i>	
Regional Book Review <i>Andrei Nikitin</i>	
<i>Evgeniya Ivan'kova</i>	
Counter-Point <i>Aleksander Arkhangelski</i>	116
Nota bene	
From Letters of A. P. Chekhov	120

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, май–июнь 2005)

Наши авторы:

Александр Аузан

Александр Архангельский

Ирина Бусыгина

Егор Гайдар

Александр Зайцев

Андрей Захаров

Андрей Илларионов

Юрий Левада

Джон Ллойд

Альваро Хиль-Роблес

Дмитрий Тренин

Подписано в печать 12.07.2005.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: mpps@co.ru

<http://www.mpps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 5-93895-072-4

9 785938 950726